

Е. А. МОЛЕВ

БОСПОР
В ПЕРИОД
ЭЛЛИНИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Е. А. МОЛЕВ

БОСПОР В ПЕРИОД
ЭЛЛИНИЗМА

Монография

Издательство Нижегородского университета
Нижний Новгород
1994

ББК ТЗ(0) 324.46.

М 75.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Строецкий В. М.,
доктор исторических наук Фролова Н. А.

М 75. Молев Е. А. Боспор в период эллинизма: Монография.—Нижний
Новгород: изд-во ННГУ, 1994, 140 с.

В книге исследуется наименее изученный отрезок истории Боспорского государства. Автор обобщает **новый** археологический материал, полученный в результате раскопок последних лет и сопоставляет его с существующими научными гипотезами. Выводы подкрепляются и результатами собственных археологических исследований боспорского города Китея.

Книга рассчитана на историков, археологов, студентов исторических факультетов вузов и краеведов.

М $\frac{0503010000-209}{М 187 (03)-94}$

ББК ТЗ(0) 324.46.

ISBN 5-230-04333-4

© Молев Е. А., 1994.

**THE STATE UNIVERSITY N. I. LOBACHEVSKY
IN NIZHNIY NOVGOROD**

E. A. MOLEV

BOSPORUS IN THE PERIOD OF HELLENISM

Monograph

Nizhniy Novgorod University Publishers

**NIZHNIY NOVGOROD
1994**

MOLEV E. A. BOSPORUS IN THE PERIOD OF HELLENISM. Monograph. Nizhniy Novgorod. 1994.

The work presents the first special research of one of the less-researched periods of Bosporian history—from III till first half of I centuries BC. This period is enlightened by written sources rather scantily. The author bases on the analysis and interpretation of archaeological materials collected during last 40 years and not involved in scientific circulation basically. The author also concentrates on the examination of the concepts of late bosporian history promoted in last years.

As for the period of last Spartokides, the author makes the chronology and sucesion more precise. A new concept of the period of so-called «sarmatization» of Bosporus offered by the author allows to reconsider the problem of Bosporian relations with the neighbouring tribes (on Asian border of the Kingdom) radically and to add the characteristics of the Bosporian-Scythian relations with new factors, the question of the conquest of Bosporus by the Pontos Kingdom and role of scythes «headed by Savmak» in this process.

The scale of the research, the volume of involved sources and literature (both russian and foreign), allow to present the history of the Bosporian Kingdom in the period of Hellenism in very full way.

ВВЕДЕНИЕ

Эллинистический период представляет собой наименее изученный отрезок истории Боспорского государства. Данное обстоятельство до недавнего времени было связано с явно недостаточной источниковедческой базой. Вот почему после выхода в свет статьи Е. Г. Кастанаян, посвященной периоду позднего эллинизма¹, так и не появилось ни одного обобщающего труда специально посвященного истории той эпохи.

К настоящему времени накоплены значительные археологические, эпиграфические и нумизматические материалы, позволяющие уточнить и существенно дополнить имеющуюся картину. В связи с этим в последние годы были высказаны некоторые принципиально новые положения по различным вопросам истории Боспора эллинистического периода. Отметим работы Д. Б. Шелова² о Митридатовском периоде в Причерноморье, В. А. Анохина³ о периодизации и хронологии монетных выпусков Боспора, Ю. Г. Виноградова⁴ о хронологии правления последних Спартокидов и политических событиях времени их правления, докторские диссертации С. Ю. Сапрыкина⁵ и А. А. Масленникова⁶ об истории Понтийского царства и сельской территории европейского Боспора.

Значительная часть новых работ представляет собой публикации археологического материала и доклады на научных конференциях. В них затрагиваются отдельные проблемы интересующего нас времени. Все это не только дает возможность, но и делает вполне актуальным возвращение к данной теме с целью составления более ясной картины политической жизни Боспорского общества в III—II вв. до н. э. в свете новых данных. Хронологические рамки работы—от начала правления Спартока III до подчинения Боспора Понту, включая и правление понтийских царей Митридата Евпатора и Фарнака.

Предлагаемая монография строится по принципу раскрытия отдельных проблем в хронологических рамках периода, при этом последовательность расположения глав определя-

ется причинно-следственными связями раскрываемых в них событий. Несмотря на то, что работа посвящена преимущественно политическим факторам истории Боспора, в нее включены вопросы, которые представляются исключительно важными для понимания сути последних. Это вопрос об этнических процессах, которые в таком полиэтничном государстве как Боспор должны были оказывать (и несомненно оказывали) немалое влияние на ход политических событий, и вопрос о монетном деле и денежном обращении, поскольку связь его с политической жизнью общества несомненно весьма велика.

Ввиду того, что наше исследование посвящено исключительно новым аспектам политической истории Боспора и принципиально важные положения наших предшественников будут подробно рассмотрены в тексте глав, нет необходимости в подробном историографическом обзоре. Отметим только, что все проблемы, рассматриваемые нами, так или иначе связаны с публикацией новейших источников или передатировкой уже имеющихся, что позволяет надеяться на плодотворность нашей работы.

В предлагаемой монографии сделана попытка изучить лишь наиболее освещенные источниками стороны политической жизни боспорского общества. Но при этом затрагиваются и некоторые положения, для решения которых пока нет достаточных данных. Возможность таких положений определяется итогами всей проделанной автором научной работы и представляется вполне оправданной.

---

1. Кастанаян Е. Г. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху (ПИСП). М.: 1959. С. 205—219.

2. Шелов Д. Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. (ПЭЭ). Тбилиси. 1985. С. 551—572; его же. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36—42.

3. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986.

4. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55—87; его же. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14—33; его же. Vinogradov Yu. G., Wörrle M. Die Söldner von Phannagoreia // Chiron. 22. 1992. S. 159—170.

5. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Автореф. докт. дис. М.: 1992.

6. Масленников А. А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Автореф. докт. дис. М.: 1993.

Глава I

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВЛЕНИЯ СПАРТОКИДОВ

В III—II вв. ДО Н. Э.

Последнее точно установленное источниками время правления для боспорских царей относится к Спартоку III. По сообщению Диодора, он принял власть после смерти своего отца Эвмела около 304/303 г. до н. э. и правил двадцать лет (XX, 100, 7). За ним правил его сын Перисад II, конечная дата правления которого вычисляется на основании датировки письма из Зенонова архива папирусов уже приблизительно 245-м. годов до н. э.¹. Эта дата общепринята и ни у кого не вызывает сомнений².

Открытие в граффити на штукатурке из храма в Нимфее имени царя Сатира, неизвестного до сих пор, заставляет внести коррективы в даты правления остальных царей III в. до н. э. Судя по датировке названного памятника³, Сатир III должен был быть братом и соправителем Перисада II, наследовавшим после смерти последнего царский титул. Практика наследования отцу двумя старшими братьями на Боспоре в то время еще соблюдалась⁴. Отсутствие упоминаний имени этого правителя в других источниках позволяет думать, что время его правления было непродолжительным, где-то в пределах 245—240 гг. до н. э.

Вслед за ним царствовали сыновья Перисада II Спарток IV и Левкон II. Вероятность родственных отношений между этими правителями как будто подтверждается боспорскими надписями КБН, 24, 25, 822 (?). Но в таком случае, надо думать, что Сатир III не имел сыновей, вследствие чего власть перешла к племянникам. Продолжительность царствования Спартока определяется в 5 лет. Основанием для этого послужило замечание В. В. Латышева о том, что со-

хранилась только одна надпись с его именем⁵. Но к Спартоку можно отнести и надпись КБН, 822, датируемую авторами КБН второй половиной III в. до н. э. Кроме того и имя Левкона также упоминается лишь в одной надписи, а на его правление отводится двадцать лет. Все это позволяет считать правление Спартока IV более продолжительным и датировать его 240—230 гг. до н. э. За ним следует правление Левкона II, продолжавшееся, вероятно, почти до конца III в. до н. э. В пользу подобного предположения говорит хронология последних Спартокидов. Поскольку в ней еще больше темных мест, чем в хронологии правителей III в. до н. э., рассмотрим ее более подробно.

История правления последних Спартокидов, как выразительно отметил в свое время А. В. Орешников, «покрыта истинным Киммерийским мраком»⁶. Пересмотр датировки ряда памятников нумизматики и эпиграфики, появление новых документов дают нам некоторую возможность пролить свет на этот мрак в пределах конца III—II вв. до н. э. По общепринятому мнению, в конце III в. до н. э. Боспором управлял архонт Гиgienонт. За ним следовали Спарток V, Перисады III, IV и V. По предположению Д. Б. Шелова⁷, энергично поддержанному К. В. Голенко⁸ и Ю. Г. Виноградовым⁹, серебряные дидрахмы царя Спартока свидетельствуют о существовании еще одного царя с этим именем. Такова общая картина.

Прежде чем приступать к описанию последовательности и хронологии правления последних Спартокидов, выделим наиболее достоверные сведения источников, не вызывающие сомнений ни у кого из исследователей. Начнем с памятников эпиграфики.

О боспорских правителях рассматриваемого времени свидетельствуют посвятельные надписи царицы Камасарии и царя Перисада III из Дидим, датируемые 178/77 и 177/76 гг. до н. э.¹⁰, декрет города Дельфы в честь этих же правителей, датируемый первой четвертью II в. до н. э.¹¹, надписи КБН 75, 825 и 1044, датируемые серединой—второй половиной II в. до н. э.¹², херсонесский декрет в честь понтийского полководца Диофанта¹³ и вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея¹⁴. Из надписи КБН, 75 следует, что Спарток V, Перисады III и IV правили последовательно друг за другом. Конец правления Спартока V и начало правления Перисада III, судя по Дидимским и дельфийской над-

писям, относятся ко времени около 180 г. до н. э. Несомненно также, что последний боспорский царь, передавший власть царю Понта Митридату Евпатору, тоже носил имя Перисад. Кроме памятников эпиграфики и нумизматики это подтверждается и сообщением Страбона (VII, 4, 4).

Обратимся теперь к памятникам нумизматики. Царская чеканка этого времени представлена золотыми, серебряными и одной медной монетами Гигиенонта, Спартока и Перисадов. Золотые статеры этих правителей, по мнению нумизматов, являются подражаниями статерам лисимаховского типа, выпущенным в Византии. Еще А. Н. Зограф отмечал: «связь между лисимаховскими статерами византийской чеканки и статерами боспорских царей делает более чем вероятным полный параллелизм их развития¹⁵. Обстоятельное исследование лисимаховских статеров Византия А. Сейригом показало, что такие элементы их, имеющиеся на боспорских статерах, как изображение на реверсе трезубца с дельфинами и монограммы монетного двора появляются соответственно в 205—195 и 190—180 гг. до н. э.¹⁶. Следовательно, подражания лисимаховским статерам Боспора должны были появиться не ранее самого начала II в. до н. э., а те из них, что имеют монограмму монетного двора, не ранее 185—180 гг. до н. э.¹⁷.

Таким образом, все имеющиеся у нас достоверные сведения источников позволяют говорить о правлении всех вышеотмеченных государей во II в. до н. э.

Первым среди них, как мы уже отмечали, до сих пор считался архонт Гигиенонт, известный также и по клеймам на черепицах боспорского производства¹⁸. В политической истории Боспора это одна из наиболее неясных фигур. Время его правления определяется сегодня по-разному, причем расхождение сроков—от III до I вв. до н. э. К концу III в. до н. э. относили его В. В. Шкорпил, А. В. Орешников, В. Ф. Гайдукевич, Б. Н. Граков, А. Н. Зограф, Д. Б. Шелов* и В. А. Анохин. Во II в. до н. э. помещали его А. Л. Бертье-Делагард, Э. Миннз, Р. Вернер, К. В. Голенко, П. О. Карышковский. Первым веком до н. э. датировали время его правления Е. Мюре, Ф. Имхоф-Блюмер, Б. Хэд, П. О. Бурачков,

---

* В личном письме по поводу моей статьи об архонте Гигиенонте Д. Б. Шелов согласился с доводами в пользу правления Гигиенонта во II в. до н. э. Пользуясь случаем, еще раз выражаю ему искреннюю признательность за ценные замечания, высказанные по тексту статьи.

Т. Рейнак, К. Брандис. Определенно к Спартокидам относил его при этом только В. В. Шкорпил¹⁹. Архонтом Агриппии считал его П. О. Бурачков²⁰. По мнению Т. Рейнака и К. Брандиса Гиgienонт был руководителем восстания боспорян против Митрадата Евпатора в 80-е годы I в. до н. э.²¹. По предположению М. И. Ростовцева²², поддержанному В. Ф. Гайдукевичем²³, он мог быть ставленником пантикапейского гражданства в борьбе с тиранией Спартокидов. В представлении же большинства исследователей—это неизвестный династ Боспора, связь которого со Спартокидами неясна.

Столь значительные расхождения в датах и определении социального статуса Гиgienонта побуждают более подробно остановиться на этом правителе и еще раз проанализировать все имеющиеся у нас на сегодня источники о нем. Начнем с памятников нумизматики.

В настоящее время чеканка Гиgienонта представлена двумя золотыми статерами²⁴, двумя серебряными драхмами и одним медным тетраخالком. Статеры и драхмы чеканены по аттической системе и в весовом отношении наиболее близки монетам Боспора II в. до н. э. Тетраخالк тоже в весовом отношении наиболее близок монетам второй половины II в. до н. э. и монетам аналогичных номиналов 240—230 гг. до н. э. Такое совпадение весовых норм не редкость и само по себе не является сильным аргументом. Можно вспомнить, например, общность весовых норм меди Левкона II и Митридата Евпатора²⁵. Поэтому, отметив этот факт, рассмотрим отдельно особенности золотых, серебряных и медных выпусков.

Статеры лисимаховского типа с изображением трезубца и дельфинов, к которым на Боспоре относятся монеты Гиgienонта и Перисадов, были широко распространены в Причерноморье. Подражания им чеканили в первой половине II в. до н. э. в Колхиде²⁶, Тире²⁷, в последней четверти II в. до н. э.—первой трети I в. до н. э. в Истрии, Каллатии, Томах²⁸ и с начала II в. до н. э. до последнего десятилетия I в. до н. э. на Боспоре. Отметим сразу, что К. В. Голенко считал неподлинным золото Гиgienонта²⁹. Такого же мнения придерживался и П. О. Карышковский, а в отношении неопубликованного статера и Н. А. Фролова. Обстоятельства находки неопубликованного статера неизвестны. Опубликованный же найден работниками князя Голицина на его ви-

мограднике в имени «Новый Свет» близ Судака и выкуплен им у них, по словам А. В. Орешникова, за 10 бутылок шампанского. Место находки и цена выкупа оставляют место для сомнений в подлинности монеты. Однако, общие стилистические особенности со статерами Перисадов, близкий вес и проба металла говорят за то, что выпуск статеров Гигиенонта—явление вполне реальное.

Наличие на статерах монограмм монетного двора не позволяет относить его правление ко времени ранее середины второго десятилетия II в. до н. э. Но в то время, судя по эпиграфическим данным, правил Спарток V. К тому же монограмма монетного двора на статерах Гигиенонта совпадает по форме и месту наложения с аналогичной монограммой на статере одного из Перисадов. Этот статер все нумизматы единодушно относят к последнему Перисаду. Будь это магистратская монограмма, можно было бы усомниться в возможности сближения этих правителей, поскольку в таком случае сходство монограмм может быть случайным, что отмечал еще А. Л. Бертье-Делагард³⁰. Например, совершенно идентичны магистратские монограммы на статерах Перисадов из коллекции Эрмитажа, монетах Амиса и статерах Аспурга³¹. Сходство же монограмм монетного двора более естественно, т. к. предполагает зашифровку того же названия у правителей одного государства. Поэтому есть основания сближать время правления Гигиенонта с царствованием последнего Перисада.

Таким образом, изучение золотых статеров Гигиенонта не дает оснований для отнесения времени его правления к концу III в. до н. э. Гораздо более вероятно их появление во II в. до н. э. Однако не будем опешить с выводами, рассмотрим остальные монеты.

Обстоятельства находки серебряных драхм этого правителя, кроме упоминания П. О. Бурачкова о находке одной из них на Тамани, неизвестны. Это значит, что говорить о датировке этих монет, не принимая пока в расчет других источников, мы можем только на основании их стилистических особенностей. Из последних некоторые основания для датировки дает написание омикрона в легенде на реверсе драхм. Он значительно меньше других букв. Такое его написание в нумизматике Боспора проследить не удастся, поскольку во II в. до н. э. эта буква вообще мало употреблялась. В эпиграфике же уменьшение омикрона наблюдается во II в. до

н. э.³², и хотя эта аналогия отдаленная, в данном случае она все же дает возможность предполагать вероятное время выпуска наших драхм.

Другой стилистический фактор—написание альфы. Эта буква на драмах имеет ломаную горизонтальную гасту, в то время как на золотых статерах эта гаста прямая. По мнению Д. Б. Шелова, такое колебание в ее написании впервые наблюдается во II в. до н. э.³³.

Таким образом в совокупности, приведенные стилистические особенности серебряных драхм позволяют отнести их выпуск ко II в. до н. э.

Единственная известная медная монета (тетрахалк) Гигиенонта куплена Императорской археологической комиссией у какого-то торговца в 1909 г. Существуют, правда, сомнения в ее принадлежности нашему Гигиенонту³⁴. Но поскольку подлинность ее не вызывает сомнений у нумизматов, а чтение легенды реверса, в чем я убедился, лично ознакомившись с монетой, дает однозначно имя Гигиенонта, хотя и в сокращении, я не вижу веских причин для таких сомнений. В противном случае надо предполагать присутствие на Боспоре еще одного Гигиенонта, что еще более сомнительно.

Сокращенное написание имени, отсутствие титула и монограмм отличают данный тетрахалк от статеров и драхм. Однако сокращенное написание имени царя из-за недостатка места мы видим и на меди Левкона II³⁵, выпускавшейся до Гигиенонта. Отсутствие монограмм также характерно для боспорской и понтийской меди домитридатовского времени³⁶. Сложнее объяснить отсутствие титула. Попытаемся, однако, сделать и это.

Отметим сначала одну особенность титула Гигиенонта—в нем отсутствует указание на место правления. На эпиграфических памятниках предшествующего времени и на золотых монетах Асандра, правившего после Гигиенонта, этот титул всегда звучит как «архонт Боспора». И только на меди Асандра указано просто «архонт», как на золоте и серебре Гигиенонта. Может быть, это случайность, но скорее всего нет. И тут возможны, на мой взгляд, два предположения.

Во-первых, Гигиенонт был первым правителем Боспора, выпустившим монеты и из драгоценных металлов, и из меди, и если эти серии выпускались одновременно, наличие титула на меди, предназначенной для внутреннего обращения в государстве, могло считаться необязательным, как обяза-

тельным стало указание на место правления на меди Асандра. Тут, правда, можно возразить, что Левкон II ставил титул на своих монетах. Но ведь при этом он не выпускал ни золота, ни серебра! К тому же Левкон был царь и его титул на медной монете придавал ей определенный вес. Тем более, что это были годы денежного кризиса. Гигиенонт же был всегда лишь архонт, и его роль в государстве определялась в гораздо большей степени по монетам из драгоценных металлов, чем по меди.

Во-вторых, выпуск меди мог быть и последней акцией Гигиенонта, как правителя, когда реальная власть, а не только титул, уже должна была перейти к законному наследнику, наличие которого, вероятно, и не давало Гигиенонту возможности принять царский титул. Данное предположение представляется мне более близким к истине, исходя из датировки тетраخالка. Эмблема лицевой стороны его мало что дает для определения времени выпуска. Зато обратная сторона—несомненный образец понтийского влияния. Рог избытка между шапками Диоскуров появляется на тетраخالках Пантикапея, по общепринятому мнению, в последней четверти II в. до н. э. под влиянием монетного дела Понта. То, что эта эмблема появляется именно под влиянием Понта, особенно хорошо иллюстрируется чеканкой монет Диоскурии, которая до конца II в. до н. э. не выпускала свою монету³⁷.

Таким образом, тетраخالки Гигиенонта могли быть выпущены в конце третьей четверти II в. до н. э., и, следовательно, все монеты архонта Гигиенонта оказываются принадлежащими II в. до н. э.

Второй источник, свидетельствующий о существовании архонта—это боспорские клейменные черепицы с тем же титулом и именем. Наиболее обстоятельно они рассмотрены в статье В. В. Шкорпила³⁸, аргументация которого была в дальнейшем воспринята всеми исследователями. Во всяком случае никто не пытался пересмотреть датировку клейм. Вероятно, это связано с тем, что до сих пор все клейма этого архонта были найдены либо в слоях, датирующихся достаточно широко, либо как случайные находки. Сейчас известны находки этих клейм в Пантикапее, Нимфее, Загородной Усадьбе близ Мирмекия, в поселке Героевка и в районе церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Со всеми этими находками я ознакомился лично. Все они датируются приблизительно

но, а потому у нас для датировки их выпуска остается по-прежнему единственный закрытый комплекс—черепичное погребение из некрополя Пантикапея, опубликованное В. В. Шкорпиллом. Учитывая это, рассмотрим еще раз его аргументацию датировки клейм.

Основой для датировки В. В. Шкорпилу послужил сосуд типа гидрии, аналогичный сосуду из Артюховского кургана; бронзовая монета «весьма плохой сохранности», различное написание гаст альфы (прямая и ломаная), свойственное монетам Пантикапея и Фанагории с Аполлоном и тирсом конца III в. до н. э. и надписи Лисикрата (SIG., 1, 221). Сразу отмечу, что надпись Лисикрата мне проверить не удалось. Что же касается остальных аргументов В. В. Шкорпила, то Артюховский курган убедительно передатирован М. И. Максимовой 140—125 гг. до н. э.³⁹. Соответственно датирована ей и гидрия на основании аналогичных находок из Приены, Порфмия и Нимфея. Монета из могилы датируется Д. Б. Шеловым концом III в. до н. э.—первой половиной II в. до н. э.⁴⁰, хотя ее «плохая сохранность» заставляет принимать эту дату со знаком вопроса. Монеты же с Аполлоном и тирсом датированы А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым первой половиной II в. до н. э., а В. А. Анохиным еще более узко—150—140 гг. до н. э.⁴¹. Учитывая все это, а также хорошее качество черепицы, явно не использовавшейся по своему прямому назначению, можно говорить о датировке могилы третьей четвертью II в. до н. э. и, соответственно, о появлении клейм архонта Гигиенонта в то же время.

Таким образом, все имеющиеся у нас сведения говорят в пользу архонтства Гигиенонта во II в. до н. э. Выше мы уже отмечали, что, судя по посвячительной надписи КБН, 75, в начале II в. до н. э. последовательно правили Спарток V, Перисады III и IV. Общее время их правления по новейшей хронологии, предложенной Ю. Г. Виноградовым, от 200 до 150 гг. до н. э.⁴². Далее, судя по нашим источникам, можно было бы поместить архонтство Гигиенонта. Однако, прежде чем делать это, рассмотрим мнение Д. Б. Шелова, К. В. Голенко и Ю. Г. Виноградова о правлении в то время Спартока VI.

Существование этого правителя доказывается всего лишь серебряными дидрахмами, которые вышеотмеченные исследователи датируют серединой II в. до н. э. Аргументами в пользу такой датировки являются стилистическое сходство

монет Спартока и синхронных монет Пантикапея, а также наличие одинаковых монетграмм на дидрамах и статере Перисада V. В. А. Анохин отрицает существование Спартока VI, отвергая один из основных аргументов своих предшественников—стилистическое сходство монет Спартока и Пантикапея второй половины II в. до н. э. Поскольку мы не имеем исходных данных об обстоятельствах находок монет Спартока и сопутствующем археологическом материале, а типология и стилистика не могут дать точных дат хотя бы в пределах десятилетий, подобного рода разногласия среди нумизматов неизбежны. Кроме того, предполагать взаимозависимость монетных типов городских и царских выпусков всегда очень сложно, если только не существовало такой традиции в государстве достаточно длительное время. Что же мы имеем в этом плане на Боспоре?

Типология первого выпуска царских монет, принадлежащих Левкону II, не имеет аналогий ни в предыдущей, ни в последующей чеканке Пантикапея. Аналогична ситуация со статерами Перисадов. Иными словами, заимствование типов царских монет монетариями городской общины Пантикапея (или наоборот) оказывается характерным только для монет Спартока VI. Уже сам по себе такой факт настораживает, поскольку ничего другого об этом правителе неизвестно. Тем более, что чеканка монет аналогичных дидрахам с типом «лук в горите» и легендой «Панти» по обе стороны эмблемы осуществлялась в Пантикапее еще в IV в до н. э.⁴³ Поэтому использовать стилистическое сходство монет Спартока и Пантикапея для датировки времени правления этого царя кажется мне бесперспективным. Отмечу также, что палеографические особенности написания некоторых букв легенды дидраhm и сравниваемых с ними монет Пантикапея (пи, капы и омеги) различны.

К. В. Голенко выдвигал еще два аргумента в пользу своего предположения. «Наличие трезубца с дельфинами,—писал он,—позволяет предполагать, что его (Спартока—М. Е.) эмиссия шла по пути, намеченному на Боспоре выпусками золотых статов Перисадов»⁴⁴. Но почему, в таком случае, Спарток нарушает эту традицию? Почему он выпускает серебряные, а не золотые монеты? Почему он меняет уже установившийся тип реверса, который после него опять восстанавливается на статерах последующего правителя? Почему, наконец, наличие трезубца с дельфинами должно непременно

но означать заимствование Спартоком типологии Перисадов, а не наоборот? На эти вопросы исследователь не дал ответа, хотя они возникают совершенно естественно и, не ответив на них, нельзя быть уверенным в высказанном предположении.

Третий, самый значительный, по мнению Ю. Г. Виноградова, аргумент К. В. Голенко—монограмма на дидрахмах Спартока, аналогичная монограмме на статерах, относимых им к Перисаду V. Повторение монограмм данного типа—характерная черта монетного дела Лисимаха⁴⁵, а стало быть, можно предполагать такую же закономерность и для подражаний им, каковыми являются статеры Перисадов. Но, во-первых, монограмма на статерах Перисадов нанесена под рукой богини Афины, в то время как на золотом статере Спартока, считающемся подделкой, в поле щита Афины⁴⁶, а на дидрахмах—внизу горита, что, на мой взгляд, свидетельствует об их разном назначении. Можно, конечно, возразить, что иное расположение монограмм на дидрахмах связано с иным типом изображения реверса. Но вот на статерах и драхмах Гиgieоннта монограммы расположены совершенно одинаково, хотя и здесь тип реверса различен.

Монограммы в правой нижней части монет Спартока и Гиgieоннта и монограммы, расположенные почти в том же месте под тронем Афины на золотых статерах Перисадов, позволяют определить место чеканки этих монет⁴⁷. Монограммы же в поле монеты под рукой Афины на золотых статерах, вероятнее всего, были магистратскими. Поэтому их сходство не может быть основанием для сближения данных выпусков.

Во-вторых, сближение датировки монет Спартока и последнего Перисада на основании сходства монограмм возможно лишь в том случае, если статов из Артюховского кургана и статов из собрания Эрмитажа с аналогичной эмблемой принадлежали одному правителю. Понимая это, К. В. Голенко допускает, что Перисад V сначала выпускал недатированные статеры, но быстро изменил эту практику и уже на первом году своего царствования выпустил и монеты с датами в виде отдельных букв⁴⁸. Однако разный штемпель реверса этих монет, что единогласно отмечали все издатели, указывает, скорее, на принадлежность их разным правителям. Это отмечал специально исследовавший данные монеты П. О. Карышковский⁴⁹. Следовательно, сходство монограмм

в нашем случае не может быть веским аргументом в пользу существования Спартока VI.

Как видим, аргументы, приводимые в пользу отнесения дидрахм с именем Спартока к шестому правителю с этим именем, достаточно уязвимы. В пользу же отнесения их к Спартоку V, правившему в начале II в. до н. э., говорят закономерности развития монетного дела. В свое время сам К. В. Голенко отмечал, что заимствования новых элементов в монетном деле всегда происходят с учетом существующих традиций в государстве. Даже при потере самостоятельности, при переходе под власть Митридата Евпатора «местный монетный двор некоторое время продолжал выпускать монеты в традициях чеканки поздних Спартокидов»⁵⁰. В том числе выпускались, по его мнению, золотые подражания статерам Перисадов⁵¹. К тому же чеканка серебряных монет более традиционна для Боспора и соответствует наблюдаемому во II в. до н. э. во всем греческом мире оживлению серебряного обращения⁵². Исходя из этого, я считаю более правильным считать первыми монетами лисимаховских типов на Боспоре дидрахмы Спартока V, сочетающие и боспорские традиции (серебро, эмблема «лук в горите»), и новые заимствования (расположение легенды, монограмма, трезубец с дельфинами).

Время правления Спартока V определяется 200—180 гг. до н. э. всеми исследователями. Ему наследовали царица Камасария и Перисад III. Предположение Ю. Г. Виноградова о происхождении и порядке наследования престола этими правителями представляется мне вполне убедительным. Однако предлагаемая им конечная дата правления Перисада III—170 г. до н. э., кажется мне несколько заниженной. Основанием для такой датировки Ю. Г. Виноградов считает хронологию дидимейской и дельфийской надписей. Отталкиваясь от этих дат, он пишет: «ничто не мешает поместить правление Перисада IV (сначала с матерью, затем единолично) во вторую четверть II в. Но в таком случае и надпись пантикапейского фиаса КВН, 75, вопреки общепринятой датировке В. В. Латышева, следует отнести ко времени, скорее не после, а до 150 г., так как она, по всей видимости, была поставлена по совершенно конкретному поводу династийно-государственной декларации в связи с повторным браком Камасарии»⁵³.

Три обстоятельства мешают безоговорочному принятию такого вывода. Во-первых, характер надписей из Дидим и Дельф не дает оснований для вывода о том, что именно в это время закончилось правление Перисада III. Царь Пруссий II Вифинский, например, упомянутый в той же надписи в Дидимах, процарствовал до 149 г. до н. э. Во-вторых, для определения хронологии правления Перисадов III и IV, мне кажется, следует идти от источника, т. е. сначала передатировать надписи, относимые до сих пор ко времени Перисада IV по палеографическим особенностям, не опровергнутым Ю. Г. Виноградовым, а уж потом согласовывать эти данные с данными других источников. Убедительных же оснований для передатировки КБН, 75 я сейчас не вижу. Наконец, в-третьих, надпись КБН, 75 поставлена от имени фиаситов, членов религиозного союза и видеть в ней проявление факта легализации общиной Пантикапея вступления на престол Перисада IV или вступления в повторный брак царицы Камасарии нет достаточных оснований. Гораздо более вероятно, на мой взгляд, связывать это посвящение с фактом покровительства фиасу со стороны царской семьи. Во всяком случае, исходя из его содержания, мы можем только сказать, что Камасария вступила в повторный брак в период правления ее сына. Это могло быть и в начале его правления и позднее.

Таким образом, основываясь только на эпиграфических источниках, мы не можем быть абсолютно уверены в конечной дате правления Перисада III. Посмотрим, что дадут нам нумизматические материалы.

Все известные на сегодняшний день выпуски золотых статеров Перисадов нумизматы распределяют между тремя правителями с этим именем. При этом мнения сходятся только в отношении статеров из Северского кургана, Лондонского собрания и Музея изобразительных искусств. Последний без монограммы. Все эти монеты относятся к чеканке последнего Перисада. По остальным мнения расходятся. Стакер из коллекции князя Сибирского, считающийся наиболее ранним, В. А. Анохин считает поддельным⁵⁴. Утрата самой монеты и отсутствие данных об обстоятельствах ее находки заставляют воздержаться от окончательных выводов. Отмечу только, что те элементы сходства этого статера с монетами Митридата Евпатора, которые отметил В. А. Анохин, могут, на мой взгляд, свидетельствовать не только о его не-

подлинности, но и о возможности отнесения его к группе подражаний статерам реальных Перисадов, выделенных К. В. Голенко и датированных им временем Митридата⁵⁵.

Хронология остальных статеров более подробно рассмотрена нами в главе о монетном деле Боспора (С. 65—67), поэтому здесь мы отметим только, чтобы не повторяться, что последовательность развития монограмм на статерах и датировка А. Сейригом монет Туапсинского клада, по аналогии с которыми датируется и статер из Артюховского кургана (Прил. Табл. II, 4)⁵⁶, позволяют определить дату окончания правления Перисада III временем около 160 г. до н. э.

Таким образом, можно думать, что четвертый Перисад вступил на престол также около 160 г. до н. э. Время его правления, судя по датировке надписей КБН, 75 и 1044 серединой II в. до н. э. и редкость выпусков его монет вряд ли было продолжительным. Вероятно, он скончался или погиб между 150 и 140 гг. до н. э. Таким образом, на оставшееся время до подчинения Боспора Понту остается два правителя: Гигиенонт и Перисад V. Причем первый известен только как архонт. Правда, в надписи КБН, 825 и Перисад V назван только архонтом. Но его монеты, декрет в честь Диофанта, вотив дочери царя Скилура из Пантикапея называют его царем. Время правления Перисада V продолжалось, по общепринятому мнению, не менее 20 лет. Отсчитав эти годы от даты подчинения Боспора Понту, мы получим дату окончания архонтства Гигиенонта.

Однако и дата подчинения Боспора Понту сегодня нуждается в уточнении. На третьем Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья Ю. Г. Виноградов, со ссылками на мнение Низе, Брандиса и Ольсхаузена⁵⁷, предложил считать более правильной дату прихода к власти Митридата Евпатора 114-й год до н. э. и передвинуть начало походов Диофанта в Таврику на 113 г. до н. э.⁵⁸ Аргументами в пользу такой даты являются расхождения у Юстина между сроком семилетнего изгнания и временем от начала царствования до начала войны с Римом, сомнение в семилетнем сроке изгнания, противоречие свидетельства Юстина указанию Мемнона о смерти матери Митридата и несоответствие даты прихода к власти Митридата в 111 г. до н. э. с делосской надписью OGIS, 369, датированной по просопографии дедиканта 115 г. до н. э.

Поскольку исследуемая нами и последующая хронология Боспора тесно связана с датами жизни и деятельности Митридата Евпатора, рассмотрим этот вопрос еще раз⁵⁹. Отметим, прежде всего, точно установленные факты, не вызывающие сомнений. Речь Цицерона за Мурену и заметка Диона Кассия о смерти Митридата в 691 г. от основания Рима (Dio., Cass., XXXVII, 13) свидетельствуют о гибели царя Понта в 63 г. до н. э. Вторая точная дата, называемая Аппианом, осень 89 г. до н. э.—дата начала войны с Римом (около 173 олимпиады)⁶⁰. Все остальные даты жизни и деятельности Митридата в наших источниках расходятся.

Так, возраст Митридата в момент его смерти определяю: Аппиан—в 68—69 лет, Саллюстий—в 70 лет, Оросий—в 72 года. Срок правления его по Аппиану—57 лет, по Плинию—56 лет. Возраст Митридата в то время, когда он пришел к власти, (т. е. сразу после смерти отца) по Страбону составлял 11 лет, по Мемнону—13 лет. Аппиан прямо не называет его возраст в то время, но если отнять от общего числа лет жизни понтийского царя годы его царствования, то получается 11—12 лет. Каким же датам отдать предпочтение?

Из всех вышеперечисленных авторов историю жизни и царствования Митридата лучше всего знал, несомненно, Страбон. Поэтому его указание о возрасте Митридата в год смерти отца будет, на мой взгляд, наиболее вероятным. Учитывая то, что смерть отца последовала не ранее 120 г. до н. э.⁶¹, эту дату, вероятнее всего, и следует считать датой официального восшествия на Понтийский престол Митридата Евпатора в соправительстве с матерью и младшим братом. Дальнейшие же наши хронологические расчеты зависят от того, как отнестись к свидетельству Юстина о вынужденном семилетнем изгнании юного царя.

Ю. Г. Виноградов склонен все же допускать факт ухода Митридата в горы, но предлагает сократить срок изгнания. Учитывая одиночность информации Юстина, я бы не рискнул вносить в нее свои коррективы, поскольку тогда надо будет оправдывать их переоценкой всей его предшествующей информации. Ведь именно ситуация при дворе, о которой пишет Юстин, вынудила Митридата бежать в горы, и этот факт согласуется со сведениями других источников о детстве Митридата.

Ссылка на указание Мемнона о том, что мать Митридата была брошена им в темницу спустя «небольшое время» после его вступления на трон, не выручает. С одной стороны, мы можем лишь предполагать, что для него означало «небольшое время». С другой—в данном пассаже Мемнона (XXX, 1—2) есть расхождения с данными других источников. Так, оценка Мемноном Митридата («с детства был кровожаднейшим из царей») не подтверждается больше ни одним автором. Приводимое им имя племянника Митридата ошибочно, а вероятность того, что Митридат мог обрушиться с репрессиями на мать сразу после смерти отца, когда ему самому еще ничто не угрожало, да еще в тринадцатилетнем возрасте, совершенно ничтожна. К такому его могли вынудить именно те обстоятельства, о которых упоминает Юстин. Но именно эти обстоятельства вынудили его бежать, поскольку реальной власти он еще не мог иметь. Следовательно, указание Мемнона не может быть веским аргументом в нашем случае.

Что же касается посвящения за Митридата и его брата Христа, то Ю. Г. Виноградов ссылается лишь на посвящение Диониса, сына Неокла афинянина (OGIS, 369), действительно датированное 116/115 г. до н. э. Но ведь есть еще аналогичное посвящение Зевсу Урию в храме Сераписа на том же Делосе, датированное 115—111 гг. до н. э.⁶² Иными словами, отрицание факта семилетнего отсутствия Митридата на престоле или попытки сократить этот срок возможны лишь как предположения. Вероятность же последних велика ничуть не более, чем вероятность свидетельства Юстина.

Таким образом, наиболее вероятной датой прихода к власти Митридата Евпатора в Понте остается 113 г. до н. э.⁶³ В этом же году он получает по наследству от царя Антипатра Малую Армению и начинает завоевание Колхиды. В следующем году начались походы Диофанта в Таврику. Летом или осенью 108 г. до н. э., когда Диофант после разгрома скифов прибыл на Боспор, там произошел государственный переворот, стоивший жизни Перисаду V. Прибавив к этой дате двадцать лет, мы получим ~ 130 г. до н. э. как исходную точку правления последнего. Таким образом последовательность правления Спартокидов III—II вв. до н. э. будет выглядеть следующим образом:

Спарток III	—	304/303—284/83 гг.
Перисад II	—	284/83—ок. 245 г.

Сатир III	— ок. 245—ок. 240 г.
Спарток IV	— ок. 240—ок. 230 г.
Левкон II	— ок. 230—ок. 200 г.
Спарток V	— ок. 200—ок. 180 г.
Перисад III	— ок. 180—ок. 160 г.
Перисад IV	— ок. 160—ок. 145 г.
Гигиенонт	— ок. 145—ок. 130 г.
Перисад V	— ок. 130—108 г.

Нам остается только попытаться прояснить вопрос о происхождении Гигиенонта. Основанием для суждения могут служить выпуск золотых монет, титул архонта и эмблема реверса драхм. Выпуск золота свидетельствует о всей полноте его власти. Титул же архонта говорит о том, что имелось очень существенное препятствие для принятия царского титула. На мой взгляд, таким препятствием служило наличие законного наследника и то, что сам Гигиенонт не принадлежал к царскому роду, по крайней мере по прямой линии. Судя по реверсу его драхм, Гигиенонт совершил какие-то (или какой-то) военные подвиги⁶⁴. Краткость правления Перисада IV в сочетании с этим фактом позволяет думать, что данный царь погиб в столкновении с варварами, после чего стратег, отомстивший за его смерть, стал опекуном при малолетнем наследнике престола с титулом архонта и впоследствии возвратил ему царскую власть. Правда, в истории такие поступки нечасты. И здесь особенно смущает выпуск золотых монет от имени опекуна. Но примеры выпуска таких монет соправителями есть. Таковы монеты цариц Египта Арсиной II, Береники II и Арсиной III⁶⁵. Особенно показателен выпуск Береники II. Эта царица в 246—245 гг. до н. э. во время отсутствия мужа, находившегося на войне в Сирии, выпустила золотые октодрахмы со своим портретом на аверсе и легендой «царица Береника» на реверсе⁶⁶. Выпускала монеты от своего имени и понтийская царица Лаодика, вдова Митридата IV или V, без всякого указания на соправительство⁶⁷. Следовательно, выпуск монеты из драгметаллов архонтом Гигиенонтом может считаться вполне легитимным, соответствующим реальному положению дел в государстве.

1. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 261.

2. Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // *Historia*. 1955. IV. S. 430; Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971. S. 573.

3. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 86.

4. Виноградов Ю. Г. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. ТД. М.: 1978. С. 22—25.

5. Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства // PONTICA. СПб. 1909. С. 87.

6. Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. М.: 1912. Отд. оттиск. С. 42.

7. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: 1956. С. 187. Годом раньше близкую датировку монет Спартока предложил Р. Вернер. См. Werner R. Die Dynastie der Spartokiden. S. 422—430.

8. Голенко К. В. Новая монета царя Спартока // НАП. Киев. 1982. С. 51.

9. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 65.

10. Rehm A. Didyma. II. Berlin. 1958. p. 463.

11. Vossuet J. Inscriptions de Delphes // BCH. 1966. 90. 2. P. 442.

12. Корпус боспорских надписей. М.—Л.: 1965. С. 461, 604.

13. IPE, 1², № 352.

14. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 55—86.

15. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 184.

16. Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcedoine. Essays in Greek Coinage presented to Stanley Robinson. Oxford. 1968. P. 199—200.

17. Карышковский П. О. К вопросу об обращении статовров ливсиаховского типа в Причерноморье // Нумизматический сборник. Тбилиси. 1977. С. 22.

18. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 312, 314. № 92—93.

19. Шкорпил В. В. К вопросу о времени правления архонта Гигнионта // Сборник статей, посвященных графу Бобринскому. СПб., 1911. С. 41.

20. Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим на северном берегу Черного моря. Одесса. 1884. С. 24.

21. Reinach T. Mithridates Eupator König von Pontos. Lpz., 1895. S. 184, 296; RE., III. Bosporos. Sp. 775.

22. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр.: 1918. С. 102.
23. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л.: 1949. С. 78. Ср. Idem, Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971. S. 93.
24. Один из них, хранящийся в Государственном историческом музее, не издан (инв. № 385). За консультацию и предоставление слепков статов выражаю искреннюю признательность Н. А. Фроловой.
25. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. (МДБ). С. 185.
26. Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси. 1987. С. 89.
27. Зограф А. Н. Монеты Тиры.: М.: 1957. С. 26—28; Булатович С. А. К вопросу о золотых статорах лисимаховского типа, чеканенных в Тире. МАСП. Киев.: 1983. С. 175.
28. Pick B., Regling K. Die Antiken Münzen Nord-Griechenlands. В., 1. 1898—1910. S. 91, 92, 154, 606—607.
29. Голенко К. В. Новая монета царя Спартока. С. 55.
30. Бертье-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // 300. 1911. № 29. С. 125.
31. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. (МДБ). С. 142. № 156, 156a. Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris. 1925. T. 1. Pl. suppl. G. N 5, 6. (WBR).
32. Ёолтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерки истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. № 3. С. 16.
33. Шелов Д. Б. МДБ. С. 161.
34. Там же, с. 185.
35. Анохин В. А. МДБ. № 135, 136.
36. Голенко К. В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. 1960. № 2. С. 29.
37. Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. С. 105.
38. Шкорпил В. В. К вопросу... С. 41 и сл.
39. Максимова М. И. Артюховский курган. Л.: 1979. С. 8.
40. Шелов Д. Б. МДБ. Табл. VII, 83. С. 165.
41. Зограф А. Н. Античные монеты. Табл. XIII, 3; Шелов Д. Б. МДБ. Табл. VII, 88; Анохин В. А. МДБ. № 169.
42. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 65—66.
43. Анохин В. А. МДБ. № 113.
44. Голенко К. В. Новая монета царя Спартока. С. 51.
45. Thompson M. The Mints of Lysimachus // Essays of Greek coinage presented to Stanley Robinson. Oxford. 1968. P. 166.
46. Зограф А. Н. Античные монеты. С. 183; Қарышковский П. О. К вопросу... С. 20.

47. Анохин В. А. МДБ. С. 69.
48. Голенко К. В. Новая монета царя Спартока. С. 53.
49. Карышковский П. О. К вопросу... С. 24.
50. Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечековки // НЭ. 1968, № 7. С. 42. См. также Нестеренко Н. Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 78.
51. Фуленко К. В. Статеры царей Боспора из новых приобретенных ГМИИ // СГМИИ. 1966. № 3. С. 38—39.
52. Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев. 1988. С. 102.
53. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 64.
54. Анохин В. А. МДБ. С. 64.
55. Голенко К. В. Статеры царей Боспора. С. 39.
56. Карышковский П. О. К вопросу... С. 24.
57. Отметим сразу, что Низе при этом предполагал дату первого выхода Диофанта 110 г. до н. э. См. Niese В. *Straboniana*. RM. XLII. 1887. S. 517. А более раннюю дату предложил до него Э. Мейер. См. Meyer E. *Geschichte der Königreichs Pontos*. Leipzig. 1879. S. 88.
58. Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 643—644.
59. Ранее я предлагал дату реального прихода к власти Митридата 113/112 г. до н. э. См. Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов. 1976. С. 21.
60. Olshausen E. *Das Königreich Pontos* // RE. suppl. Bd. XV. 1978. Sp. 426; Sherwin-White A. N. Opening of the Mithridatic War // Philias Kharin. *Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni*. VI. Roma. 1980. P. 1981—1995; McGing B. *The foreign Policy of Mithridate VI Eupator King of Pontus*. Leiden. 1986. P. 108f. Not. 96.
61. Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси. 1979. С. 71.
62. Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л.: 1956. С. 250.
63. Ср. Нестеренко Н. Д. Союзный чекан Понта и Боспора во второй половине II в. до н. э. // Проблемы исследований античных поселений. ТД. М.: 1989. С. 85.
64. Шелов Д. Б. МДБ. С. 185.
65. *Catalogue of Greek coins. The Ptolemies, kings of Egypt*. London. 1883. P. 42—45. Tabl. III, 8; P. 59—61. Tabl. III, 13; P. 67. Tabl. III, 15.
66. Kurieleis H. *Bildnisse der Ptolemäer* // *Deutsches Archäologisches Institut. Archäologische Forschungen*. Bd. 2. 1975. S. 94.
67. WBR., P. 12. Pl. 1, 12—14.

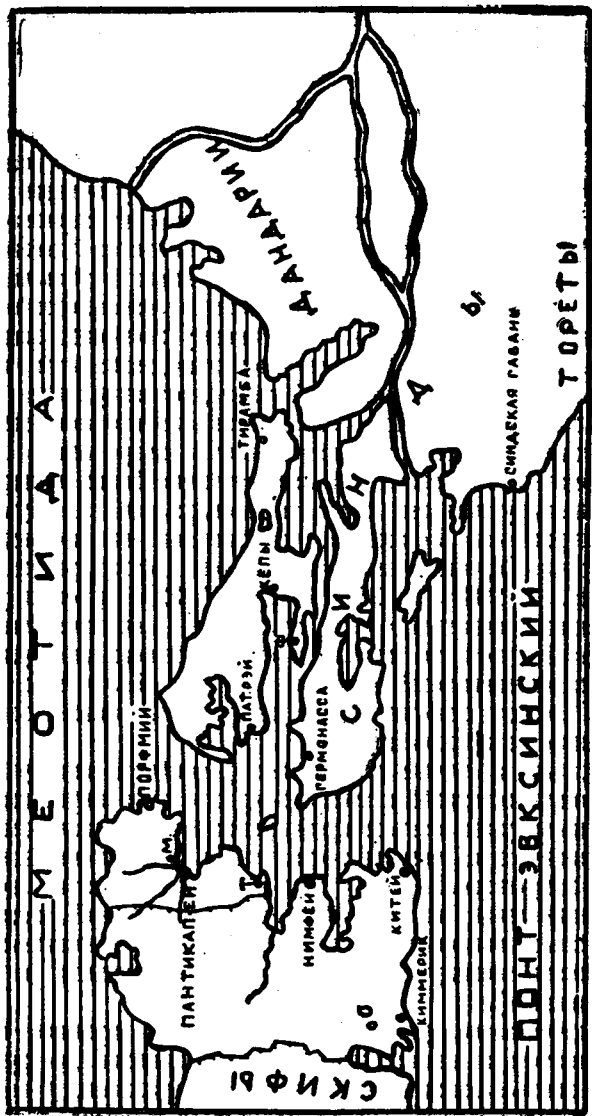
Глава II

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА БОСПОРЕ В III—I вв. ДО Н. Э.

Этническая ситуация на Боспоре в III—первой половине I в. до н. э. не раз рассматривалась в специальной литературе. Наиболее полно и обстоятельно этот вопрос изучен А. А. Маслениковым¹, с выводами которого в большинстве случаев нельзя не согласиться. Однако ряд положений автора все же требует уточнения, тем более, что со времени опубликования его первой работы, наиболее важной для данной темы, появились публикации новых археологических материалов Боспора и его соседей. Мне представляется важным еще раз затронуть вопросы о процессе сарматизации Боспора, якобы имевшем место в этот период, о термине «боспоряне», введенном Страбоном, и о расселении племен на территории и у границ Боспора. Начнем с первого вопроса.

Понятие «сарматизация», на мой взгляд, вряд ли применимо для характеристики этнических процессов, происходивших на Боспоре не только в рассматриваемое нами время, но и гораздо позднее. Отметим хотя бы тот факт, что в боспорских эпиграфических документах вообще нет термина «сарматы». Под этим названием греческие и римские авторы имели в виду всю совокупность варварских племен, пришедших на смену скифам в степях Северного Причерноморья. Однако далеко не со всеми из них имели контакты боспоряне, и следовательно, сам процесс взаимного общения нельзя понимать столь расширительно, даже если бы общение происходило с одним из наиболее значительных сарматских племен. Но ведь и этого во II—I вв. до н. э. не было.

Ближайшим крупным племенным союзом у восточных границ Боспора в то время был сиракский союз. Ю. М. Десят-

чиков считал их сарматами, носителями прохоровской археологической культуры² и делал отсюда выводы об этапах и характере сарматизации Боспора. Однако большинство других исследователей рассматривает сираков как потомков савроматов Геродота³. В свое время Д. А. Мачинский уже отмечал тот факт, что ранние источники, свидетельствующие о появлении сарматов, четко отличают их от савроматов⁴. В связи с этим прежде чем говорить о сарматизации Боспора со ссылкой на сираков, надо уточнить вопрос о генетической преемственности савроматов и сарматов.

Еще М. И. Ростовцев говорил о полной независимости сарматов от савроматов⁵. Анализ сведений письменных источников в сочетании с материалами археологических исследований, проведенных к настоящему времени, вполне подтверждает эту мысль⁶. Не вдаваясь в подробности, что слишком увело бы нас от основной темы, отмечу два наиболее важных, на мой взгляд, положения, не позволяющих говорить о генетической преемственности савроматов и сарматов. Во-первых, название «савроматская» было распространено на культуру племен южного Приуралья, сходную с культурой савроматов Геродота, современными исследователями⁷. Сам же Геродот называл племена этого района исседонами (Нер., I, 201; IV, 13, 16, 25—27, 32)⁸, и если уж брать основой для названия одной культуры имя племени культуры, сходной с ней, то почему тогда и скифскую культуру не назвать савроматской? Сходство у них было еще большим. Тот же Геродот отмечает, что савроматы даже говорили на испорченном скифском языке (IV, 117).

Во-вторых, наличие локальных различий между памятниками и волго-донского и самаро-уральского вариантов савроматской культуры все же признается всеми исследователями, а эти различия с учетом того, что в формировании сарматской (прохоровской) культуры приняли участие не только местные племена, но и пришлые иноэтничные⁹, позволяют с уверенностью говорить о невозможности генетической преемственности между сираками (савроматами) и аорсами (прохоровцами).

Таким образом, уже в силу того, что процесс «сарматизации» меотов и азиатского Боспора вплоть до рубежа нашей эры связывается прежде всего с сираками, у нас нет достаточных оснований для применения данного термина при характеристике происходящего этнического процесса.

Кроме того, сам термин «сарматизация» понимается исследователями по-разному. Большинство видит в нем ассимиляцию синдо-меотских племен Прикубанья сарматами, распространение черт сарматской культуры на Боспоре, переселение части сарматов на Боспор и появление здесь в итоге сарматской царской династии¹⁰.

Тщательно изучив материалы городищ и некрополей Боспора, А. А. Масленников пришел к выводу, что ничего подобного не было в действительности и что процесс сарматизации Боспора представлял собой не более чем «варваризацию античной культуры»¹¹. Не происходило в то время и ассимиляции синдо-меотов. Затрагивающие этот вопрос исследователи считают возможным говорить лишь о межэтнической интеграции внутри сиракского союза¹², в ходе которой в сарматском погребальном обряде и культуре в целом происходят изменения под влиянием контактов с меотами¹³. К этому следует добавить, что все те немногочисленные памятники, которые на Боспоре относят к сарматам, в той или иной степени содержат элементы античной культуры.

Таким образом, именовать процесс межэтнического сближения жителей боспорских городов и местных племен в III—первой половине I в. до н. э. «сарматизацией» нет достаточных оснований и в этом случае. Но как же, в таком случае, характеризовать его и можно ли говорить о формировании на Боспоре к рубежу II—I вв. до н. э. «некоей этнокультурной общности», зафиксированной якобы Страбоном в новом наименовании «боспоряне»?

Мне представляется, что решение этого сложного вопроса, детально рассмотренного на уровне материалов своего времени В. Н. Корпусовой¹⁴ и А. А. Масленниковым¹⁵, следует дополнить еще одним аргументом, не менее важным чем представленные ими. Этот аргумент—этническая характеристика населения Боспора в наших источниках. Начнем с того, что для нашего главного источника в этом вопросе Страбона «боспоряне»—это все «подвластные боспорским династам народы» (XI, 2, 10). На мой взгляд, самим автором такое определение термина понималось как единство разных народов. Иное дело, в какой степени разных и насколько велико единство. Тут, как мне кажется, решающим условием для вывода должно быть наличие или отсутствие собственных названий у народностей, подвластных Спартокидам.

Что касается азиатской части Боспора, то Страбон перечисляет здесь меотские племена, в том числе и ближайших к Боспору синдов, и говорит, что «все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью же—боспорянам» (XI, 2, 10). Более того, чуть раньше перечисляя племена и земли, которые они занимали, он пишет: «у моря расположена Азиатская часть Боспора и Синдская область» (XI, 2, 1). Из этих его характеристик можно заключить, что ни территориально, ни этнически он не включал в понятие «боспоряне» синдо-меотские племена, в том числе и подчиненные Спартокидам.

Жителей европейского Боспора Страбон именует просто георгами. Наименование населения по роду его хозяйственной деятельности, в принципе, дает возможность предполагать подчиненность его положения и вхождение в какую-то более масштабную этническую группу. Но какую? За исключением В. С. Ольховского¹⁶, предлагавшего отождествить их с сатархами, все остальные исследователи видели в георгах Страбона скифов¹⁷. То, что эти скифы имели свою племенную организацию и собственных царей (номархов?), во всяком случае в IV в. до н. э., подтверждается информацией Диодора о войне сыновей Перисада I и царе Агаре (XX, 22—24), а также богатыми скифскими погребениями близ столицы Боспора¹⁸. Судя по единственному упоминанию этника этих скифов у Плиния (IV, 85), они назывались саттавами¹⁹.

Никаких сведений о какой-либо степени зависимости скифов от царей Боспора, в том числе и во II—I вв. до н. э., у нас нет. Более того, письменные источники позволяют говорить о союзных отношениях скифов и боспорян²⁰. Наконец, судя по новейшим археологическим материалам, полученным в результате раскопок скифского могильника у Акташского озера на полуострове Казантипп, степень влияния античной культуры на рядовые слои скифского населения европейского Боспора была незначительной²¹.

Все эти данные позволяют сделать вывод о невозможности включения скифов в понятие «боспоряне», как этнический термин.

Получается замкнутый круг. С одной стороны, по Страбону боспорянами должны быть племена, подвластные Спартокидам, а с другой—эти племена имеют и собственные наименования, как бы противопоставляющие их боспорянам.

Такое несоответствие, на мой взгляд, объясняется тем, что Страбон не вкладывал в понятие «боспоряне» этнический смысл. Для него этот термин политический, близкий по смыслу или совершенно аналогичный понятию «боспориты», которым называли граждан Боспорского государства в Греции уже с последней четверти IV в. до н. э.²²

Что же касается новой этнокультурной общности, которая сложилась на Боспоре к рубежу II—I вв. до н. э., то ее составили, очевидно, жители боспорских городов и их хоры, среди которых были и потомки эллинов, основателей колоний, воспринявшие ряд элементов культуры своих соседей, и эллинизированные представители местных племен, порвавшие по разным причинам со своим этносом, и потомки от смешанных браков тех и других. Последние, вероятно, составили к рассматриваемому времени весьма значительную, если не основную, массу населения. Однако здесь важно не это, а то, что в культурном отношении, все эти группы составляли несомненное единство. И это единство, основой которого были эллинские культурные традиции, позволяет согласиться с наименованием населения городов Боспора и их хоры «боспорскими греками», понимая под этим термином греко-варварскую этнокультурную и территориальную общность.

Нам остается уточнить, какие племена и народности входили в состав Боспорского государства и располагались у его границ ко II в. до н. э. Нашим основным и наиболее надежным источником и тут будет «География» Страбона. В основных своих чертах она отражала действительное размещение народов во II—начале I вв. до н. э. На территории Таврики Страбон знает скифов, георгов, тавров и тафриев. О георгах мы уже говорили. Скифы, согласно Страбону, населяли степной Крым и земли до Борисфена, господствуя на всей этой территории. Этот факт подтверждается сведениями других античных авторов и материалами археологии. У современных исследователей зона скифских владений, очерченная Страбоном, не вызывает сомнений.

Тавры населяли горный Крым. Интересно, что Страбон называет их скифским племенем (VII, 4, 4—5). Все современные исследователи единодушны в признании тавров самостоятельным этносом. Вероятно, в данном случае Страбон употребил данное наименование в географическом (или политическом) смысле, поскольку страна, где проживало это племя, в той же главе у него называется Малой Скифией²³.

Тафрии Страбона—это жители местности Тафры (VII 3, 19). Выделяются они им, вероятно, также по территориальному признаку. Местность эта, судя по описаниям Мелы (II, 4) и Плиния Старшего (IV, 86), находилась в северном Крыму, вероятнее всего, в районе Перекопского перешейка²⁴. Населяли ее потомки местного населения эпохи раннего железа, ассимилированные скифами при завоевании Крыма²⁵. В середине II в. до н. э. здесь появляются сатархи. Мнение Ю. М. Десятчикова о заселении сатархами уже во II в. до н. э. Азовского побережья Керченского полуострова²⁶, археологически не подтверждается. Отсутствие изменений в погребальном обряде в некрополях сельского населения не дает возможности говорить о появлении здесь значительных масс нового населения в то время²⁷.

Кроме перечисленных Страбоном, современные исследователи выделяют в Таврике племена кизил-комбинской культуры. Последние к интересующему нас времени также ассимилируются скифами и становятся известными в более поздних источниках как тавро-скифы или скифо-тавры²⁸.

У азиатских границ Боспора Страбон помещает племена меотов, сираков, аорсов, зихов, ахейцев, генихов и керкетов. Его сведения о локализации этих племен, за исключением сираков, общепризнаны. Сираки, как мы уже отмечали, по мнению большинства ученых—это потомки савроматов, обитавших в степях между Доном и Нижней Волгой и переместившихся под натиском аорсов в Прикубанье и Предкавказье. Иного мнения придерживается Ю. М. Десятчиков. Он рассматривает сираков, как выходцев из Средней Азии, пришедших в район Прикубанья через Иран и Закавказье²⁹. Однако локализация сираков Страбоном («простирающаяся на юг до Кавказских гор» (XI, 2, 1) заставляет отдать предпочтение первой гипотезе.

Последний приграничный район Боспора—это устье Дона. Расположенный здесь город Танаис, по мнению В. Ф. Гайдукевича, вышел из состава Боспора в середине II в. до н. э.³⁰. Так ли было это или Танаис вообще не входил в состав Боспорского государства, как считал Д. Б. Шелов³¹, мы рассмотрим в главе о взаимоотношениях Боспора и сарматов. Во всяком случае местные племена Подонья—меоты и савроматы—никогда не были подвластны боспорским правителям, а в начале II в. до н. э. здесь появилась значитель-

ная группа сарматского населения, носителей прохоровской культуры.

1. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—IV вв. до н. э. М.: 1981; его же, Население Боспорского государства в первые века н. э. М.: 1990.

2. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореферат дис... канд. ист. наук. М.: 1974. С. 7.

3. Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: 1964. С. 286—290; его же, Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: 1984. С. 18;

Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 111; Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением северо-западного Кавказа. Черкесск. 1976. С. 20 и сл.

4. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Л.: 1971. № 13. С. 48.

5. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922. p. 113—114; idem, Scythien und der Bosphorus. Berlin. 1931. S. 100—101.

6. Скрипкин А. С. К проблеме генетической преемственности савроматов и сарматов // ПАЭСК. Краснодар. 1988. С. 28—30; Молев В. А. Боспор и сарматы в IV—II вв. до н. э. // Личность, среда, общество. М.: 1992. С. 194.

7. Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ // ВДИ. 1947. № 3. С. 103 и сл.

8. Мачинский Д. А. Ук. Соч. С. 30—37; Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: 1975. С. 139.

9. Мошкова М. Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: 1989. С. 139.

10. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. ПГр. 1918; Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСПАЭ. М.: 1959. С. 33; Лобова И. И. Сарматы в Крыму. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М.: 1956; Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: М.: 1976; Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Диссертация канд. ист. наук. М.: 1974, Архив ИА АН СССР. Р.—П. 2136.

11. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первые века н. э. С. 14.

12. Ждановский А. М. История племен среднего Прикубанья во II в. до н. э.—III в. н. э. Автореферат дис... канд. ист. наук М.: 1985. С. 13; Марченко И. И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // ПАЭСК. Краснодар. 1988. С. 75.

13. Марченко И. И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани. Калининская курганная группа // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар. 1984. С. 69; Камеицкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII—III вв. до н. э. // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М.: 1989. С. 250—251.

14. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев. 1983. С. 94—98.

15. Масленников А. А. Ук. соч.

16. Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 60.

17. Молев Е. А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // МОБЧМДСВ. Ростов-на-Дону. 1986. С. 55 и сл.

18. Gajdukevič V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin. 1971. S. 288. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: 1975. С. 185, 199; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев. 1983. С. 212.

19. Попытки связать это название с сатархами и на этом основании строить выводы представляются мне неправомерными. См. Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 134. Сам Плиний различает эти народы (VI, 22), а других источников, упоминающих сатархов, у нас нет.

20. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: 1985. С. 136; Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 73.

21. Бессонова С. С., Бунатян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев. 1988. С. 107.

22. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 246, 247, 286, 287, 289. Наиболее раннее упоминание этого термина в надписи, опубликованной Б. Мериттом: *Hesperia*. 1952. XXI. № 24. С. 373—374.

23. Соломоник Э. И. Таври і Тавріка (про походження етноніма і топоніма // Археологія. 1976. Вып. 20. С. 48; Ольховский В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 28.

24. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Древние укрепления Северного Крыма // ВДИ. 1986. № 2. С. 146.

25. Щеглов А. Н. О населении северо-западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 148.
26. Десятчиков Ю. М. Сатархи. С. 133.
27. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. С. 85.
28. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4. С. 78—79.
29. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. С. 10.
30. Гайдукевич В. Ф. Боспор и Танаис в доримский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.: 1963. С. 302 и сл.; его же, Das Bosporanische Reich. S. 252.
31. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: 1970. С. 198.

Глава III

БОСПОР И ЕГО СОСЕДИ в III—I в. ДО Н. Э.

Политическое взаимодействие Боспора и его ближайших соседей всегда было основным фактором, определявшим этапы его развития. Судя по этнической ситуации у его границ, Боспор во II в. до н. э. был в более сложном положении, чем прежде. К сожалению, мы имеем очень мало конкретных исторических сведений о внешнеполитической деятельности последних Спартокидов. Однако наши источники все же позволяют с большей или меньшей степенью точности представить общее направление развития политических контактов боспорян с их соседями. В настоящей главе мы рассмотрим отношения правителей Боспора со скифами Таврики и устья Дона, сарматами (прохоровцами) Подонья и Приазовья, сирако-меотскими племенами Прикубанья, ахейцами, зихами, гениохами и керкетами на северо-западном Кавказе. Начнем со скифов.

В политическом отношении Скифия, как известно, не была единой. В наиболее тесном общении с боспорянами находились скифы царские, населяющие Таврику и Северное Приазовье. Различие в погребальном обряде скифской знати этих двух районов позволяет предполагать разделение скифов царских, по крайней мере, на две политические группировки¹. В наиболее давнем и тесном политическом, экономическом и культурном общении с боспорянами находились скифы Таврики. Судя по информации Страбона (VII, 4, 4) и Лукиана (Тох., 44), эти отношения строились на основе долгосрочного договора, предусматривающего, с одной стороны, уплату дани Боспором варварам, а с другой стороны, предоставление скифами воинских контингентов, необходимых боспорскому царю в борьбе с иными силами². Именно такая

форма отношений позволила этому союзу стать одной из социальных опор режима Спартокидов³.

Следствием тех же дружественных отношений боспорян со скифами Таврики стал быстрый переход к оседлости части царских скифов на Керченском полуострове в непосредственной близости от хоры боспорских городов⁴. Появление стабильных сельских поселений с дружественным населением у границ государства было и в интересах боспорян. В их лице они получили гораздо более емкий рынок для сбыта своей ремесленной продукции по сравнению с прежними, кочевавшими здесь, этническими группами. Правда, в политическом отношении это скифское население продолжало оставаться подданными скифских царей вплоть до подчинения Боспора Понту⁵. Однако это ни в коей мере не угрожало интересам Боспора.

Единственное упоминание о военном конфликте скифов и боспорян сохранилось в речи Демосфена против Формиона (XXXIV, 8). Но, как совершенно справедливо заметил Ф. В. Шелов-Коведяев⁶, по мнению самого Демосфена, Формион нарисовал слишком мрачную картину положения на Боспоре. На самом же деле война со скифами не нарушала общего течения жизни в государстве. Последнее обстоятельство могло быть следствием различных причин. На мой взгляд, наиболее вероятно предположение о том, что война эта велась за пределами Керченского полуострова и не со скифами Таврики, остававшимися в целом дружественными Боспору даже в этом случае, а со скифами Подонья—Приазовья, представлявшими в те времена обособленную в политическом отношении группу⁷. В прочем, к этому вопросу мы вернемся чуть позже.

Отметим также, что археологические исследования сельских поселений европейской части Боспора как будто позволяют предполагать изменение характера взаимоотношений крымских скифов и боспорян в течение III—начала II в. до н. э. Именно тогда прекращают свое существование 233 из 276 известных поселений на Керченском полуострове⁸. Причем большая часть поселений была заброшена уже к середине III в. до н. э. Но можно ли рассматривать этот факт как следствие «скифской агрессии против Боспора»⁹, в результате которой происходит «уничтожение культуры скифской знати»¹⁰.

Уже И. Т. Кругликова, комментируя этот факт, считала возможным связывать его не только с набегами крымских скифов, но и с перестройкой всей системы аграрных отношений на Боспоре, и с общим экономическим кризисом в государстве, вызвавшим к жизни денежную реформу Левкона II¹¹. Если к этому добавить, что с середины III в. до н. э. резко изменяются климатические условия и устанавливается засушливый климат, продолжавшийся до I в. до н. э.¹² и что следов насильственного уничтожения сельских поселений (в абсолютном большинстве скифских) именно крымскими скифами практически нет¹³, то окажется, что оснований для предположения об изменении характера взаимоотношений крымских скифов и боспорян в III—II вв. до н. э. в общем-то и нет. Более того, целый ряд прямых и косвенных данных свидетельствует как раз об обратном—об укреплении дружественных связей.

Переломным моментом в истории не только Боспора, но и всего Причерноморья стал переход сарматов (прохоровцев) через Танаис и начало их систематических набегов на Скифию. Дата начала этих набегов определяется по-разному¹⁴. Наиболее убедительной на сегодняшний день выглядит концепция начала сарматского завоевания с первых десятилетий III в. до н. э.¹⁵. В течение всего III и II вв. до н. э. вплоть до походов Диофанта скифам приходилось постоянно отражать натиск этого своего главного врага. В то же время с запада им, судя по ольвийскому декрету в честь Протогена (IRE, 12, 32B, 5—8), угрожали галаты. Подобная ситуация не могла не толкать скифов на укрепление дружественных связей со своим старым торговым контрагентом, Боспором.

Это логическое подтверждение вероятности союза крымских скифов и боспорян подкрепляется и конкретными документами—надписью боспорского фиаса КБН, 75 и посвящением дочери Скилура из Пантикапея. Данные аргументы позволяют говорить о наличии скифо-боспорских династийных связей, по крайней мере, уже с середины II в. до н. э.¹⁶. Думается, что следствием дружественного скифо-боспорского союза стало и присутствие на Боспоре «скифов во главе с Савмаком».

Таким образом, говоря о взаимоотношениях крымских скифов и боспорян в течение III—II вв. до н. э., можно быть уверенными в их дружественном характере, обусловленном

взаимной выгодой и конкретной политической ситуацией.

Нам остается только уточнить вопрос об «уничтожении культуры скифской знати на Боспоре», выразившимся в интерпретируемом факте исчезновения курганных погребений. Мне представляется такое решение его отнюдь не единственно возможным. И вот почему. Хотя курганные погребения Боспора сокращаются в количестве и по своему богатству с конца IV в. до н. э., они все же продолжают сооружаться, по крайней мере, до I в. до н. э.¹⁷. С другой стороны, в то же самое время прекращается традиция сооружения богатых курганов и в самой Скифии¹⁸. Более того, в то же время из погребального обряда в окрестностях Елизаветинского городища на Кубани исчезают курганы меотской знати¹⁹. Все это дает основания говорить не столько об уничтожении скифской знати, сколько об изменении облика ее материальной культуры под влиянием различных факторов. Среди последних важнейшее место, на мой взгляд, занимало сокращение доходов скифской знати в результате военных поражений в боях с сарматами, а на Боспоре—еще и степень эллинизации скифской знати. Процесс изменений в материальной культуре скифов на Боспоре окончательно оформляется к рубежу нашей эры²⁰, хотя уже во второй половине III—II вв. до н. э. практически невозможно выделить памятников, связанных с чисто скифским этносом²¹.

Вторым районом, где Боспор входил в соприкосновение со скифами, было устье Дона. Здесь находился центр северо-восточной группы царских скифов—Елизаветовское городище²². Несмотря на активные торговые связи, население городища оставалось этнически чистым и, вероятно, имело свой этникон, название которого до нас не дошло²³. Активная торговая деятельность танаисских скифов, о чем свидетельствует анализ импортной керамической тары²⁴, создавала известную конкуренцию боспорским купцам, в том числе и правителям Боспора. Именно поэтому активная военная деятельность Перисада I в Прикубанье, засвидетельствованная эпиграфическими источниками, могла иметь свое продолжение и в дельте Дона.

Обособленное положение этого района от остальной Скифии также делало возможной агрессию Боспора в этом направлении. Вероятно скифы Подонья своевременно почувствовали угрозу, о чем говорит возведение ими укреплений вокруг ранее неукрепленного Елизаветовского городища.

Время строительства укреплений—вторая половина IV в. до н. э.²⁵, также косвенным образом свидетельствует об опасности, грозившей скифам со стороны Боспора.

Таким образом, у нас достаточно оснований для того, чтобы предполагать попытку Перисада I укрепиться в устье Дона и подчинить себе местных скифов. По предположению К. К. Марченко²⁶, Перисад I одержал победу в войне со скифами, о которой упомянул Демосфен в речи против Формиона, и вынудил их срыть укрепления Елизаветовского городища. Однако отсутствие следов значительных разрушений и пожаров на поселении и прежняя торговая ориентация его жителей позволяет думать, что военный нажим Боспора был недолгим и не столь значительным. Вероятнее всего, под влиянием известных им уже побед Перисада I в Прикубанье, скифы Подонья после первых же неудачных для них военных столкновений пошли на компромисс с Боспором и позволили создать боспорским купцам торговый эмпорий на территории своей столицы.

Есть и другой взгляд на возникновение греческой колонии на Елизаветовском городище в конце IV в. до н. э. Н. Ф. Федосеев считает возможным отождествлять выведенное сюда боспорское поселение с Псоей Диодора²⁷. По его мнению, этот факт подтверждается преобладанием херсонесского импорта здесь в сравнении с импортом всего Боспора, что, по его мнению, можно объяснить только присутствием каллатийцев, но не боспорян. О том же, якобы, говорят всепонтийские планы Эвмела, который, основывая колонию на опустевшем скифском городище, создавал таким образом «буферную зону» между своим государством и варварским миром.

Судя по работам К. К. Марченко, на которые ссылается Н. Ф. Федосеев, первая греческая колония на Елизаветовке была основана отнюдь не на опустевшем скифском городище. Создание же буферной зоны в Подонье в конце IV в. до н. э., когда сарматы ничем не угрожали Боспору, да еще и на таком удалении от его границ, вряд ли могло входить в планы всепонтийской политики Эвмела.

Преобладание херсонесского импорта на городище никак нельзя связывать с присутствием в составе греческой колонии именно каллатийцев, поскольку нет никаких доказательств настолько тесных экономических связей между Каллатией и Херсонесом ни до, ни после рассматриваемых со-

бытий. К тому же, общее количество херсонесских клейм на Елизаветовском городище составляет всего 6% от общего числа находок клейм²⁸, в то время, как Гераклея, например, представлена 48%. И Херсонес, и Каллатия—колонии Гераклеи, и если брать за критерий процент находок клейм, то гораздо более закономерным был бы вывод о присутствии гераклеотов среди первых колонистов. Но подобные расчеты методически несостоятельны, ибо в таком случае можно открыть присутствие гераклеотов, например, в Китее, где находки гераклеийских клейм составляют 77%²⁹, что значительно выше, чем в большинстве других городов Боспора.

И еще один важный фактор: большая часть херсонесских клейм с Елизаветовского городища датируется по новейшей хронологии В. И. Каца уже III в. до н. э.³⁰, т. е., тем временем, когда возникает вторая боспорская колония, связывать которую с переселением каллатийцев нет никакой возможности.

Наконец, Н. Ф. Федосеев почему-то упускает тот факт, что, согласно Диодору, каллатийцы получили не только место поселения, но и землю под клеры, а земли под 1000 клеров близ Елизаветовки явно маловато. Тем более, если иметь в виду создание «буферной зоны». Но вернемся к нашему вопросу.

В самом конце IV—начале III вв. до н. э. скифы покидают Елизаветовское городище и вместе с ними покидают его греческие колонисты. Тогда разрушаются только оборонительные сооружения. На самом городище следов разрушений и пожаров нет. Данные обстоятельства позволили В. П. Копылову предположить что укрепления городища были срыты по приказу Эвмела, опиравшегося на сарматов, а жители греческой колонии, будучи сторонниками Сатира-Притана, ушли со скифами³¹. Думается, что сираки (т. е. те сарматы, которых имеет в виду В. П. Копылов), будучи разгромлены Сатиром II, основу войска которого составляли скифы, в битве при Фате, вряд ли могли оказать столь существенное давление на скифов Подонья. Однако, учитывая то, что почти сразу после ухода скифов боспоряне вновь основывают колонию на оставленном городище, а вскоре основывают еще и Танаис, наступление Боспора в этом направлении несомненно.

С другой стороны, как раз тогда же набеги аорсов достигают устья Дона. В борьбе с ними скифы, вероятно, терпят

поражения. В такой ситуации жители Елизаветовского городища, вполне вероятно, могли выполнить требование боспорян о полном подчинении и срытии укреплений как гарантии такого подчинения. Но после того скифы, убдившись в невозможности или нежелании боспорян защитить их от набегов аорсов, покинули эту территорию³².

Вскоре после этих событий, уже в первом десятилетии III в. до н. э., на Елизаветовское городище выводится новая колония боспорян. Последняя была прямым продолжателем скифского торгового центра, т. е. выполняла те же функции. Но, несмотря на то, что она имела довольно значительное население³³ и более значительную площадь, чем возникший позднее Танаис, существовать ей пришлось недолго. Около 260 г. до н. э. колония была уничтожена сарматами, вероятнее всего, аорсами. В связи с этим возникает вопрос, почему сарматы, разгромив колонию на Елизаветовском городище, а заодно и все прочие городища Подонья³⁴, не тронули Танаис? Последний сосуществовал с колонией на Елизаветовском городище не менее трех лет³⁵.

Думается, что данное обстоятельство связано с тем, что Танаис был основан не частными лицами, как колония на Елизаветовском городище, а Спартокидами. В пользу этого говорят и свидетельство Страбона о том, что Танаис был основан «эллинами, владеющими Боспором» (XI, 2, 3), и сообщение Плиния о том, что «окрестностями Танаиса владели пантикапейцы» (VI, 20). Д. Б. Шелов не согласен с таким пониманием данных источников и считает, что Танаис был изначально автономен³⁶. Однако источники, доказывающие это, берутся им из римского времени, когда ситуация в городе была, конечно, иной, кроме того, он сам же отмечает отсутствие характерных для автономного полиса элементов в Танаисе периода эллинизма. Все это дает основание думать, что правительство Спартока III, правившего в то время, учло конкретную этнополитическую ситуацию в Подонье и, не желая терять доходов от торговли с варварами данного региона и эксплуатации местных природных ресурсов, пошло на создание более укрепленной и расположенной в более безопасном месте колонии, находящейся под его собственным контролем. За Танаисом, в таком случае, стояла вся, еще немалая, мощь Боспорского государства. Поселение же на Елизаветовском городище, по-видимому, было основано частными лицами и потому было лишено такой поддерж-

ки. Возможно, этот фактор и был учтен сарматами. Не исключено, что между ними и Боспором был даже заключен договор, предусматривающий статус Танаиса в зоне их кочевий.

Позднее, вероятно, около середины II в. до н. э.³⁷ Танаис добивается автономии и даже время от времени подчиняет себе соседних варваров. К тому времени сарматы уже полностью вытеснили скифов из междуречья Дона и Днепра, за исключением нижнего течения последнего. Установление династийных связей между Спартокидами и правителями Скифии не могло остаться для них незамеченным. С целью противодействия скифо-боспорскому союзу сарматы, вероятно, поддержали стремление танаисцев к автономии. К тому же теперь он стал нужен и им самим, как выгодный рынок сбыта продукции их собственного хозяйства и захваченной добычи. Все это сделало автономию Танаиса вполне реальной. Тем более, что боспоряне тогда уже не имели достаточных сил для восстановления власти над Танаисом, будучи накрепко связаны борьбой с меотами Прикубанья. Чтобы убедиться в этом, обратимся теперь к рассмотрению политической ситуации у границ Боспора в Азии.

Ближайшими соседями боспорян здесь были многочисленные меотские племена. В начале IV в. до н. э. боспорские правители начали завоевание этих племен, что привело к укреплению ряда меотских городищ правобережья Кубани³⁸. Судя по боспорским надписям³⁹, борьба была долгой и упорной. Подчиненные племена иногда вновь восставали, и их приходилось завоевывать вновь. Последние упоминания в письменных источниках об агрессии Боспора в этом направлении относятся к концу IV в. до н. э. Это сообщение Диодора о деятельности царя Эвмела. Но еще к середине III в. до н. э. Боспору были подвластны синды, все меоты (тореты, дандарии, песссы) и фатеи (КБН, 25). Степень их зависимости, однако, была по-видимому, невелика. Скорее всего, она выражалась в уплате дани царям Боспора и предоставлении своей территории для экономической деятельности боспорским купцам и промышленникам⁴⁰. Чем вызвано было прекращение наступления Боспора в этом направлении?

На мой взгляд, стабилизация восточной границы Боспорского государства в конце IV в. до н. э. по линии Новоросийск—Крымск—Кубань — Старонижестеблиевская — Азовское побережье⁴¹ связана с первым соприкосновением Спар-

токидов с более мощным, чем меотские племена сиракским союзом племен. Судя по археологическим данным, именно тогда сираки, первоначально обитавшие в сальско-маньчских степях, были вытеснены носителями прохоровской культуры (аорсами) в Прикубанье⁴². Тогда же начинается процесс проникновения аорсов на Ставрополье и Северный Кавказ⁴³. В то же самое время из погребального обряда в окрестностях Елизаветинского городища на Кубани исчезают курганы меотской знати.

Последнее обстоятельство иногда связывается с гибелью знати в войнах с сираками⁴⁴. Но это совершенно не обязательно. В то же самое время, как мы уже отмечали, происходит исчезновение курганов скифской знати в Поднепровье, у Елизаветовского городища на Дону и в окрестностях столицы Боспора. Вероятно, часть наиболее непримиримой меотской знати действительно погибла. Но кто-то мог перейти на службу к правителям Боспора, о чем свидетельствуют погребения с меото-сарматскими чертами в некрополях боспорских городов того времени и позднее. Другие могли смириться с подчиненным положением, но не имея уже соответствующих доходов отказаться от возведения таких дорогостоящих погребальных сооружений, как курганы. Наконец, в связи с подчинением могли произойти и определенные изменения в идеологии, также повлиявшие на изменение погребального обряда.

Как бы там ни было, но теперь перед Боспором стоял противник, подчинить которого он оказался не в состоянии. Наряду с другими, этот фактор стал важным условием стабилизации восточных границ государства, но ситуация здесь всегда оставалась напряженной. Так в конце IV—начале III в. до н. э. подверглось разгрому Семибратнее городище, крайний восточный форпост Боспорской державы⁴⁵. Подтверждением нестабильности в этом районе служит и закрытие кладов монет. На территории Приазовской низменности и правобережья Кубани, входивших в состав Боспора, к настоящему времени известно 6 кладов пантикапейских монет конца IV—первой половины III в. до н. э.⁴⁶.

Таковы археологические свидетельства о положении на восточных рубежах Боспора в конце IV в. до н. э. и первых контактах его с сираками. Из письменных источников о политических событиях того времени в нашем регионе повествует лишь Диодор. Но зато его сведения основаны на хо-

рошо знавшем действительное положение дел местном источнике⁴⁷.

Прежде чем перейти к рассмотрению боспоро-сиракских отношений, отметим интересное наблюдение А. М. Ждановского: активность племен сиракского союза вплоть до I в. до н. э. носила подчиненный характер—их чаще приглашали в качестве союзников в тех или иных событиях⁴⁸. Вероятнее всего, это связано для них с необходимостью отражения постоянного и все возрастающего натиска аорсов. Однако иногда их активность была все же достаточно высокой. Так было, например, на самом раннем этапе боспоро-сиракских отношений, когда сираки вмешались в междуусобную борьбу за престол сыновей Перисада I и оказали самую активную поддержку его младшему сыну Эвмелу⁴⁹. Последний не имел никаких прав на престол при сложившейся на Боспоре системе престолонаследия. Знали об этом царь сираков Арифари, поддержавший самозванца? Думается, что знал. И вот почему.

При Перисаде I Боспор и сираки впервые вошли в соприкосновение. Обе стороны в то время еще не очень ясно представляли себе возможности друг друга, хотя, конечно, имели немало косвенных сведений о могуществе противоположной стороны. Ослабление Боспора и подчинение себе Прикубанья было в интересах сираков, вытесняемых из своих прежних кочевий. Законным поводом для этого, дававшим к тому же и возможность примирения в случае неудачи, могла стать поддержка одного из претендентов на престол Боспора. Причем выгоднее было поддержать того, от которого можно было ожидать большей платы за услугу. Таковым был именно Эвмел. Не случайно, видимо, Арифари выставляет в поддержку его все силы. Судя по другим источникам, такова же была численность войск сираков и во все остальные периоды их истории. Это значит, что Арифари шел ва-банк. Недаром он сам возглавил войско. В случае победы при таких условиях Боспор терял все подвластные меотские племена, в качестве платы за услугу Эвмелу, а последний стал бы послушной марионеткой в руках своего покровителя—царя сираков Арифарна. Но этого не произошло.

Подробное описание войны сыновей Перисада I представлено в ряде работ⁵⁰, что избавляет от необходимости повторяться. Отмечу лишь некоторые моменты, важные, на мой

взгляд, для понимания боспоро-сиракских отношений в ближайшей после войны перспективе.

Разгром в битве при Фате и последующее разорение страны сираков скифами не могли не повлиять на изменение характера действий Арифарна. В дальнейшем рассказе Диодора ничего не говорится о поддержке Эвмела именно сираками. Кто были те варвары, с помощью которых он овладел Гаргазой и другими крепостями азиатского Боспора, мы не знаем наверняка. Хотя, конечно, полностью исключать сираков из числа союзников Эвмела было бы, наверное, неправильно. Но то, что они действуют уже без своего царя и подчинены Эвмелу, видимо, не случайно.

Арифарн понял, в чем сила боспорян, и в дальнейшем действовал более осторожно, чтобы опять не спровоцировать поддержку скифами соперника Эвмела. Это дает основание думать, что Эвмел обеспечил свой приход к власти прежде всего собственными усилиями. Сделать это он смог в значительной степени благодаря тому, что его конкурента Притана не поддержали скифы. В том, что дело обстояло именно так, убеждает ход событий войны после смерти Сатра II.

Притан, средний сын Перисада I, похоронив своего старшего брата, прибывает в крепость Гаргазу, где принимает войско и царскую власть. Затем, оставив в городе гарнизон, он возвращается в Пантикапей. На предложение Эвмела о соправительстве он даже не ответил. Следовательно, он не видел причин опасаться своего младшего брата, а последний, по-видимому, не имел реальных сил, чтобы тогда уже требовать большего. В такой ситуации отказ Притана от переговоров вынуждал Эвмела продолжить борьбу. Но на этот раз братья воюют друг с другом только теми силами, которые находятся в их собственном распоряжении (Diod., XX, 24, 2). Ни с той, ни с другой стороны не идет речи о союзниках. В итоге Притан терпит поражение. И это не удивительно. Наемники, которые достались ему в наследство от старшего брата, бежали под натиском отряда Эвмела уже в битве при Фате. По мнению В. Д. Блаватского⁵¹, в такой ситуации отряд Эвмела должен был состоять из тяжеловооруженной пехоты. Но из кого же она формировалась?

Судя по описанию битвы при Фате, мы не можем с уверенностью сказать, что это были сираки. Основой войска последних была конница. Представляется вполне вероятным

мнение Ф. В. Шелова-Коведяева, что Эвмел как наместник одной из пограничных областей азиатского Боспора⁵² имел подчиненное ему наемное войско, обученное по-гречески и состоящее как из подчиненных, так и не подчиненных ему административно соседних варваров. Командование этим войском находилось в руках эллинских стратегов. После смерти старшего брата возможности пополнения такой армии у Эвмела оказались, очевидно, значительно, чем у Притана. А наемники последнего понесли большие потери и в битве при Фате, и при осаде замка Арифарна. Но дело могло быть и не в количественном соотношении сил братьев, а в их личных качествах. Скорее всего, Эвмел оказался более талантлив, чем его брат, и это решило их спор в борьбе за власть.

Остается вопрос, почему скифы не поддержали на этот раз главу Боспорского государства, каковым стал Притан? Ведь даже после своего полного поражения он бежит не к скифам, как это сделал сын Сатира II Перисад, а в город Кепы. Ответ, как мне кажется, достаточно прост. Из сообщения Диодора мы знаем, что у Сатира был законный наследник—Перисад. По существующему на Боспоре праву наследования именно он, а не Притан и не Эвмел должен был стать царем после смерти отца. Поспешное присвоение этого титула Пританом сделало его в глазах скифов (а это были, несомненно, скифы Таврики, хорошо знавшие династические традиции на Боспоре) таким же узурпатором, как и Эвмел. Вот почему они предпочли в данном случае нейтралитет. В какой-то степени этому способствовало и то, что они уже награбили себе добычи в предыдущих боях, и то, что сираки официально вышли из войны. Обещание же Эвмела восстановить «отцовский образ правления» вполне устраивало скифов и удержало царя Агара от попыток восстановить на троне Боспора бежавшего к нему царевича Перисада, за которым не стояло никаких реальных сил. Зная это, и Эвмел, со своей стороны, очевидно, не настаивал на выдаче Перисада, чтобы не обострять отношений со своими недавними победителями.

Придя к власти, Эвмел действовал так, как обещал. Он действительно продолжил внешнюю политику своего отца, подчинил ряд варварских племен в азиатской части Боспора, разгромил пиратствующие племена тавров, генихов и ахейцев. Кроме того, он оказал важные услуги причерноморским

городам и даже составил план подчинить себе все города и племена, окружающие Понт. Однако внезапная смерть сорвала его планы.

С Эвмелом иногда связывают изменение общего курса внешней политики Боспора. Смысл этого изменения состоял, якобы, в переориентации внешней политики государства на поддержку со стороны сарматов⁵³. В подтверждение этого приводят сообщение Лукиана о том, что Эвбиот (Эвмел) был призван от савроматов (Тох., 53); поддержку сираками Эвмела, представленную в уже рассмотренном нами отрывке Диодора; погребение Ак-Бурунского кургана, трактуемое как меото-сарматское и появление термина «Сарматия» в письменных источниках уже в конце IV в. до н. э.

Полная переориентация политической жизни Боспора в конце IV в. до н. э. кажется мне маловероятной⁵⁴. Во-первых, союз Эвмела с сираками был заключен им, когда он не только не обладал властью, но и не имел законных прав на нее. В такой ситуации он мог обещать своим союзникам все, что угодно. В самом же процессе захвата власти, как мы видели, сираки вовсе не сыграли столь решающей роли, чтобы потом Эвмел мог считать себя им весьма обязанным.

Во-вторых, ссылка на Лукиана доказывает лишь то, что Эвбиот жил у савроматов и пользовался их поддержкой при попытке захвата власти. Но согласно тому же источнику он был разбит при этом скифами! Так что оснований для отказа от прежней традиции—опоры на скифов, и в данном случае не было.

В-третьих, меото-сарматские черты погребения Ак-Бурунского кургана⁵⁵ и других погребений некрополей Боспора вряд ли можно рассматривать только как следствие усиления сарматского влияния на Боспоре. Они могут быть и следствием перехода части представителей меото-сарматской аристократии на службу царям Боспора. Тем более, что как раз в то время прекращается традиция сооружения курганов в Елизаветинском могильнике меотской знати Прикубанья. Степень же влияния меото-сармат (точнее меото-сираков) на политическую жизнь Боспора, судя по немногочисленности их погребений вплоть до конца правления Спартокидов, а также по употреблению исключительно греческих имен среди высших должностных лиц государства вплоть до II в. до н. э.⁵⁶, вряд ли была значительной.

Наконец, появление термина «Сарматия» само по себе

никак не может свидетельствовать об изменении политического курса Боспора, поскольку военная активность Эвмела проявлялась прежде всего в зонах сарматских миграций—в азиатской части государства и в Подонье, а кроме того, отсутствие какой-либо информации об угрозе Боспору со стороны сарматов или сираков в трудах античных авторов IV—II вв. до н. э. и их собственное отношение к новым пришельцам таково, что у нас нет решительно никаких оснований делать выводы о страхе перед ними боспорян и перемене их политической ориентации. Достаточно вспомнить оценку боепособности роксолан Страбоном, распространенную им, кстати, на все варварские племена региона, который он описывает в этой главе (VII, 3, 17 «любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой»). Для такой характеристики варваров Страбон использовал, вероятнее всего, этнографические сведения Посидония Апамейского, жившего в 128—45 гг. до н. э.⁵⁷. Последний был достаточно хорошо информирован о том, что писал.

Все это вместе с заявлением самого Эвмела согражданам о том, что он будет придерживаться «отцовского образа правления» убеждает в том, что он должен был сохранить и традиционный союз со скифами Таврики. Но так же несомненно и то, что при нем в активное политическое взаимодействие с Боспором включаются и сираки. Они, как и скифы, отступали из своих прежних кочевий под натиском аорсов и также нуждались в союзе с Боспором. Особенно после поражения в битве при Фате. Поэтому, соглашаясь с мнением Ю. А. Виноградова, что при Эвмеле в боспорской политике по отношению к местным племенам произошли весьма существенные перемены, я, однако, вижу эти перемены не в смене политической ориентации боспорских правителей, а в расширении их политических, дипломатических, торговых, культурных и, возможно, каких-то иных контактов с еще большим регионом Прикубанья. Результатом этих контактов могло стать распределение сфер влияния здесь между Боспором и сираками и невмешательство в отношения друг друга с меотскими племенами, оказавшимися в сфере их интересов⁵⁸. Во всяком случае, совершенно очевидно прекращение натиска Боспора в восточном направлении с конца IV в. до н. э.

В то же время, сираки все больше и больше вклинивают-

ся в земли меотов. Правда, это наблюдение основывается почти исключительно на сведениях античных авторов. По археологическим материалам, продвижение сираков в тот период проследить практически невозможно, поскольку погребальный обряд у них не имел никаких специфических черт, по которым можно было бы установить не только влияние, но даже проникновение их в меотскую среду⁵⁹.

Тем не менее, большинство исследователей считает возможным говорить о формировании уже с середины III в. до н. э. сирако-меотского военно-политического союза, в котором ведущая роль оставалась за сираками⁶⁰. В пользу такого предположения мы имеем единственный археологический аргумент—сокращение находок амфор в меотских погребениях. Данный факт связывается с включением меотских племен в сиракский союз⁶¹. Интересно, что ни материальная культура в целом, ни погребальный обряд у меотов при этом не изменился. Данное обстоятельство позволяет согласиться с предположением о том, что меоты включались в этот союз на относительно равноправной основе⁶².

В пользу такого предположения косвенным образом может свидетельствовать и довольно высокий уровень военного искусства меотов, отмечаемый исследователями⁶³. Во всяком случае, как показывает изучение меотских мечей, процесс изменений в вооружении и тактике боя у них происходил с конца IV в. до н. э.⁶⁴, т. е. одновременно с сарматами.

Другим, также косвенным доказательством равноправия меотов в сиракском союзе может быть активизация борьбы за независимость меотских племен, подвластных Боспору. Проявлением этой активизации можно считать дополнительное укрепление Семибратнего городища и строительство крепости на месте Раевского городища в первой половине III в. до н. э. В то же время, около середины III в. до н. э. из титулатуры Спартокидов исчезают указания об их царствовании над племенами в Азии.

В дальнейшем, во II в. до н. э., борьба боспорян с меотами еще более обостряется. Подтверждением тому служат слова Страбона об одинаковой воинственности кочевых и земледельческих меотских племен (XI, 2, 4) и их восстаниях против властителей Боспора и Танаиса (XI, 2, 11). Т. В. Блаватская совершенно справедливо заметила, что представление об одинаковой воинственности кочевников и земледельцев могло возникнуть лишь в том случае, если обе эти груп-

пы племен были одинаково враждебны Боспору и представляли для него военную опасность⁶⁵. Возможно следствием этой борьбы стало сокращение числа поселений на территории дандариев (см. карту) и, наоборот, возникновение густой сети меотских городищ на более удаленной от границ Боспора территории на реке Кирпили и в устье Дона⁶⁶.

Таким образом, в течение III в. до н. э. Боспор начинает терять свои позиции в Азии и ко II в. до н. э. вынужден переклочить сюда свои основные силы с целью удержатъ в повиновении еще подвластные ему меотские племена.

Но не только меоты угрожали Боспору. У его восточных границ постоянно происходили передвижения каких-то племен, которые не всегда фиксировались античными авторами. Во II в. до н. э. среди таких племен наиболее интересны сатархи и аспургиане. Первые из них не упоминаются Страбонем, но они известны уже в Таврике по эпитафическим источникам с середины II в. до н. э. По мнению Ю. М. Десятчикова, Страбон мог отождествить их с тохарами, известными ему в Средней Азии⁶⁷. Это мнение подкрепляется им сообщением Плиния о переходе через Танаис тагоров (VI, 22), которых он также считает тохарами. Но сам Плиний в том же отрывке называет среди племен, перешедших Танаис, и сатархов, а значит сам он отнюдь не отождествлял эти племена. Предки тохаров мигрировали в древности из Передней Азии к границам Китая, и оттуда после поражения от китайцев в 174 году до н. э. часть их откочевала в Среднюю Азию⁶⁸, где они и стали известны античным авторам. Трудно себе представить, чтобы у последних (особенно у Страбона) не сохранилось никаких известий об их последующем переселении в Причерноморье, если бы таковое имело место. Тем более, что миграция должна была произойти через достаточно густо населенные области и в сжатые сроки, которые отводит для этого Ю. М. Десятчиков. По его мнению, сатархи (тохары) между 129 и 124 гг. до н. э. завоевали весь азиатский Боспор, вследствие чего последний Перисад был вынужден передать свою власть Митридату VI Евпатору, полководец которого Неоптолем отразил натиск тохар⁶⁹.

Но, во-первых, тохары откочевали в Среднюю Азию после поражения, да и то не все племена, а только их часть. Во-вторых, судя по эпитафическим памятникам (IPE, 1², № 672), часть сатархов перешла Танаис и расселилась в северо-восточной Таврике уже около середины II в. до н. э.

Значит, против Боспора могли действовать только сатархи-спалеи. У последних же в то время были достаточно сильные конкуренты в лице меото-сиракокого союза. Все это заставляет усомниться в реконструкции событий конца II в. до н. э., предлагаемой Ю. М. Десятчиковым.

Более вероятно, что сатархи—одно из сарматских племен⁷⁰, около середины II в. до н. э. появились у восточных границ Боспора и попытались проникнуть на его территорию. Правивший в то время Перисад IV выступил против них, но был разбит и погиб. Его преемник Гигиенонт сумел, однако, нанести поражение сатархам и вынудил их покинуть пределы Боспора, после чего часть их ушла за Танаис, а часть осталась в предгорьях Кавказа (сатархи-спалеи). Близость датировки миграции сатархов за Танаис и выпуска серебряных драхм Гигиенонта с изображением скачущего всадника на реверсе, что связывается с одержанной им победой⁷¹, допускает такое предположение, хотя, конечно, эти драхмы с таким же успехом можно связать с победой Гигиенонта над любым другим племенем.

Более сложен вопрос с аспургианами. Страбон называет их меотским племенем и помещает между Фанагорией и Гор-гиппией на протяжении 500 стадий (XI, 2, 11). Наиболее полно и обстоятельно проблему аспургиан рассмотрел С. Ю. Сапрыкин. По его мнению, аспургиане—это военные поселенцы Боспора в Азии, не отличающиеся в целом от аналогичных владельцев усадеб на Керченском полуострове и получившие название от имени человека, который особое внимание уделял укреплению юго-восточных рубежей государства⁷². Этот вывод автор подкрепляет связью названия племени с именем Аспурга, наличием системы укреплений на Боспоре, которые он склонен рассматривать как катойкии времени Асандра—Аспурга, толкованием титула «этнарх», как титула военачальника области, неправильным восприятием Страбоном мероприятий по укреплению своих владений Асандром-Аспургом, что позволило Страбону отождествить военных поселенцев с племенем и, наконец, восхождением информации об аспургианах в труде Страбона к современникам Аспурга.

Перенесение имени Аспурга на название военных поселенцев, называемых у греков обычно «катойками», в принципе возможно, но для этого нужны, на мой взгляд, более веские основания, чем просто строительство укреплений.

Примеров такого наименования в античной истории нет. Даже в римской практике периода империи, когда сооружались грандиозные линии пограничных укреплений, никто не называл солдат, стоящих там гарнизонами, именами императоров!

Хотя связь наименования «аспургиане» и имени «Аспург» очевидна, нельзя исключать, на мой взгляд, и возможность происхождения имени от названия племени, тем более, что примеров подобного рода на Боспоре предостаточно⁷³. Особенно показательным в этом отношении царское имя Савромат, вошедшее в употребление тогда, когда название народа уже почти исчезло из употребления.

Кроме того, изучение системы обороны Фанталовского полуострова Н. И. Сокольским⁷⁴ показывает, что ее создание началось еще в середине II в. до н. э. при Спартокидах, а наиболее грандиозные работы, действительно оцененные современниками как таковые, судя по нашим письменным источникам, провели Митридат Евпатор (App., Mithr., 108) и Асандр Strabo., VII, 4, 6). О мероприятиях такого рода, предпринятых Аспургом, ни один античный автор не сообщает. Особенно характерно, в данном случае, молчание старшего современника Аспурга, Страбона, свидетельствующего об укреплении Боспора отцом Аспурга, Асандром⁷⁵. Учитывая отношение Страбона к своим трудам, как к научным⁷⁶, надо думать, что и в отношении Аспурга и аспургиан он не ограничился бы непроверенной информацией, тем более современной ему. Следовательно, его умолчание есть следствие того, что Аспург не сыграл важной роли в укреплении границ Боспора или этот отрывок его труда был написан еще до прихода к власти Аспурга на Боспоре.

Есть и еще одна причина, по которой Страбон не обошел бы своим вниманием Аспурга. Последний, по линии матери, был потомком царей Понта, и, будь он активным участником событий, вряд ли Страбон, при его интересе к Митридату и его потомкам, оставил бы это без внимания. Все это склоняет меня к мысли, что фрагмент об аспургианах Страбон написал до начала правления Аспурга.

Титул Асандра «этнарх», приводимый Псевдо-Лукианом (Масг., 17), конечно, можно по аналогии с употреблением его в Малой Азии считать титулом начальника области. Однако у Лукиана Асандр назван этнархом Боспора, т. е. как будто всего государства, а это уже совсем другое дело, и искать

здесь надо равноценные аналогии. Нам известно по надписям Боспора, что хора азиатской части государства при Спартокидах строилась по племенному принципу⁷⁷. Вплоть до времени Митридата, попытавшегося создать здесь систему газофилакий, подобную созданной им в Малой Армении, у нас нет данных о другой системе управления. Вполне возможно, что во главе газофилакий стояли наместники варварского происхождения типа Хрисалиска⁷⁸, но в этом случае употребление ими титула «этнарх» также связывается с этносом, а не с территорией. Кроме того, примеры для своего труда Лукиан черпал из общеизвестной литературы, восходящей к местным источникам, и нет нужды думать, что он приписал Асандру титул, употребляемый в Малой Азии.

Следовательно, более правильно понимать термин «этнарх» в его первоначальном смысле, т. е. «правитель племени» и считать Асандра отцом Аспурга и правителем одного из местных меотских племен (может быть, тех же самых аспургиан) до того, как он стал главой Боспора.

Далее, по С. Ю. Сапрыкину, Страбон и последующие писатели рассматривали аспургиан как этническую группу, поскольку в глазах современников привлечение для охраны границ части варварских племен или одного племени выглядело как переселение варваров с одного места на другое, но у Страбона нет ни слова о переселении аспургиан. По его сведениям, они живут на территории между Фанагорией и Горгиппией, причем в этом указании нет ни малейшего намека на то, что они живут тут недавно. Скорее наоборот. Глагол οἰκέω дает основание думать, что они уже достаточно хорошо освоили эту территорию. Но не будь случая с разгромом и убийством Полемона, они, как и большинство других меотских племен, не привлекли бы внимания знаменитого географа, написавшего, к тому же, и исторический труд. Это опять-таки говорит против происхождения их названия от имени царя Аспурга.

Наконец, сохранение наименования катойков аспургианами по крайней мере до середины III в. до н. э. (КБН, 36, 1246, 1248), учитывая неоднократные изменения границ за это время и перенос линий укреплений, маловероятно. Новые создатели укрепленных линий почему-то не последовали примеру Аспурга, что при наличии такого прецедента и честолюбили царей, особенно не связанных с правящей династией, также маловероятно.

Таким образом, аргументы в пользу происхождения названия «аспургиане» и их статуса на Боспоре, приводимые С. Ю. Сапрыкиным, не бесспорны. Вероятно, более справедливо будет поверить Страбону и считать аспургиан одним из меотских племен. В пользу этого говорит и тот факт, что Страбон выделяет их из общего числа племен только потому, что они стали виновниками гибели боспорского царя Полемона. Но при этом он ничего не говорит о предводителе аспургиан. Я отнюдь не исключаю того, что таковым мог быть Аспург, как в свое время предполагал В. В. Латышев⁷⁹. У Страбона есть почти аналогичный случай столкновения боспорского царя Фарнака с дандариями (XI, 2, 11), которые в то время были самостоятельными и имели своих царей. Но Страбон и в этом случае не упоминает имени царя дандариев. Вероятно, роль этноса (племени) и в том, и в другом случае была весомее роли лидеров в отмеченных событиях, а поскольку для данного труда Страбону не требовались детали исторических событий (изложенные, быть может, им уже в его «Исторических записках») он и отметил то, что в них было главным: выступление Фарнака против дандариев и Фанагории, выступление Танаиса и аспургиан против Полемона.

Вероятнее всего, аспургиане появились на Боспоре незадолго до подчинения его Митридату Евпатору, т. е. в последней четверти II в. до н. э. Мнение о более позднем их появлении восходит к М. И. Ростовцеву⁸⁰, который считал, что в описании племен в Азии Страбон использовал сведения Артемидора. У последнего же ничего не говорится об аспургианах, но фрагментарность сохранившихся частей труда Артемидора не дает оснований для полной уверенности в этом. С другой стороны, говоря об этом факте, Страбон вполне мог использовать и сведения других авторов⁸¹, в частности, историков Митридата, которых сам он ценит выше Артемидора.

II век до н. э. был временем массовых передвижений племен у восточных границ Боспора. Достаточно вспомнить перечисленные самим Страбоном местные племена, среди которых много таких, которые неизвестны и до этого, и в последующей истории Боспора. Вероятно, именно эти массовые передвижения привели к потере последним Спартокидом остатков своих владений в Азии. Недаром при перечислении областей в Азии у Страбона даже Синдика названа

отдельно от Боспора, хотя последняя уже почти 300 лет находилась в составе государства Спартокидов.

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что аспургиане в представлении Страбона были все же меотским племенем, и именно таковыми мы должны их воспринимать.

Последняя группа племен у юго-восточных границ Боспора—это ахейцы, зихи, гениохи и керкеты. Они сохраняли свою независимость в течение всего периода правления Спартокидов, хотя и терпели иногда сильные поражения от них (Diod., XX, 23). Племена эти, по сообщению Страбона, занимались преимущественно пиратством (XI, 2, 12). Эта их деятельность препятствовала экономическим связям Боспора с государствами Восточного и Южного Причерноморья. Замечание Страбона о предоставлении боспорянами этим племенам корабельных стоянок и рынков сбыта добычи относится, вероятнее всего, ко времени последнего Спартокида и свидетельствует об ослаблении государства в последней четверти II в. до н. э.

Завершая рассмотрение взаимоотношений Боспора с племенами, подвластными ему или соседними с ним, можно четко выделить две тенденции в развитии этих отношений. С одной стороны, цари Боспора в течение III—II вв. до н. э. углубляют и расширяют свое сотрудничество со скифами, с другой стороны, идет упорная борьба за сохранение господства Боспора над меотскими племенами в Азии. С началом продвижения на юг сираков борьба эта обостряется. В то же время, поддержка боспорян скифами постепенно сокращается из-за экономических и политических процессов, происходящих в самом скифском обществе. Сокращение скифской военной помощи в последней четверти II в. до н. э., связанное с наступлением самих скифов на Херсонес, привело к потере Боспором его азиатских владений и послужило, вероятно, одним из важнейших стимулов к политической переориентации последнего Спартокида на Понт.

---

1. Мозолевский Б. Н. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. № 1. С. 136; его же, Щодо започаткування у Скіфії династії скіфів царських // Археологія. 1990. № 4. С. 21.

2. Молев Е. А. К вопросу об уплате дани Боспором варварам // Античная гражданская община. Л.: 1986. С. 188.

3. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. С. 161.

4. Бунатян Е. П., Бессонова С. С. Про етнічний процес на Європейській частині Боспору в скифський час // Археологія. 1990. № 1. с. 23; Бессонова С. С., Бунатян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник... С. 108.

5. Масленников А. А. Сельская территория... С. 8, 35.

6. Шелов-Коведяев Ф. В. Ук. соч. С. 145.

7. Марценко К. К. Die Siedlung von Elizavetovka ein griechisch-barbarisches Emporion in Don-delta // Klio. 1986. 68. 2. S. 389.

Копылов В. П., Васильев А. Д. Боспор и скифы дельты Дона // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж—Белгород. 1991. С. 30.

8. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: 1975. С. 95.

9. Туровский В. Я. Об отношении Боспорского государства со скифами в конце IV—III вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. ТД. Мелитополь. 1992. С. 95.

10. Зинько В. Н. Скифы на хоре европейского Боспора в III в. до н. э. // Киммерийцы и скифы. ТД. Мелитополь. 1992. С. 31—32.

11. Кругликова И. Т. Ук. соч. С. 99—102.

12. Дзенс-Литовский А. И. Геологический возраст донных солевых отложений минеральных озер // Природа. 1936. № 12. С. 142; Левковская Г. М. Реконструкция палеогеографических условий городища «Чайка» по данным спорово-пыльцевого анализа // КСИА. 1970. № 124. С. 102; А. А. Борисов, хотя и считает, что на протяжении 2—2,5 тыс. лет климат Крыма существенно не изменился, все же отмечает колебания климата продолжительностью в несколько десятилетий. См. Борисов А. А. О колебаниях климата Крыма за историческое время // Известия Всесоюзного географического общества. 1956. № 88, 6. С. 532.

13. А. А. Масленников придерживается иного мнения. См. Масленников А. А. Сельская территория... С. 36—37.

14. Молев Е. А. Боспор и варвары... С. 63. Сноска 18.

15. Колтухов С. Г. Система обороны Крымской Скифии в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 96; Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 153; Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // II чтения памяти профессора П. О. Карышковского // ВДИ. 1991. № 4. С. 230. Однако смена скифов сарматами в степях между Доном и Днепром происходит только во второй половине II в. до н. э. См. В. Ю. Мурзин, А. В. Симоненко. Рец. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону. 1983 // СА. 1989. № 1. С. 70; Скрипкин В. С. По-

гребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 178; Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев. 1992. С. 101 и сл.

16. Виноградов Ю. Г. Перестень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 97; его же, Вотивная надпись... С. 85.

17. Молев Е. А., Шестаков С. А. Некрополь Китея // ВИАБ. С. 77—78.

18. Алексеев А. Ю. Хронология Скифии второй половины IV в. до н. э. // АСГЭ. 1987. № 28. С. 46—47; его же, К реконструкции военно-дипломатической истории Скифии в конце IV в. до н. э. // Киммерийцы и скифы. С. 12.

19. Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону. 1990. С. 39.

20. Масленников А. А. Основные этапы... С. 17.

21. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. С. 67; Ольховский В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 35.

22. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону—поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211.

23. Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и в Северо-восточном Приазовье в VI—V вв. до н. э. // Дон и Северный Кавказ... С. 23—24.

24. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: 1980. С. 99 и сл.

25. Марченко К. К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 131.

26. Магсенко К. К. Op. cit. S. 389.

27. Федосеев Н. Ф. Благодеяния Эвмела // Межполюсные взаимоотношения... С. 49—50.

28. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт... С. 196—198.

29. Молев Е. А. Торговые связи боспорского города Китея // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. (ТМБЧМСВ). Ростов-на-Дону. 1988. С. 21.

30. Кац В. И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1979. № 3. С. 142; его же, Типология и хронология херсонесских магистратских клейм // ПЭЭ. С. 293.

31. Копылов В. П., Васильев А. Д. Боспор и скифы... С. 30—31.

32. Там же. С. 32.

33. Копылов В. П. О времени прекращения существования варварского торгового центра в дельте Дона в свете боспорско-скифских отношений конца IV—начала III вв. до н. э. // АЦВМ. 1987. С. 14.
34. Копылов В. П., Янкулов С. Ю. О численности населения греческой колонии в дельте Дона // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. ТД. Азов. 1988. С. 26.
35. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: 1970. С. 63.
36. Федосеев Н. Ф. О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса // АМА. Вып. 7. Саратов. 1990. С. 159—160.
37. Шелов Д. Б. Танаис—эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3. С. 50.
38. Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971. S. 252.
39. Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен. С. 39. Есть предположение, что укрепление меотских городищ связано с появлением сарматской угрозы. См. Марченко И. И. Проблемы этнической истории... С. 70. Но для первой половины IV в. до н. э. это маловероятно, поскольку археологических памятников сарматов этого времени здесь еще нет. Анфимов И. Н. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н. э.—III в. н. э. // Проблемы археологии и этнографии. Л.: 1985. Вып. 3. С. 68.
40. КБН. № 8—11, 25, 971, 972, 1015, 1039, 1040.
41. Анфимов И. В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М.: 1967. С. 130; Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э.—III в. н. э. // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М.: 1989. С. 237.
42. Аптекарев А. З. К вопросу о восточной границе Боспорского государства во второй половине IV—первой половине III вв. до н. э. // АЦВМ. 1987. С. 30.
43. Игнатов В. Н. О взаимодействии кочевого населения Правобережного Прикубанья с сарматами волжско-донских степей в III в. до н. э.—I в. н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований (АПИИАИ). Киев. ТД. 1987. С. 62.
44. Мирошина Т. В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. 1986. № 2. С. 175; Каминская И. В. Сарматские погребения на Урупе // СА. 1988. № 1. С. 250; Игнатов В. Н. Скрипки А. С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988. № 3. С. 195; Мирошина Т. В., Державин В. Л. Сарматские погребения из могильника «Веселая роща» III. // СА. 1988. № 4. С. 156.

45. Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен. С. 39.
46. Долгоруков В. С. Семибратнее городище // АГСП. М.: 1984. С. 88.
47. Анфимов И. Н. Клад пантикапейских монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья // ВДИ. 1991. № 1. С. 73—75.
48. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 126.
49. Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен. С. 45.
50. Кроме аргументов, приведенных Ю. М. Десятчиковым (см. Десятчиков Ю. М. Арифари, царь сираков // ИКАМ. М.: 1977. С. 46), в пользу того, что его союзниками были именно сираки, свидетельствуют слова Диодора о том, что Эвмел вступил в дружественные отношения с «некоторыми из соседних варваров», а его брат Сатир после битвы при Фате опустошил «неприятельскую страну». Говорить так о подвластном Спартокидам племени фатеев, в котором ряд исследователей видит союзников Эвмела, было бы вряд ли возможно. Еще менее вероятно предположение Б. Г. Петерса о том, что таковыми союзниками могли быть фракийцы, проживающие на Боспоре: См. Петерс В. Г. О работах Михайловской экспедиции (1963—1983). КСИА. 1985. № 182. С. 24—25. Как показывает изучение этнического состава населения Боспора, «фракизация державы носила крайне незначительный характер». См. Крыкин С. М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья. Автореферат канд. дис. М.: 1987. С. 10.
51. Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев 1984. Там же разбор литературы вопроса.
52. Блаватский В. Б. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: 1954. С. 67.
53. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. С. 165.
54. Виноградов Ю. А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э. Автореферат канд. дис. Л.: 1990. С. 14—16.
55. Молев Е. А. К вопросу об изменении политической ориентации Спартокидов в конце IV в. до н. э. // Киммерийцы и скифы. С. 65.
56. А. А. Масленников сближает с ним одно из погребений на Темир-горе, которое Э. В. Яковенко считает типично скифским. Ср. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. С. 55; Яковенко Э. В. Курган на Темир-горе // СА. 1972. № 3. С. 266.
57. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первые века н. э. С. 112.
58. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 38.
59. Молев Е. А. Боспор и сарматы в IV—II вв. до н. э. С. 197.

60. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена... С. 251.
61. Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар. 1958. С. 87; Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 116—117; Ждановский А. М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I—III вв. н. э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный. 1984. С. 50; Марченко И. И. Проблемы этнической истории... С. 73.
62. Марченко И. И. Проблемы этнической истории... С. 73; Есть и другая интерпретация этого факта. И. С. Каменецкий считает это следствием стремительного роста населения и сокращения производства товарного хлеба у меотов. См. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена... С. 239, 248. Однако это предположение, на мой взгляд, менее обосновано.
63. Ждановский А. М. Назревшие проблемы социально-политической истории меотов Прикубанья // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный. 1981. С. 32.
64. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: 1971. С. 71.
65. Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: 1991. С. 88—89.
66. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в VI—IV вв. до н. э. М.: 1959. С. 154.
67. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена... С. 239.
68. Десятчиков Ю. М. Сатархи. С. 142.
69. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1. С. 16, 25, 30.
70. Десятчиков Ю. М. Синдика в конце II в. до н. э. // Конференция «Проблемы античной и скифо-сарматской археологии», посвященная памяти П. Н. Шульца. ВДИ, 1987. № 2. С. 233.
71. Ольховский В. С. До этнической истории... С. 32—33.
72. Шелов Д. Б. МДБ. С. 184—185.
73. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 74 и сл.
74. КБН, 42, 43, 45, 46 и др. (Савромат), 1111, 1137 (Скиф/Синд).
75. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: 1976. С. 107.
76. По мнению Е. С. Голубцовой, поддержанному и некоторыми другими исследователями, Асандр и Асандрох не одно и то же лицо. См. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. М.: 1951. С. 117 и сл.; Я придерживаюсь точки зрения тех исследователей, которые видят в имени Асандрох варваризованную форму греческого имени Асандр и считают Асандра отцом Аспурга. См. Zgusta L. Die

Personennamen griechischer Städte der Nordlichen Swarzmeerküste. Praha. 1955. S. 363; Gajdukevic V. F. Op. cit. S. 329, 336.

Сапрыкин С. Ю. Аспургиане. С. 67.

77. Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М.: 1988. С. 24.

78. Шелов-Коведяев Ф. В. Боспор в VI—IV вв. до н. э. С. 167—168.

79. Сокольский Н. И. Таманский толос... С. 108.

80. Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства. С. 104.

81. Ростовцев М. И. Страбон как источник по истории Боспора // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков. 1913—1914. С. 380.

82. Грацианская Л. И. «География» Страбона... С. 65.

Глава IV

МОНЕТНОЕ ДЕЛО И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОСПОРА ПРИ ПОЗДНИХ СПАРТОКИДАХ

Наиболее ярко внутреннюю стабильность и крепость любой государственной системы характеризуют ее финансы. В государствах античного мира это прежде всего состояние монетного дела и денежного обращения. В главе о хронологии правления последних Спартокидов я уже отчасти затрагивал этот вопрос. Теперь предстоит рассмотреть его более подробно и обстоятельно. Поскольку «денежное обращение конца III в. до н. э. невозможно оторвать от денежного обращения следующего столетия»¹... мы начнем исследование нашей проблемы с того наследия, которое оставил III век до н. э. в области монетного дела и денежного обращения. Для удобства работы и возможности проверки выводов к главе прилагаются таблицы находок монет в городах Боспора, составленные автором на основании публикаций, и таблица эволюции монетного дела Боспора в период денежного кризиса, составленная Д. Б. Шеловым².

Согласно мнению всех специалистов в области боспорской нумизматики, в течение почти всего III в. до н. э. на Боспоре наблюдался денежный кризис. Он выразился в надчеканках и перечеканках, частой смене типов и деградации веса медных монет, а также в прекращении выпусков монет из золота и серебра. Косвенным свидетельством кризисной ситуации в государстве является также зарытие кладов монет, начавшееся в начале III в. до н. э.³ Причины кризиса и попытки их преодоления стали определяющим фактором развития монетного дела и денежного обращения при поздних Спартокидах. Но если последовательность смены типов монет в период кризиса, наиболее полно и подробно представленная Д. Б. Шеловым⁴, не вызывает больших разно-

гласий и признана большинством специалистов по истории Боспора⁵, то в вопросах определения его причин, хронологии, роли царских выпусков Левкона II и времени окончания кризиса существуют значительные разногласия. Свой взгляд на возможное решение этих вопросов я и собираюсь предложить.

Начну с того, что ни в какой другой сфере жизни Боспорского государства вплоть до середины III в. до н. э. никаких кризисных явлений ни историки, ни археологи не находят. Как раз наоборот! С начала III в. до н. э. продолжается интенсивное развитие собственных ремесел и производств, растут объемы рыболовства и виноделия, увеличивается товарооборот в торговле с варварами за счет освоения новых рынков в устье Танаиса. Но при этом сокращается объем торговли хлебом с Афинами, бывший основой внешней торговли Боспора в IV в. до н. э.⁶ И это, пожалуй, единственный фактор, который может рассматриваться как негативный при оценке уровня развития экономики Боспора в тот период. Причины сокращения связей с Афинами оцениваются по-разному, но, в любом случае, это сокращение не оказало катастрофического влияния на состояние экономики Боспора. На этом фоне кризис финансовой системы государства выглядит труднообъяснимым. Я подчеркиваю, речь идет именно о понятии «кризис».

На сегодняшний день все исследователи согласны с тем, что начальной датой кризиса является рубеж первой и второй четверти III в. до н. э. Первыми монетами, свидетельствующими о его начале, стали тетрагалки с изображением головы Сатира, льва и осетра. Они получили надчеканки в виде двенадцатилучевой звезды на лицевой стороне и в виде лука в горите—на оборотной (табл. 1, 3). Контрмаркирование медных монет—общепризнанный признак критического состояния финансов государства⁷. Но что интересно в нашем случае—начеканка всегда производилась очень аккуратно сопряженными штемпелями, т. е. в самом факте ее проведения не чувствуется поспешности, чего-то вызванного острой необходимостью. Не удивительно поэтому, что даже такой знаток античных монет, как Д. Б. Шелов, говоря о причинах этой акции боспорских монетариев, отмечал, что «цель и смысл этой операции для нас совершенно неясны»⁸. Добавим от себя, что неясны в том случае, если исходить из понимания этого процесса как следствия общего кризиса го-

сударственной системы. В действительности же надчеканка выглядит как ожидаемая, в какой-то мере, быть может, даже подготовленная денежная реформа. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что для надчеканки использованы наиболее распространенные монеты среднего (наиболее употребительного) номинала (табл. 1; 2—3). Поэтому, на мой взгляд, более правильно будет называть начальный этап того явления, которое оценивается в науке сегодня как кризис, периодом официальной денежной реформы, предпринятой государством. Но что же вынудило правительство Боспора пойти на такой шаг?

Среди многих других наибольшее признание у специалистов получили следующие причины: 1) напряженное состояние экономики и упадок внешней торговли хлебом из-за конкуренции Египта⁹; 2) война Перисада I со скифами, междуусобные войны его сыновей, а также передвижения племен в Северном Причерноморье¹⁰; 3) переход меры стоимости от серебра к золоту¹¹. Первые две причины, по мнению предложивших их авторов, вызвали нехватку драгметаллов в казне Боспора, что и обусловило денежный кризис. Но, как мы уже отмечали, никакого напряженного состояния экономика Боспора на протяжении всей первой половины III в. до н. э. не испытывала. Это, впрочем, отмечали уже и сами авторы высказанных предположений¹². Не было и торговой конкуренции Боспора с Египтом¹³.

Война со скифами и междуусобия сыновей Перисада I происходили задолго до начала кризиса (более 30 лет) и не могли быть его очевидной причиной. Не могли быть такими и передвижения варварских племен, постоянно происходившие у восточных границ Боспора. Кроме того, просто нехватку драгметаллов в казне проще было бы, на мой взгляд, компенсировать выпуском медных монет больших номиналов и общим увеличением их числа в обращении, а не надчеканкой уже находящихся в обращении и имеющих определенную стоимость монет, к которым население привыкло.

Более вероятной, выглядит третья причина кризиса, признаваемая большинством нумизматов. Однако и она, как мне кажется, не объясняет всей сущности проблемы, поскольку в ведущих античных государствах периода эллинизма наряду с золотыми статерами продолжается выпуск серебряных тетрадрахм, зачастую однотипных с первыми. И в выпусках медных монет там нет никаких следов кризиса.

Следовательно, предпринятая боспорскими монетариями денежная реформа, будучи в своей основе действительно вызванной переходом меры стоимости от серебра к золоту, имела, судя по конкретной форме ее проведения (прекращение выпусков монет из золота и серебра, надчеканка медной монеты) и такую причину, как недостаток металла для чеканки монет.

В свое время Д. Б. Шелов совершенно справедливо заметил, что «только расцвет внешней торговли мог создать предпосылки для чеканки в Пантикапее золотой монеты»¹⁴. Добавим к этому, что в то время ведущим торговым партнером Боспора были Афины¹⁵, обладавшие собственными источниками драгоценных металлов. Последние, несомненно, поставлялись на Боспор и составляли там, по-видимому, весьма значительную часть сырья для производства монет. Увеличение объема денежного обращения за счет втягивания в товаро-денежные отношения племен, подчиненных Спартокидами, и сокращение поставок из Афин, вероятнее всего, и обусловили недостаток драгметаллов для чеканки монет на Боспоре.

Недостаток меди объясняется теми же причинами с той лишь разницей, что мы не знаем точных районов, откуда она импортировалась¹⁶. По мнению В. Ф. Гайдукевича¹⁷, это могли быть районы Малой Азии¹⁸, Северного Кавказа и, возможно, Южной Украины¹⁹. Д. Б. Шелов считает таким районом Малую Азию²⁰. Военное продвижение сарматских (прохоровских) племен в Преднепровье и на Северный Кавказ, подчинение меотских племен Прикубанья сираками (см. главу III) закрыло эти районы как источники сырья для боспорян, а расширение торговых связей с малоазийскими центрами, наблюдаемое с конца IV в. до н. э.²¹, не смогло сразу восполнить потери в поставках руд цветных металлов. Во всяком случае анализ металла монет периода кризиса показывает, что Боспор испытывал затруднения в доставке легирующих металлов²². Недостаток меди был еще более ощутим для Боспора, чем недостаток драгоценных металлов, поскольку во внутреннем обращении медная монета была незаменимой денежными единицами других полисов и пужна была в значительно больших количествах, чем монета из драгметаллов.

И, наконец, еще один фактор, позволивший боспорянам отказаться от выпуска собственных монет из драгметаллов—

это увеличение роли во внешней торговле связей с варварскими племенами Северного Причерноморья, осуществлявшихся на основе натурального обмена. Причем в этом обмене с III в. до н. э. значительно возрастает роль собственной продукции Боспора.

Таким образом, переход меры стоимости в античном мире к золоту в конкретных условиях Боспорского царства приводит к необходимости проведения денежной реформы, которая должна была, с одной стороны, привести к широкому использованию на денежном рынке иностранной валюты из драгоценных металлов, а, с другой стороны, требовала приведения к стоимостному соответствию с этой валютой собственных разменных денег, каковыми и являлись медные монеты. Вот этой последней цели боспорским монетариям удалось достичь далеко не сразу. Раз испорченная надчеканками монета стала быстро деградировать в весе. Попытки ее перечеканки, новых надчеканок и смены типов изображения не дали положительных результатов.

Первыми полноценными монетами после начала реформы стали монеты, выпущенные от имени царя Левкона II. Но прежде чем оценивать роль этих выпусков надо определиться в вопросе о праве чеканки на Боспоре в тот период и уточнить даты правления Левкона II.

Судя по легендам монет, право чеканки изначально и до времени правления Левкона, по крайней мере формально, всегда принадлежало городской общине Пантикапея. В какой мере Спартокиды могли вмешиваться в работу этого органа полисного самоуправления, мы точно не знаем. Но можно предположить, что имея на это вмешательство право, как высшие городские магистраты (архонты), они практически не пользовались им, пока это не диктовалось политической или экономической необходимостью. Свидетельством тому является выпуск монет с царским именем и царская надчеканка городских эмиссий при Левконе II, т. е. в то время, когда денежная реформа, начатая еще при Перисаде II, действительно переросла в денежный кризис, вызвавший нехватку наличных денег даже у царя (Pol., VI, 9, 1). Однако и в этом случае вмешательство царя было явлением временным, ограниченным лишь необходимостью. Недалеко параллельно с его выпусками продолжается и чеканка монет от имени городской общины (Прил. табл. 1; 12—14). Более того, выпускаются монеты от имени Феодосии, второ-

го центра Боспора, архонтами которого были Спартокиды (Прил. Табл. 1; 11).

Время правления Левкона II определяется приблизительно на 240—220 гг. до н. э.²³. На сегодняшний день, в связи с находкой в надписи на штукатурке из храма в Нимфес имени царя Сатира (по счету третьего)²⁴, являвшегося, вероятно, соправителем Перисада II, правящим впоследствии самостоятельно, эти даты должны быть передвинуты на более поздний срок. Соответственно передвигается и время правления его предшественника Спартока IV (245—240 гг. до н. э.). Причем не исключено, что время правления последнего было более продолжительным, поскольку краткость его правления определялась до сих пор лишь по тому, что с его именем дошел до нас всего один эпитафический документ²⁵.

В любом случае, большая часть правления Левкона II приходится на четвертую четверть III в. до н. э. Учитывая малую вероятность того, чтобы он начал царствование с выпуска монет от своего имени, поскольку это было нетрадиционно для Боспора, можно думать, что появление царской монеты на Боспоре следует датировать, по меньшей мере, началом четвертой четверти III в. до н. э. Монеты эти, вероятнее всего, были синхронны выпускам монет городской общины заключительного периода кризиса (Прил. Табл. 1; 15, 18). Находка их в составе Анапского 1954 года клада с монетами (Прил. Табл. 1; 7²⁶) свидетельствует о выпуске этих последних в течение более длительного времени, чем это до сих пор считалось. О том же говорит и их количество—среди находок монет периода кризиса они составляют более 38%.

Все это заставляет внести коррективы в таблицу последовательности смены монетных типов, предложенную Д. Б. Шеловым (Прил. Табл. III), и считать монеты Прил. Табл. 1; 12, 13, 14 и 16 предшествующими выпускам Левкона II.

Теперь попытаемся оценить появление первых в истории монетного дела Боспора выпусков царских монет. Попыткой преодоления кризисного состояния денежного обращения считали его П. О. Карышковский, К. В. Голенко и Д. Б. Шелов²⁷. Причем попытка эта, по их мнению, не дала значительных результатов. Кроме того, по предположению Д. Б. Шелова, выпуск царских монет означал формальное присвоение Левконом II права чеканки²⁸. С точки зрения

В. А. Анохина, выпуск монет Левкона II был специальной акцией, связанной с каким-то военным мероприятием этого царя, но при этом он «оказал некоторое положительное влияние на монетное дело времени кризиса»²⁹. Что же касается монетной регалии Левкона II, то из факта чеканки его монеты параллельно с выпусками монет Пантикапея В. А. Анохин делает вывод о разделении права чеканки между общиной граждан и царем³⁰.

Источниками для выяснения причин и оценки результатов первого выпуска царских монет на Боспоре у нас являются монеты Левкона II (их металл, номиналы, типология изображений), Феодосии, надчеканенные монеты Пантикапея последней четверти III в. до н. э. и заметка Полиэна, относящаяся, несомненно, к деятельности Левкона II³¹. Информация каждого из этих источников, что особенно важно, не повторяет друг друга.

Из сообщения Полиэна следует, что Левкон II нуждался в деньгах и для восполнения этого недостатка надчеканил монеты, находящиеся в обращении (Pol., VI, 9, 1). Полиэн при этом не упоминает, была ли монета, надчеканенная Левконом II, царской эмиссией или выпусками городской общины. Более того, он вообще ничего не говорит о выпуске первой царской меди на Боспоре. Учитывая достаточно высокую степень осведомленности Полиэна в делах Боспора и Северного Причерноморья вообще³², трудно предположить, что он не знал об этом. Возможно, эмиссия царской меди была предпринята уже после операции по надчеканке монет Пантикапея. Но вероятнее всего, эмиссия царской меди не была связана с теми событиями, которые вызвали недостаток денежных средств у боспорского царя, и выпуск ее не представлял собой одну из тех стратегем, которым был посвящен труд Полиэна.

Необходимо также отметить, что, судя по характеру труда автора, недостаток денег у боспорского царя и надчеканка им городской медной монеты была вызвана каким-то военным мероприятием.

Завершая разбор данного источника, остается уточнить, какой тип городских монет мог подвергнуться царской надчеканке. Из монет Пантикапея, датирующихся четвертой четвертью III в. до н. э., надчеканки имеют лишь монеты с типами Посейдон—прора (Прил. Табл. 1; 12, 13). Принадлежность их к заключительному этапу кризиса установлена до-

статочно твердо и ни у кого не вызывает сомнений. Эти монеты, представляющие собой, по мнению К. В. Голенко, старший номинал меди³³, надчеканивались дважды. Сначала изображением головы Афины, а затем—Сатира. Причем последним изображением надчеканивались как обычные монеты, так и те, которые уже были надчеканены головой Афины. По мнению Д. Б. Шелова, надчеканка изображением головы Афины связана с операцией Левкона II³⁴. Судя по Полиэну, надчеканка монет была единовременным актом. Значит вторичная надчеканка этих монет была предпринята городской общиной Пантикапея. В пользу этого говорит и тип надчеканки—голова Сатира, являющийся традиционным для монет Пантикапея. Данная надчеканка может быть косвенным подтверждением того, что контрмаркирование городских монет Левконом II было предпринято им до выпуска царской меди и не привело к достижению поставленной цели, вопреки восторженной замечке Полиена об этой акции.

Обратимся теперь к царским монетам. Наиболее яркие их характеристики в сравнении с городскими—это полновесность и отсутствие надчеканок. Следовательно, надчеканивались только городские монеты. Могли ли в период проведения этой акции находиться в обращении царские монеты? Думается, что нет. Разумеется, можно предполагать, что нехватка металла, как одна из причин денежного кризиса не давала возможности Левкону II увеличивать выпуск царской меди для оплаты своих расходов, и он использовал свое право вмешательства в эмиссии городской общины с целью поднять до уровня царской деградирующую медь города и, тем самым, решить свои финансовые проблемы. Однако надчеканки и даже перечеканки монет предшествующих выпусков самой городской общиной уже показали иллюзорность такого пути решения проблемы поддержания номинала монет. Зная это, Левкону II было бы естественнее перечеканить городскую медь типами своих монет, уже имеющих репутацию устойчивой валюты или использовать городские эмиссии как сырье для своих выпусков. Тем не менее, он надчеканивает городскую монету, т. е. идет тем же путем, что и монетарии городской общины. Это дает основание думать, что Левкон II в данном случае впервые столкнулся с проблемой решения финансовых вопросов и, не имея опыта в этом деле, пошел по уже проторенному пути городской общины. Неудачная в конечном итоге операция по контрмар-

кированию городских монет вынудила его обратить более серьезное внимание на состояние денежной системы государства и предпринять новые шаги по пути ее оздоровления. Этим шагом и стал выпуск царской медной монеты.

То, что первые царские выпуски на Боспоре чеканились из меди, а не из драгоценных металлов, как у последующих правителей Боспора и современных Левкону иностранных правителей, дает основание предполагать, что целью царя действительно была попытка таким путем преодолеть кризис денежного обращения в государстве. Этот путь через возвращение доверия к разменной монете за счет царского имени на ней, при отсутствии в обращении собственной царской монеты из драгметаллов, выглядит вполне естественным и закономерным на фоне уже осуществленных мероприятий по стабилизации финансов.

Той же цели, вероятно, служил и выпуск в одно время сразу всех трех наиболее ходовых номиналов—обола, тетрахапка и дихалка, а также использование в качестве изображений на них типологии статеров и тетрадрахм Александра Македонского, обращавшихся на Боспоре. Все это вместе взятое действительно обеспечило устойчивость курса царской монеты, что подтверждается находками их за пределами Боспора³⁵.

Нам остается рассмотреть последний источник—монеты Феодосии. Судя по официальной титулатуре Спартокидов, сохранившейся и во времена Левкона II (КБН, 25), Феодосия в политическом отношении считалась вторым городом в государстве. Выпуск ею собственной монеты спустя более чем сто лет после подчинения—факт достаточно значительный. По мнению Д. Б. Шелова, он свидетельствует о сепаратистских тенденциях города³⁶. В. А. Анохин считает, что чеканка Феодосии была инспирирована Левконом II с целью финансирования экстраординарных мероприятий этого царя, вероятно, связанных с Феодосией³⁷. В обоих случаях, как видим, Феодосии отводится роль реального эмитента. Мне представляется решение этого вопроса несколько иным.

Вероятнее всего, чеканка Феодосии как эмитента была чисто номинальной. Фактически же это был царский выпуск, оплаченный, быть может, (но не обязательно) Феодосией. А поскольку этот выпуск был предпринят как и эмиссия синхронных им царских монет после надчеканки Левконом монет Пантикапея, в условиях продолжавшегося денежного

кризиса, то и рассматривать его следует как одно из средств преодоления кризиса. В пользу этого вывода свидетельствуют следующие аргументы: 1) чеканка монет Феодосии производилась на пантикапейском монетном дворе; 2) совпадение номиналов и типологии монет Феодосии и тетраخالков Левкона II; 3) отсутствие выпусков монет Феодосии в последующее время; 4) должность Левкона II, как архонта Феодосии. Все это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что инициатива в выпуске монет Феодосии принадлежала царю.

Возможны, конечно, и иные объяснения факта этой инициативы. Например, то, что активное вмешательство царя в сферу деятельности гражданской общины Пантикапея могло вызвать известное сопротивление последней, и тогда эмиссию Феодосии можно рассматривать как политический жест Левкона II, направленный на укрепление своих позиций в государстве. Но веских аргументов в пользу такого предположения я не вижу.

Таким образом, чеканка Феодосии, скорее всего, представляет собой одну из попыток Левкона II стабилизировать курс медной монеты и вывести государство из денежного кризиса.

Подводя итог деятельности Левкона II в сфере монетного дела, отметим, что его монеты стали первыми полноценными эмиссиями меди на Боспоре. Синхронные им городские выпуски стали более полновесными и уже не подвергались контрмаркированию. Все это позволяет вернуться к прежней оценке деятельности этого правителя в области монетного дела, данной Д. Б. Шеловым³⁸, и считать ее важным фактором стабилизации денежного обращения на Боспоре. Следующим шагом в окончательном преодолении кризисных явлений в государственных финансах стал выпуск серебряной и золотой царской монеты, серебряной городской монеты, предоставление права чеканки Фанагории, а затем и Горгииппии.

В конце правления Левкона II в обращении находились 3 номинала царских монет: надчеканенные оболы типа Посейдон—прора, тетраخالки типа бородатый Сатир-лук, стрела и дихалки того же типа. Возможно, еще при нем пантикапейский монетный двор выпустил оболы с типами Посейдон—Сатир (Прил. Табл. II, 1) и дихалки с типами голова быка—плуг, колос, крыло—треножник (Прил. Табл. 1, 20, 21). Эти типы монет не получили широкого распространения

я уже в самом начале II в. до н. э. им на смену приходят новые, курс которых был подкреплен первым выпуском царского серебра. О датировке серебряных дидрахм царя Спартока временем Спартока V я уже говорил в первой главе. При нем же пантикапейский монетный двор начинает выпуск тетраخالков³⁹ с типами Аполлон-лук в горите (Прил. Табл. 1; 22) и тетраخالков Фанагории (Прил. Табл. 1; 23) с типами, скопированными с пантикапейских монет (Прил. Табл. 1; 14, 15). Новые монеты обращались в течение всего периода правления последних Спартокидов и составляют самую многочисленную группу находок того времени (соответственно 30,4% и 19,7% от общего числа находок). Стоит отметить сходство изображения лука в горите на реверсе монет Пантикапея и дидрахм Спартока, что подтверждает синхронность этих эмиссий и правильность отнесения их ко времени Спартока V.

Выпуск тетраخالков Фанагории был, вероятно, также предпринят по инициативе правителя, а не самого города. В пользу этого говорит единообразие их типа и номинала с пантикапейскими монетами. Со своей стороны, будучи центром товаро-денежных отношений в Азии (Прил. Табл. III)⁴⁰, Фанагория, несомненно, была особенно заинтересована в наличии в обращении твердой валюты. К тому же она имела возможность оплачивать свои эмиссии. Все это сделало выпуск ее тетраخالков более стабильным и долговременным, чем выпуски Феодосии, которая, вероятно, не имела возможности финансировать выпуск монет от своего имени. Более того, как показало исследование К. В. Голенко⁴¹, в Фанагории впоследствии был открыт и свой монетный двор.

Таким образом, восстановление монетного чекана наиболее крупных городов Боспора было первоначально достаточным продуманным государственным мероприятием, а вовсе не следствием инициативы со стороны самих городов. Появление же эмиссий серебра и новых, соответствующих лишь этим городам типов на меди при последнем Спартокиде, свидетельствует о переходе инициативы в чеканке монет к самим городам.

Основными особенностями выпусков медных монет Боспора во II в. до н. э. в сравнении с III в. до н. э. стали: увеличение количества типов (причем, преобладающим типом лицевой стороны стало изображение головы Аполлона); преобладание к концу века монет крупных номиналов (гра-

фик 2) и появление монограмм. Увеличение количества типов—явно наследие кризиса и, очевидно, имело целью поддержать платежеспособность меди. Но существенного влияния на денежное обращение оно не оказало. Абсолютное большинство монет новых типов представлено единичными экземплярами. И только те из них, которые появились под влиянием политической конъюнктуры (Прил. Табл. 1; 39—40, 43), более многочисленны. Но и они далеко уступают монетам Пантикапея и Финагории, выпущенным в начале века (соответственно составляют 8,7% и 6% от общего числа находок монет II в. до н. э.).

Преобладание изображения Аполлона на монетах II в. до н. э., как мне кажется, в определенной степени связано с успехом деятельности Левкона II в области монетного дела: Культ Аполлона в Пантикапее при Спартокидах был одним из основных⁴², и первые спорадические выпуски монет с этим типом изображения были предприняты еще в IV в. до н. э. Но тогда он не получил широкого распространения. Теперь же успех денежной реформы Левкона и тот факт, что он до вступления на престол был жрецом культа Аполлона (КБН, 25), вероятно, способствовали избранию изображения этого бога монетариями городской общины Пантикапея для монет новых выпусков. Вероятно, это произошло в последние годы правления Левкона II или вскоре после его смерти. Длительное сохранение своего курса одним из первых выпусков с изображением Аполлона (Прил. Табл. 1; 22) привело к копированию его рядом последующих эмиссий.

Увеличение выпусков монет более крупных номиналов—оболов и тетрахапков, стало следствием стабилизации денежного обращения, вызванного, в свою очередь, развитием собственных производств и ремесел Боспора, расширением торговых связей с новыми, прежде всего причерноморскими, районами, возросшим импортом меди. Как показывает изучение металла медных монет, примерно с середины II в. до н. э. Боспор начинает регулярно получать медь из Понтийского царства⁴³. Это позволило улучшить качество монеты и увеличить ее количество.

Одной из важнейших особенностей медных монет Боспора рассматриваемого времени стало появление на них монограмм, отдельных букв и слогов. Эти дополнительные знаки появляются сначала на царских монетах, типология ко-

торых заимствована от лисимаховских монет, выпущенных Византием⁴⁴. Поскольку на последних уже были подобные знаки, логично думать, что их появление на царских статерах Боспора также является заимствованием, как и другие элементы типа. В этом особенно убеждает тот факт, что монограммы на серебряных и медных монетах Пантикапея и Фанагории появляются лишь спустя почти полвека—во второй половине II в. до н. э. (Прил. Табл. 1; 36, 37; Табл. II; 6, 7).

Монограммы под тронем Афины на реверсе монет как Византия, так и Боспора обозначают, вероятнее всего, место чеканки⁴⁵. Монограммы в поле монет, по мнению Д. Б. Шелова⁴⁶, скрывают имена магистратов, контролирующих их выпуск, а отдельные буквы и слоги на царских монетах представляют собой количество лет правления. Таково же мнение большинства других отечественных нумизматов⁴⁷. Предположение В. А. Анохина, что эти монограммы и буквы являются знаками собственности и обозначают лиц, финансирующих эмиссии, не может быть признано удачным⁴⁸. Однако и их принадлежность магистратам вызывает известное сомнение. Как справедливо заметил В. А. Анохин, маловероятно, чтобы при чеканке однотипных монет последовательного ряда правителей одной династии на монетах одних из них присутствовали эмблемы магистратов, на других—нет. Но это замечание интуитивного характера, а есть и более весомое.

На статерах «перисадов» и дидрахмах Спартока присутствует только одна монограмма или монограмма с буквой (слогом). Причем буквы есть как на монетах с монограммами, относимыми к месту чеканки, так и на статерах с монограммами, возможно принадлежащими магистратам. При этом на монетах с магистратскими монограммами нет монограмм места чеканки и наоборот. Единственное исключение составляют монеты Гиgienонта, где не только есть обе эти монограммы, но и расположены они так же как на статерах «перисадов»: монограмма места чеканки под тронем Афины, монограмма магистрата—в поле монеты. Этот факт мы рассмотрим чуть дальше, а сейчас отметим, что на монетах Византия, послуживших прототипами царских выпусков Боспора⁴⁹, буквенное указание на место чеканки первоначально появляется под рукой Афины в поле монеты, и лишь потом переходит на боковую поверхность нижней части ее трона⁵⁰.

Не исключено, что и на Боспорских статерах первоначально монограмма, нанесенная под рукой богини, обозначала также место чеканки. Тем более, что она вполне может расшифровываться в название столицы Боспора. Таким образом, наличие только одной монограммы на статерах «перисадов» и дидрахмах Спартока, первоначальное обозначение места чеканки на монетах Византия в поле монет, а также возможность расшифровки монограммы под рукой Афины на «статерах «перисадов» из коллекции Эрмитажа в название «Пантикапей» позволяют с большой долей уверенности предполагать, что и эта последняя монограмма обозначает место чеканки. Но в таком случае эти статеры должны быть древнее прочих, вопреки мнению А. Н. Зографа⁵¹, поддержанному П. О. Карышковским и К. В. Голенко⁵². И действительно, если сопоставить последовательность развития монограмм, предложенную К. В. Голенко, П. О. Карышковским и В. А. Анохиным, то наименее противоречивой выглядит схема последнего, при условии помещения архонта Гигиенонта после Перисада IV.

Расшифровка монограмм на статерах «перисадов», следовательно, позволяет сделать вывод, что при переходе к чеканке царской монеты из драгоценных металлов контроль за ее выпуском осуществлялся, по-видимому, непосредственно правителем. И даже позднее, когда уже появились эмблемы магистратов на монетах Гигиенонта и Пантикапея, эмиссии золотых статеров находились под личным контролем последнего Спартокида. Учитывая редкость этих монет, обусловленную, очевидно, небольшими запасами золота в казне, в этом нет ничего удивительного.

Следующим шагом в развитии монограмм на монетах Боспора стало появление монограмм магистратов. Как мы уже отмечали, наиболее ранние из них появляются только в третьей четверти II в. до н. э. на монетах Гигиенонта и Пантикапея. Сходство данных монограмм на статере и драхмах Гигиенонта подтверждает одновременность их выпуска. Отсутствие же однотипных монограмм на синхронных им эмиссиях Пантикапея и медном тетрагалке Гигиенонта говорит, как будто, о том, что контроль за городскими выпусками и медью самого архонта осуществлялся другими лицами. Следовательно, Гигиенонт, как и его предшественники Спартокиды, прямо не вмешивался в чеканку монет городской общиной Пантикапея. И значит, считать появление монограмм

магистратов следствием возрождения полисных традиций, как полагал Д. Б. Шелов⁵³, нет достаточных оснований. Скорее это итог заимствования достижений в монетном деле ведущих стран античного мира, с которыми Боспор в то время имел еще достаточно широкие связи.

Что же касается буквенных обозначений на статерах «перисадов», то, как мы уже отмечали, большинство нумизматов считают их годами правления и связывают с именем Перисада V. Датировать статеры годами своего правления мог любой правитель Боспора II в. до н. э., поскольку с конца III в. до н. э. помещение дат на монетах монархов эллинистических государств становится общепринятым⁵⁴. Однако правители наиболее близких к Боспору государств ставят на своих монетах обозначение дат по династической эре, а не по годам своего правления. И самые ранние из них Митридат Эвергет, царь Понта⁵⁵ и Никомед Эпифан, царь Вифинии⁵⁶. Кроме того, представляется вполне вероятной подлинность серебряной тетрадрахмы с именем Перисада (Прил. Табл. II; B), в чем В. А. Анохин не сомневается⁵⁷. А у этой тетрадрахмы буква в поле монеты—Ф, никак не может обозначать количества лет правления этого царя.

Таким образом, понимание отдельных букв в поле статеров «перисадов» как дат правления Спартокидов не является единственно возможным и решение данного вопроса еще требует дополнительных исследований.

В заключение отметим еще один факт, характеризующий монетное дело Боспора II в. до н. э. Со второй половины этого века на его развитие все большее влияние оказывает монетное дело городов и царей Понта. С одной стороны, это связано с поставками на Боспор меди через города этого государства, а с другой—с растущим политическим и военным влиянием Понта, правитель которого Митридат Эвергет «стал самым богатым и могущественным царем Малой Азии»⁵⁸. Интересно отметить, что заимствования коснулись исключительно городских медных монет. В какой-то мере это подчеркивает, что пропонтийской ориентации придерживались именно пантикапейское гражданство⁵⁹.

Н. Д. Нестеренко полагает, что поступление на Боспор меди из городов Понта самых ранних групп и перечеканки драхм Амиса в боспорские монеты позволяют предполагать не только пропонтийские симпатии боспорян, но и возможность соглашения об унификации монетных типов этих го-

сударств в самом начале последней четверти II в. до н. э.⁶⁰. В качестве примера он приводит выпуск монет с типом голова Сатира—рог изобилия и шапки Диоскуров (Прил. Табл. 1; 39, 40). Предположение заманчивое, но, увы, практически невозможное. Даже если учесть весьма вероятное предположение К. В. Голенко о том, что выпуск городских эмиссий в Понте начался раньше 120 г. до н. э.⁶¹, все равно нельзя не заметить, что первая группа городской меди здесь представлена самым крупным номиналом—оболами, которые в чеканке Боспора появляются лишь при Митридате Евпаторе. Значит в весовом отношении унификации не было. Тот факт, что большинство типов оборотных сторон на монетах Понта являются атрибутами божеств, изображенных на лицевой стороне, всегда был присущ и Боспору и значит тоже не может рассматриваться как следствие унификации под влиянием Понта. И только появление в качестве типа оборотной стороны рога изобилия и шапок Диоскуров несомненно следствие влияния Понта. Данные монеты Боспора и Понта близки по весу⁶² и следовательно представляли один и тот же номинал. Как мы уже отмечали, эти эмиссии Боспора самые многочисленные по количеству находок. Но тем не менее, если рассматривать их как следствие унификации типов монет под влиянием Понта, надо предполагать и полное подчинение права монетной чеканки на Боспоре царю, как это было в Понтийском царстве. А для этого у нас нет решительно никаких оснований. Поэтому целесообразнее будет и далее этот факт рассматривать в соответствии с предположением Д. Б. Шелова, как следствие пропонтийской ориентации высших слоев населения Пантикапея.

С понтийскими же событиями Н. Д. Нестеренко связывает появление меди Боспора типа голова Афины—прора (Прил. Табл. 1; 43), датируя ее выпуск 113 г. до н. э.⁶³. Данный факт автор считает возможным связывать с установлением полного контроля над морскими путями Митридатом Евпатором. Однако Митридат Евпатор в 113 г. до н. э. еще только вернулся к власти⁶⁴ и не имел такой возможности. Иное дело 110 г. до н. э., которым датируют этот выпуск Д. Б. Шелов и К. В. Голенко.

Еще более сомнительно предположение автора о том, что официальная передача власти Перисадом Митридату была отмечена боспорянами выпуском медных халков типа восьмилучевая звезда—треножник (Прил. Табл. 1; 46). Очень

трудно представить, чтобы «столь исключительной важности событие», как называет его сам Н. Д. Нестеренко, было отмечено пантикапейцами столь жалко. Даже в трудные для Боспора годы правления последнего Спартокида городская община выпустила 10 типов серебряных монет! А тут вдруг ограничилась перечеканкой старых медных монет на новые да еще столь мелкого номинала. Поэтому, правильнее будет оставить датировку данной эмиссии Пантикапея прежней⁶⁵.

Следует отметить также предположение Н. Д. Нестеренко о принятии на воспитание Митридата Евпатора Перисадом V по договоренности с Митридатом Эвергетом и о назначении двенадцатилетнего царевича наместником Азиатского Боспора с правом чеканки медной монеты⁶⁶. Данное предположение, восходящее к гипотезе А. И. Немировского⁶⁷, поддержанной Н. Ю. Ломоури⁶⁸, известно мне, к сожалению, только по тезисам доклада. Какими аргументами автор подкрепляет свою точку зрения по ним, неясно. Но фантастичность такого предположения, судя по информации наших письменных источников, очевидна.

На этом мы закончим рассмотрение особенностей монетного дела Боспора в III—II вв. до н. э., отметив, при этом, что в нем не только прослеживаются заимствования из области нумизматики соседних областей, но и само оно оказывало вполне определенное воздействие на типологию монет такого самостоятельного центра, как Херсонес. Причем это влияние особенно характерно для второй половины II в. до н. э.⁶⁹, т. е. тогда, когда оно само уже испытывало сильное влияние Понта.

Рассмотрим теперь основные особенности денежного обращения Боспора в период III—II вв. до н. э. Прежде всего отметим, что по современным статистическим данным (график 1) монеты III в. до н. э. уже не составляют «самую многочисленную группу нумизматических находок во всех боспорских городах»⁷⁰. В столичных центрах и Кепях отмечается резкое (от 1,8 до 3 раз) увеличение находок монет II в. до н. э. (Прил. Табл. III). Небольшое увеличение наблюдается также в ближайших к Пантикапею городах Мирмекии и Тиритаке, в то время как в более отдаленных от него Нимфее и Китее происходит небольшое сокращение числа находок, при стабильном положении на хоре.

Иное дело города азиатского Боспора. Здесь резкое увеличение числа находок монет II в. до н. э. в Фанагории и

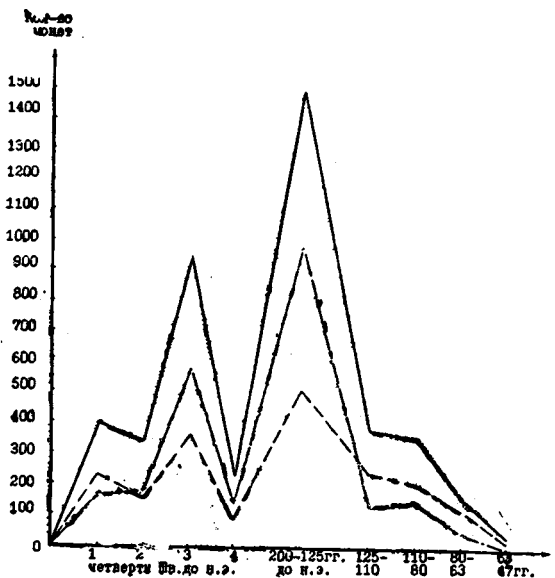

График 1:—общее количество монет; — — — в т. ч. в Европе; —, — — в т. ч. в Азии.

Кепах (причем увеличение в обоих случаях большее, чем в Пантикапее) происходит на фоне еще более резкого сокращения денежного обращения в других городах и на хоре (в среднем в 3,6 раза без учета Елизаветинского городища). Несомненно, такое соотношение является прямым следствием политических событий. По-видимому, союзные отношения со скифами Таврики способствовали стабильности денежного обращения в европейской части государства, в то время как почти непрекращающиеся военные столкновения в Азии в итоге приводят к постепенной натурализации хозяйства большинства городов региона, за исключением Фанагории. Последняя же в то время становится, по словам Страбона, «перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны» (Strabo., XI, 2, 10). Именно этим, вероятно, объясняется столь резкое возрастание количества находок в ней монет II в. до н. э. Как объяснить трехкратное увеличение находок монет в Кепах во II в. до н. э., я пока не знаю. Не исключено, что город, подобно

Фанагории, сумел также наладить собственные торговые связи с более отдаленной варварской периферией.

Другой особенностью денежного обращения Боспора III—II вв. до н. э. является большее количество монет с начала денежного кризиса и до начала правления последнего Спартокида в азиатской части государства⁷¹. Реальность большего развития внутреннего рынка именно в этом регионе очевидна, даже если учесть худшую сохранность культурного слоя Пантикапея. Максимальное увеличение числа монет во II в. до н. э. в европейской части государства происходит в 1,5 раза, в то время как в азиатской части—в 1,7 раза. Следовательно, и до того большая роль товаро-денежных отношений в Азии еще более возрастает в первой половине II в. до н. э. Несомненно, это связано с более интенсивным втягиванием в рыночные отношения синдо-меотских племен, находящихся в составе Боспора, по сравнению со скифами Керченского полуострова, сохранившими политическую независимость. О вхождении этих племен в систему рыночных отношений Боспора свидетельствуют и клады⁷².

Нельзя не заметить, что возрастание роли денежного обращения в Азии стоит в прямой связи с эмиссиями Фанагории (Прил. Табл. 1; 23). В специальной литературе этому факту не уделялось должного внимания⁷³. А между тем монеты Фанагории, найденные при раскопках городов Боспора в слоях 200—110 гг. до н. э., составляют 27% общего числа находок в европейской части государства и 34% находок в азиатской части! Причем, если в европейской части две трети (79%) монет Фанагории найдены в Пантикапее, то в Азии только около 70% в самой Фанагории. Следовательно, фанагорийские монеты имели равноправное хождение на всех боспорских рынках и составляли существенную часть денежного обращения прежде всего столичных центров (38% в Пантикапее и 36% в самой Фанагории). Хотя общее количество их находок как будто позволяет говорить о преимущественном распространении их в самой Фанагории и окрестностях⁷⁴. Значит, предоставление права чеканки городу Спартокидами соответствовало его возможностям, отвечало потребностям и в итоге способствовало укреплению экономики государства в целом.

Колебания количества монет в обращении в разные периоды (график 1) позволяют сделать вывод о серьезных переменах этому процессу с конца третьей четверти III в. до

н. э. и во второй половине II в. до н. э. Причем если в первом случае эта тенденция присуща почти в равной степени обеим частям государства, то во втором случае наблюдается резкое сокращение находок монет в азиатских городах и концентрация их в Фанагории при относительной стабильности денежного обращения в европейской части. Данное обстоятельство, на мой взгляд, прекрасно иллюстрирует факт преобладания экономических причин в изменениях III в. до н. э. (денежный кризис) и несомненное влияние политических событий (выход ряда меотских племен из состава Боспора) во II в. до н. э.

Вполне определенные выводы позволяет сделать и сопоставление различных номиналов монет Боспора в разные периоды (график 2). В первой четверти III в. до н. э., еще

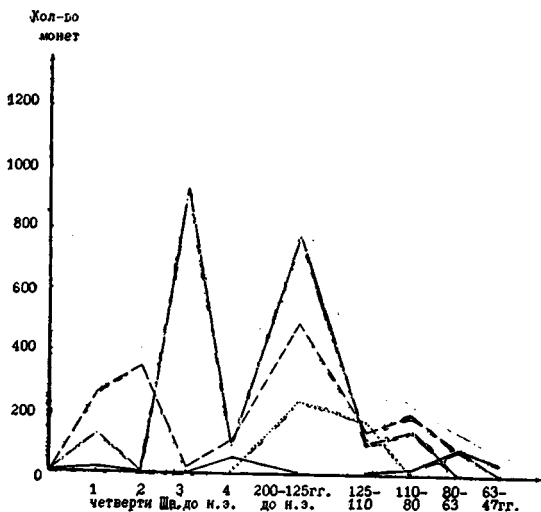

График 2:—оболы; ---- тетраخالки; -.-.- дихалки; ... халки.

до начала денежного кризиса, в обращении находились три номинала меди: обол, тетраخالк и дихалк, составляющие соответственно 4%, 66% и 30% состава находок. На первом этапе кризиса, во второй четверти III в. до н. э., практически единственным средством денежного обращения стал тетраخالк. В разгар кризиса (3 четверть III в. до н. э.) деградация медной монеты привела к падению веса ведущего но-

минала и им становится дихалк, составляющий 98% денежного обращения. Реформа Левкона II восстановила нормальное денежное обращение в четвертой четверти III в. до н. э., опять введя в него три номинала меди—обол, тетрагалк и дихалк. Соотношение номиналов между собой, при этом, существенно изменилось в пользу старших номиналов (соответственно 20%, 43,5% и 36,5%).

В начале II в. до н. э. боспорские цари вводят в обращение монеты из драгоценных металлов и еще более мелкий номинал меди—халк. Ведущим номиналом, при этом, опять становится дихалк, составляющий 51,7% находок. В период правления последнего Перисада впервые получает преимущество халк (42,2%). Важно отметить соотношение старших и младших номиналов в разных частях государства:

Номинал	Регион	III в. до н. э.				II в. до н. э.				
		1 ч.	2 ч.	3 ч.	4 ч.	200—125 г.	125—110 г.	110—80 г.	79—63 г.	63—47 г.
Обол	Европа	11	—	—	31	2	—	9	67	22
	Азия	6	—	—	15	—	—	2	14	8
	Всего	17	—	—	46	2	—	11	81	30
Тетрагалк	Европа	151	163	10	53	155	94	121	56	1
	Азия	109	181	4	49	334	36	70	30	—
	Всего	260	344	14	102	489	130	191	86	1
Дихалк	Европа	69	—	358	6	256	60	72	—	—
	Азия	53	—	577	80	520	33	68	—	—
	Всего	122	—	935	86	776	93	140	—	—
Халк	Европа	—	—	—	—	104	96	—	—	—
	Азия	—	—	—	—	130	66	—	—	—
	Всего	—	—	—	—	234	162	—	—	—

В европейской части государства, как видно, преобладают монеты старших номиналов, в то время как в Азии это преимущество сохраняется за младшими. Исключение составляют два временных отрезка: вторая четверть III в. до н. э. и 200—125 гг. до н. э. Но и правило, и исключения со всей очевидностью свидетельствуют о большей емкости внутреннего рынка азиатской части государства и большей втянутости в систему товаро-денежных отношений племен Прикубанья.

И последняя особенность денежного обращения Боспора рассматриваемой эпохи—это участие в нем иностранной монеты. Как известно⁷⁵, привозная монета из драгоценных металлов практически всегда обращалась на Боспоре. Медь же других городов до времени правления Перисада V представлена единичными находками и в обращении явно не участвовала. Во второй половине II в. до н. э. на Боспор начинает поступать в значительных количествах серебро Амиса, а позднее, в двадцатых годах, и медь городов Понта, также преимущественно амисского происхождения⁷⁶. О большом количестве амисских драхм, поступивших на Боспор, свидетельствует факт перечеканки их в боспорскую монету⁷⁷. Этот же факт говорит и о нехватке у пантикапейских монетариев серебра для чеканки своей монеты. Появление и последующее возрастание количества находок медных монет понтийских городов на фоне неоднократных последовательных перечеканок городской общиной Пантикапея своей наиболее многочисленной эмиссии меди типа Апполон-лук в горите типами безбородый сатир-шапки Диоскуров, затем Афина-прора и, наконец, звезда-треножник, а также типами монет Фанагории⁷⁸, свидетельствует и о нехватке меди для выпуска собственной монеты. Это подтверждается и преобладанием в денежном обращении Боспора того времени собственной меди мелких номиналов (график 2), в то время как поступающие понтийские монеты представляют по отношению к ним старший номинал (тетрахалк). Соотношение находок собственной и привозной монеты на Боспоре в период правления Перисада V и позднее выглядит следующим образом:

Место чеканки	Регион	125— 110 гг.	109— 80 гг.	79—63 гг.	63—47 гг.
Боспор	Европа	235	143	67	23
	Азия	137	117	14	8
	Всего	372	260	81	31
Иностран- ные	Европа	6	63	14	1
	Азия	—	30	30	—
	Всего	6	93	44	1

Данное соотношение не учитывает находок в кладах. Привлечение же их еще более увеличивает соотношение в пользу монет Понта⁷⁹, что свидетельствует об экономическом и по-

литическом сближении двух государств задолго до подчинения Боспора Понту.

Таким образом, состав денежного обращения и монетное дело Боспора хорошо отражают основные этапы экономического и политического развития государства и существенно дополняют сведения других источников. Судя по ним, Боспорское царство было вполне жизнеспособным государством, и эта его жизнеспособность сыграла немалую роль в дальнейшем, в частности, в положении в рамках Понтийского царства.

1. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М.: 1956. С. 90.

2. Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. 1981. № 2. С. 32.

3. Шелов Д. Б. МДБ. С. 125.

4. Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах... С. 31—32.

5. Иную картину дает работа В. А. Анохина. См. Анохин В. А. МДБ. С. 48—60. Однако его представления гораздо менее убедительны. См. Фролова Н. А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI—II вв. до н. э. / ВДИ. 1988. № 2. С. 140.

6. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.: 1963. С. 118.

7. Le Rider J. Cotremarques et sur frappes dans l'antiquité Grecque // Etudes d'Archeologie Classique. Nancy. 1975. IV. P. 27—56.

8. Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах... С. 35.

9. Gajdukevic V. F. Das Bosporianische Reich. S. 89.

10. Шелов Д. Б. МДБ. С. 107, 124, 148—149.

11. Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1957. № 2. С. 145—146; его же, Заметки... // ВДИ. 1960. № 3. С. 140; его же, Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. // ЗОАО. 1 (34). Одесса. 1960. С. 115—118; его же, Заметки... // ВДИ. 1964. № 1. С. 134—139.

12. Gajdukevic V. F. Op. cit. S. 92. Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М.: 1956. С. 97.

13. Шелов Д. Б. МДБ. С. 148; его же, Танаис и Нижний Дов в III—I вв. до н. э. М.: 1970. С. 32—33; Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 68; Трейстер М. Ю. Бронзолитнейное ремесло античного Боспора. Автореферат канд. дис. М.: 1984. С. 16; его же, Бронзолитнейное ремесло Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 96; Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 86—87; Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский

Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. 1991. С. 20.

14. Шелов Д. Б. МДБ. С. 145.

15. Gajdukevic V. F. Op. cit. S. 97.

16. Трейстер М. Ю. Бронзолитейное... Автореферат. С. 14.

17. Gajdukevic V. F. Op. cit. S. 130.

18. О рудниках Малой Азии см. Prentis de Jesus. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia // BAR. intern. ser. 74. 1980; Pernicka E. et al. Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // Jahrbuch des Romisch-germanischen Zentralmuseum Mainz. 1984. Jg. 31; S. 533—599; Seeliger Th. et al. Archäometallurgische Untersuchungen in Nord und Ostanatolien // JRGZM. 1985. Jg. 35. S. 597—659.

19. Об источниках сырья для цветной металлургии Прикубанья и Приднепровья см. Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М.: 1981.

20. Шелов Д. Б. Ремесленное производство // АГСП. М.: 1984. С. 167.

21. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье... С. 156.

22. Treister M. Ju. Spectroanalytical Study of the kingdom of Bosphorus bronze coins // Bulletin of the metals Museum. 1988. V. 13.

23. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: 1976. С. 198.

24. Надписи и изображения на штукатурке датируются временем Перисада II См. Грач Н. Л. Открытие нового... С. 86. Мое предположение о соправительстве Сатира III и Перисада II и последующем самостоятельном правлении Сатира основано на том, что первый упомянут с царским титулом.

25. Латышев В В Краткий очерк истории Боспорского царства. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 87.

26. Шелов Д. Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. № 1. С. 212.

27. Карышковский П. О. Из истории денежного обращения... С. 114;

Голенко К. В. К хронологии... С. 20; Шелов Д. Б. Еще о монетах... С. 41.

28. Шелов Д. Б. МДБ. С. 152.

29. Анохин В. А. МДБ. С. 56, 58.

30. Там же. С. 57.

31. Шелов Д. Б. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1. С. 31,

32. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор Л.: 1925. С. 130—137.
33. Голенко К. В. К хронологии. С. 18; его же, Заметки... С. 148. Мнение Д. Б. Шелова о том, что они представляли собой средний номинал, кажется мне менее убедительным. См. Шелов Д. Б. Еще о монетах... С. 39—40.
34. Шелов Д. Б. Денежная реформа... С. 37.
35. Карышковский П. О. Из истории торговых связей Боспора в Черноморском бассейне // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону. 1988. С. 35. Табл. 1, 10; С. 37. Табл. III, 8.
36. Шелов Д. Б. МДБ. С. 173.
37. Анохин В. А. МДБ. С. 58.
38. Шелов Д. Б. Денежная реформа Левкона II. С. 36—37; его же, Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. № 2. С. 212.
39. В. А. Анохин считает этот выпуск оболами (См. Анохин В. А. МДБ. С. 66). Однако даже с учетом падения веса медных эмиссий во время кризиса (Голенко К. В. Заметки... С. 151) эти монеты вряд ли могли быть по своему номиналу более чем тетрагалки, а скорее их следует рассматривать как дихалки.
40. Отметим сразу, что большее чем в Пантикапее количество находок монет в Фанагории связано с лучшей сохранностью культурного слоя последней. Реальное же соотношение было, скорее всего, в пользу Пантикапея. Но при этом тенденции в развитии денежного обращения представленные график и таблица отражают, по-видимому, достоверно.
41. Голенко К. В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. 1960. № 2. С. 35—36.
42. Шауб И. Ю. Культы и религиозные представления населения Боспора VI—IV вв. до н. э. Автореферат канд. дис. Л.: 1987. С. 12.
43. Карышковский П. О. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты» // ВДИ. 1953. № 1. С. 108; Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI Евпатора в боспорских находках // Палестинский сборник. 1964. № 11 (74). С. 61. Прим. 15.
44. Карышковский П. О. К вопросу об обращении статеров чисисмаховского типа в Причерноморье // НС. Тбилиси. 1977. С. 20—22.
45. Карышковский П. О. К вопросу... С. 22—23; Анохин В. А. МДБ. С. 69.
46. Шелов Д. Б. МДБ. С. 160.
47. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора VI в. до н. э.—середины IV в. н. э. // С. 216 и сл.; Голенко К. В. Новая монета царя Спартока. НАП. Киев. 1982. С. 52—53; Карышковский П. О. К вопросу... С. 24.

48. Фролова Н. А. Монетное дело... С. 216—222.
49. Зограф А. Н. Античные монеты. С. 184.
50. Карышковский П. О. К вопросу... С. 22.
51. Zoograph A. The Tooapse Hoard // *The Numismatic Chronicle*. 1925. P. 50.
52. Карышковский П. О. К вопросу... С. 26; Голенко К. В. Новая монета... С. 53.
53. Шелов Д. Б. МДБ. С. 144.
54. Зограф А. Н. Античные монеты. С. 87.
55. Монета Митридата Эвергета датирована 173 годом Вифинской эры: Foy Vaillant J. *Achemenidarum imperium, sivi regum Ponti, Bosphori et Bithynia ae historia*. 1728. Т. II. Paris. P. 61.
- Монета утеряна, но реальность ее подтверждается нумизматами. См. Kleiner G. *Bildnis und Gestalt des Mithridates* // *JDAI*. 1953. n. 68. S. 890.
56. *WBR.*, 1, 9. P. 211, 215.
57. Анохин В. А. МДБ. С. 65.
58. Rostowtzeff M. *Social and Economic History of the Hellenistic World*. Oxford. v. III. 1941. P. 156.
59. Шелов Д. Б. МДБ. С. 203—204.
60. Нестеренко Н. Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н. э. // *ВДИ*. 1987. № 2. С. 81.
61. Имхоф-Блумер датирует первые выпуски городских монет Понта 120—111 гг. до н. э. См. Imhoof-Blümer Fr. *Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagonien* // *Numismatische Zeitschrift*. 1912. n. 45. S. 171.
- По вполне справедливому замечанию К. В. Голенко, переход к повсеместному городскому чекану в Понте был, безусловно, строго продуманной политической и экономической акцией и трудно поверить, чтобы она могла быть предпринята молодым царем в первые годы его правления, когда он был еще несовершеннолетним. См. Голенко К. В. *Понтийская анонимная медь* // *ВДИ*. 1969. № 1. С. 145.
62. *WBR.*, P. 33, 70, 207; Head A. *Historia numorum*. Oxford. 1887. P. 435.
63. Нестеренко Н. Д. Заметки... С. 82.
64. Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 21.
65. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // *ВДИ*. 1983. № 2. С. 44—45.
66. Нестеренко Н. Д. Союзный чекан Понта и Боспора во второй половине II в. до н. э. // *Проблемы исследований античных поселений*. ТД. М.: 1989. С. 85.

67. Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. Тбилиси. 1978. С. 69—70.
68. Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. С. 79—80.
69. Голенко К. В. Несколько малоизвестных монет позднеэллинистического Херсонеса // ВДИ. 1967. № 2. С. 174.
70. Шелов Д. Б. Материалы... С. 35; Голенко К. В. Монеты Нимфея. С. 65.
71. Следует оговориться, что данные результаты в какой-то мере все же относительны. Пока мы не имеем опубликованных материалов состава денежного обращения крупнейшего после Пантикапея города европейского Боспора Феодосии. Не исключено, что с их публикацией картина денежного обращения в разных частях государства может оказаться иной, хотя вряд ли резко противоположной.
72. Анфимов Н. В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска на Кубани // СА. 1988. № 4. С. 138—140.
73. Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 62—63; его же, Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 46.
74. Шелов Д. Б. Материалы... С. 41.
75. Шелов Д. Б. Кизикские статыры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2. С. 93 и сл.; Карышковский П. О. К вопросу... С. 20.
76. Шенерт-Гейс Э. Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материалах монетных находок // ВДИ. 1971. № 2. С. 26 и сл.
77. Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечековки // НЭ. 1968. № 7. С. 37—42.
78. Нестеренко Н. Д. Заметки... С. 77—80.
79. Нестеренко Н. Д. Клады Горгиппии // КСИА. 1981. № 168. С. 85—87; его же, Заметки... С. 75.

Денежное обращение Боспора в III—пер. пол. I в. до н. э.

№ п/п	Центр, правитель	Номинал	Даты (до н. э.)	Тип по Анохиноу	Кол-во находок в			
					Европе	Азии	Танаисе	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Пантикапей	Обол	315—300 гг.		124	11	11	—	22
2. —>—	Тетрахалк	—>—		125	97	68	1	166
3. —>—	Тетрахалк	к. I ч. III в.	130, 131*	54	87	2	143	
4. —>—	Дихалк	—>—		132	81	64	—	145
5. —>—	Тетрахалк	2 ч. III в.		133*	82	149	—	231
6. —>—	—>—	—>—		133	83	109	1	193
7. —>—	Дихалк	н. 3 ч. III в.		133д	300	542	—	842
8. —>—	Тетрахалк	3 ч. III в.		138	10	7	—	17
9. —>—	Дихалк	—>—		139*	29	96	—	125
10. —>—	—>—	к. 3 ч. III в.		141	29	115	1	145
11. —>—	Тетрахалк	н. 4 ч. III в.		143*	5	28	—	33
12. —>—	Обол	—>—		144	2	8	—	10
13. —>—	Обол	4 ч. III в.	151, 153*	27	14	—	41	
14. —>—	Тетрахалк	—>—		145	44	41	—	85
15. —>—	Дихалк	—>—		155	9	118	—	127
16. Левкон II	Обол	—>—		134	3	7	—	10
17. —>—	Тетрахалк	—>—		135	2	13	—	15
18. —>—	Дихалк	—>—		136	1	4	—	5
19. —>—	Тетрахалк	—>—		137	2	—	—	2
19а. Пантикапей	Тетрахалк	2 ч. III в.		157	—	2	—	2
Всего	III в. до н. э.				871	1483	5	2359
20. Пантикапей	Халк	к. III н. II в.		142	22	42	—	64
21. —>—	Халк	—>—		165	36	28	—	64
22. —>—	Дихалк	200—110 гг.		169	252	611	—	863
23. Фанагория	Тетрахалк	—>—		147	146	368	1	515

1	2	3	4	5	6	7	8	9
24.	Пантикапей	Халк	200—120 гг.	146	37	69	—	106
25.	—>—	Дихалк	—>—	140	16	16	—	32
26.	—>—	Халк	—>—	158	8	9	—	17
27.	—>—	Халк	—>—	III, VIII, 98	8	11	—	19
28.	Фанагория	Халк	—>—	177	2	7	—	9
29.	Пантикапей	Драхма	1 п.—с. II в.	159	1	1	—	2
30.	—>—	Пентобол	—>—	162	1	1	—	2
31.	Пантикапей	Триобол	сер. II в.	163	—	2	—	2
32.	—>—	Тригемиобол	—>—	164	3	—	—	3
33.	—>—	Тетробол	—>—	167	1	—	—	1
34.	—>—	Диобол	3 ч. II в.	168	2	—	—	2
35.	—>—	Обол	—>—	174	2	—	—	2
36.	—>—	Тетрахалк	—>—	188	9	6	—	15
37.	—>—	Халк	125—110 гг.	170	1	3	—	4
38.	—>—	Тетрахалк	—>—	175	87	49	—	136
39.	—>—	Дихалк	—>—	176	60	43	—	103
40.	—>—	Гемидрахма	—>—	180	1	—	—	1
41.	—>—	Драхма	ок. 110 г.	189	1	1	—	2
42.	—>—	Халк	—>—	183	82	64	—	146
43.	—>—	Халк	—>—	184	4	7	—	11
44.	—>—	Дихалк	к. II н. I в.	203	72	82	—	154
45.	—>—	Обол	100— 90 гг.	191	2	2	—	4
46.	—>—	Тетрахалк	—>—	192	13	—	—	13
47.	—>—	Драхма	—>—	196	1	1	—	2
48.	Фанагория	Тетрахалк	—>—	194	17	16	—	33
49.	Горгиппия	Драхма	—>—	197	1	—	—	1
50.	Фанагория	Тетробол	90— 80 гг.	193	—	1	—	1
51.	Пантикапей	Тетрахалк	—>—	202	22	24	2	48
52.	—>—	Драхма	—>—	199	—	2	—	2
53.	—>—	Обол	—>—	201	7	2	—	9
54.	Фанагория	Драхма	—>—	205	—	3	—	3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
55.	Фанагория	Тетрахалк	—→—	208	4	5	—	9
56.	Горгиппия	—→—	—→—	211	4	2	—	6
57.	Боспор	Обол	79— 63 гг.	212	67	24	1	92
58.	Пантикапей	Обол	63— 47 гг.	214	9	5	—	14
59.	—→—	Обол	—→—	215	14	4	—	18
60.	Амис	Тетрахалк	220—211 гг.		1	—	—	1
61.	—→—	—→—	120—111 гг.		3	—	—	3
62.	—→—	—→—	111—105 гг.		14	11	—	25
63.	—→—	—→—	105— 90 гг.		13	8	—	21
64.	—→—	—→—	80— 70 гг.		17	4	—	21
65.	—→—	—→—	61— 59 гг.		1	—	—	1
66.	Синопа	—→—	120—111 гг.		3	—	—	3
67.	Синопа	Тетрахалк	111—105 гг.		1	4	—	5
68.	—→—	—→—	105— 90 гг.		3	2	—	5
69.	—→—	—→—	80— 70 гг.		33	36	—	69
70.	Понт (н. о.)	—→—	111—105 гг.		5	1	—	6
71.	—→—	—→—	105— 90 гг.		14	2	—	16
72.	—→—	—→—	80— 70 гг.		—	1	—	1
73.	Комана	—→—	105— 90 гг.		—	3	—	3
74.	Амастрия	—→—	80— 70 гг.		3	1	—	4
75.	Амасаея	—→—	111—105 гг.		1	—	—	1
76.	Фарнакия	—→—	80— 70 гг.		5	—	—	5
77.	Хиос	—→—	84— 30 гг.		—	1	—	1
78.	Херсонес	Дихалк	90— 80 гг.		3	—	—	3
79.	Византий	Тетрахалк	II—I вв.		—	1	—	1
80.	Мирина	—→—	II—I вв.		—	1	—	1
81.	Диоскурия	—→—	105— 90 гг.		10	1	—	11
	Всего		II—I вв.		1145	1588	4	2737

Номера типов монет даны по книге: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986 г.

*—монеты с надчеканками, д—монеты деградированные. III, VIII, 98—Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М.: 1956. Табл. VIII, 98.

Монеты из случайных находок и приобретений

№ п/п	Центр, правитель	Номинал	Даты (до н. э.)	Тип по Анохину	Кол-во учтенных экземпляров
1	2	3	4	5	6
1.	Пантикапей	Обол	4 ч. III в.	154	?
2.	Спарток V	Дидрахма	200—180 гг.	152	2
3.	Пантикапей	Гемидрахма	сер. II в.	160	10
4.	Перисад III	Статер	180—160 гг.	156, 156а	2
5.	Перисад III	Тетрадрахма	—>—	161	1
6.	Перисад IV	Статер	160—145 гг.	166, 171	6
7.	Пантикапей	Пентобол	140—130 гг.	172, 172а	5
8.	Пантикапей	Драхма	3 ч. II в.	179	6
9.	Гигиенонт	Статер	145—130 гг.	148	1
10.	Гигиенонт	Драхма	145—130 гг.	149	2
11.	—>—	Тетрахалк	—>—	150	1
12.	Пантикапей	Диобол	к. 3 ч. II в.	173	1
13.	Пантикапей	Тригемидрахма	—>—	181	1
14.	—>—	Обол	—>—	182	3
15.	Перисад V	Статер	130—109 гг.	178, 178а, 185	4
16.	Пантикапей	Драхма	125—110 гг.	186	16
17.	—>—	Гемидрахма	—>—	187	6
18.	—>—	—>—	—>—	190	7
19.	Горгиппия	Драхма	—>—	195	1
20.	Фанагория	Гемидрахма	—>—	206	3
21.	Пантикапей	Дидрахма	90— 80 гг.	198	65
22.	Фанагория	—>—	—>—	204	17
23.	Горгиппия	—>—	—>—	209	5
24.	Пантикапей	Гемидрахма	—>—	200	2
25.	Фанагория	Обол	—>—	207	?
26.	Горгиппия	Обол	—>—	210, 210а	?
27.	Митридат VI	Статер	70— 63 гг.	213	1

Количество находок монет в городах

Даты	Пантикапей	Нимфей	Мирмекий	Тиритака	Китей	Хора Е	Фанзгория	Гермонасса	Горгипия	Кепы	Патрэй	Елизаветинс.	Хора А	Всего
III в. до н. э.	321	145	203	127	27	48	450	37	563	64	252	72	45	2354
II в. до н. э.	589	132	207	149	21	47	884	13	278	191	212	3	7	2737

При составлении таблиц использована следующая литература:

1. Анисимов А. И. Монеты из раскопок Пантикапея 1977—1986 гг. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10.

2. Анфимов Н. В. Денежное обращение на Елизаветинском городище—эмпории Боспора на средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.

3. Белова Л. Н. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата // МИА. 1958. № 85.

4. Голенко К. В. Монеты из случайных находок в Патрэе (1947—50). ВДИ. 1952. № 3.

5. Голенко К. В. Монеты из случайных находок в Патрэе в 1951 г. НЭ. 1963. № 4.

6. Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. // НиС. 1963. № 1.

7. Голенко К. В. Монеты из раскопок в Патрэе // НиС. 1968. № 3.

8. Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. ВДИ. 1970. № 2.

9. Голенко К. В. Монеты из раскопок Пантикапея 1962—1966 гг. // ВДИ. 1973. № 4.

10. Голенко К. В. Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. // НЭ. 1974. № 11.

11. Зограф А. Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. // МИА. 1941. № 4.

12. Зограф А. Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.

13. Казаманова Л. Н. Монеты из раскопок Гермонассы // НЭ. 1960. № 2.

14. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев. 1983.

15. Кругликова И. Т. Монеты из раскопок Горгиппии 1960—1966 гг. // НЭ. 1970. № 8.
17. Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937—1939 гг. Государственного Исторического Музея // СА. 1951. № 15.
18. Крушкол Ю. С. Монеты из раскопок Патрэя 1949—1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3.
19. Крушкол Ю. С. Находки античных монет в Анапском районе // НЭ. 1965. № 5.
20. Кубланов М. М. К истории азиатского Боспора // СА. 1959. № 29—30.
21. Молев Е. А. Монеты из раскопок городища и некрополя Китея // Античный мир и археология. Саратов. 1990. № 7.
22. Петерс Б. Г. Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. 1978. № 12.
23. Фролова Н. А., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг. НИС. 1965. № 2.
24. Кругликова И. Т., Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиппии 1967—1972 гг. // Горгиппия. 1980. Вып. 1.
25. Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973—1977 гг. // Горгиппия. 1980. Вып. 1.
26. Фролова Н. А. Монеты из раскопок Фанагории 1962—1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1.
27. Шелов Д. Б. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. // НЭ. 1960. № 3.
28. Шелов Д. Б. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. № 4.
29. Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг. // НЭ. 1966. № 6.
30. Шелов Д. Б. Монетные находки в Танаисе в 1965—1972 гг. // НС. Тбилиси. 1977.
31. Шелов Д. Б., Анисимов А. И. Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг. // НЭ. 1984. № 14.
32. Харко Л. П. Монетные находки из Фанагории // СГМИИ. 1968. № 4.
- Использованы также данные в готовящихся к печати статьях:
 Зинько В. Н., Аветиков А. А. Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея.
 Масленников А. А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху
 Молева Н. В. Денежное обращение Китея.
 Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиппии 1979—1989 гг.

		НОМИНАЛ		ГОДИЩА IV	
		I (обол)	II (тетрахаек)	III (ФЛАЗАК?)	
1-ая четверть 1960 г. 1-я половина	1-ая четверть 1960 г. 1-я половина				
	2-ая четверть 1960 г. 2-я половина				
3-я четверть 1960 г. 3-я половина	3-я четверть 1960 г. 3-я половина				
	4-ая четверть 1960 г. 4-я половина				
4-ая четверть 1960 г. 1-я половина	4-ая четверть 1960 г. 1-я половина				
	4-ая четверть 1960 г. 2-я половина				
4-ая четверть 1960 г. 3-я половина	4-ая четверть 1960 г. 3-я половина				
	4-ая четверть 1960 г. 4-я половина				

Глава V

БОСПОР И АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Политические связи Боспора с античными государствами Причерноморья и Средиземноморья в рассматриваемый период имеют весьма слабое отражение в источниках. Несомненно, это является следствием той реальной роли в международных отношениях, которую он играл в то время. Претензия Эвмела на подчинение всего Причерноморья не была воспринята его наследником. Каковы причины этого, мы не знаем¹. Не исключено, что междоусобная война сыновей Пересада I и последующая активная внешняя политика Эвмела подорвали материальные ресурсы Спартокидов. Однако подарок Спартока III афинянам в 15000 медимнов хлеба (IG., 1², № 653) и выпуск при нем на Боспоре монеты из драгоценных металлов² как будто не дают оснований для такого утверждения. Значит что-то изменилось в расстановке политических сил в Причерноморье в то время? А может быть, просто сам Спарток III в силу своих личных качеств, не стремился продолжать честолюбивые планы своего отца?

Как бы там ни было, у этого правителя мы можем отметить только один важный внешнеполитический акт—восстановление экономического и политического союза с Афинами. Однако эта акция боспорского правителя оказалась бесперспективной для государства. Ни тогда, ни в дальнейшем этот союз не оказал практически никакого влияния ни на экономические, ни на политические судьбы Боспора. Достаточно заметить, что он не смог предотвратить развития денежного кризиса, начавшегося в конце правления Спартока III. И не случайно, очевидно, мы больше не имеем никаких сведений о политических контактах этих двух государств.

Существует предположение, что уже со времени Эвмела складываются дружественные отношения, возможно даже по-

литический союз между Боспором и другими северопонтийскими государствами³. Данное предположение основано на информации декрета города Херсонеса в честь историка Сирииска (IRE 1², № 344). Однако датировка этого декрета второй половиной III в. до н. э. и несомненная важность информации Сирииска для его современников (что и было отмечено почетным декретом и золотым венком автору) заставляют думать, что эти взаимоотношения устанавливаются ко времени жизни Сирииска т. е. к середине III в. до н. э. В то время Боспор сохранял еще все свои прежние завоевания и имел вполне солидную политическую репутацию в Северном Причерноморье. К тому же и сам он, и другие полисы этого региона тогда переживали денежный кризис, который действительно мог толкать их на сближение друг с другом.

Но прежде чем это произошло, боспоряне попытались расширить зону своих политических контактов в Средиземноморье. На этот раз они завязывают прямые дипломатические отношения с одним из могущественнейших эллинистических государств Египтом. Эпизодические торговые связи между этими государствами прослеживаются уже с периода архаики⁴. Но особенно оживленными они стали в III в. до н. э.⁵. Вполне вероятно, что эта их активность в известной степени связана с политической конъюнктурой в эллинистическом мире. Упадок Афин вызывал потребность поиска новых торговых партнеров и политических союзников для Спартокидов. В то же время и Египет, ведущий в первой половине III в. до н. э. упорную борьбу с Селевкидами и Антигонидами⁶, нуждался в союзниках, рынках сбыта своей продукции и источниках для пополнения своего войска наемниками.

Характер взаимоотношений Боспора и Египта в рассматриваемый период неоднократно был предметом специального исследования⁷. Однако, несмотря на использование одних и тех же источников, авторы не пришли к единому мнению. Это вынуждает еще раз обратиться к документам, которые используются как свидетельства о политических контактах этих государств.

Наиболее ранний среди них—надпись начала III в. до н. э. из Арсиноитского нома, которая, по мнению М. Лонэ⁸, представляет собой список наемников. В списке указаны имена двух боспоритов Филониха и Молпагора. Это пока единственное упоминание о наемных воинах боспорского происхождения⁹. Отметим сразу, что оба имени греческие.

И хотя греческие имена на Боспоре уже с V в. до н. э. могли носить и представители варварского населения (КБН; 114), все же больше оснований думать о греческом происхождении данных боспорян. Среди наемников Птолемеев в то время преобладали греки и македоняне. Роль же представителей других народностей возрастает лишь с конца III в. до н. э.¹⁰.

Вербовка наемников в эллинистическую эпоху осуществлялась, как правило, с помощью дипломатических соглашений между государствами¹¹. Поэтому, если принимать версию Лонэ о принадлежности упомянутых Филониха и Молпагора к сословию наемников, крайне желателен иметь свидетельства дипломатических связей Боспора с Египтом. О таких связях свидетельствуют два источника. И что особенно важно, они представляют обе стороны.

О посольстве Перисада II в Египте свидетельствует письмо диойкета Птолемея II Аполлония из архива Зенона (P. LOND. 7. 1973). Согласно его тексту послы направлялись для осмотра (или участия в празднике) в тот же Арсиноитский ном, где когда-то служили вышеупомянутые Филоних и Молпагор. Возможно, это совпадение случайно, поскольку письмо датировано 21 сентября 254 г. до н. э., т. е. почти на 40 лет позже рассмотренной выше надписи о наемниках. Но не исключено, что именно в этом номе были сконцентрированы клерухии наемников, выходцев с Боспора. В таком случае направление Птолемеем Филадельфом послов Перисада II именно сюда могло быть связано с темой переговоров сторон—вербовкой наемников и служить своеобразной рекламой их жизни в Египте¹².

Из особенностей письма отметим отсутствие упоминания в нем указания на титул Перисада II. По мнению Ю. Н. Литвиненко, «маловероятно, чтобы подданные Птолемея Филадельфа посмели допустить такое пренебрежение к «могущественному» союзнику своего господина, если бы он был таковым»¹³. Но характер нашего источника—срочное письмо, и то, что сам повелитель Египта назван в нем просто «царь» без имени и эпитетов, позволяют исключить предположение о незначительности Боспора для диойкета Аполлония, а значит и для Египта. Следовательно, этот наш источник позволяет квалифицировать переговоры Боспора и Египта как равноправные с обеих сторон. А датировка его при сопоставлении с датировкой списка наемников позволяет говорить о

длительности сотрудничества обоих государств в данном вопросе.

Боспорский источник о дипломатических контактах Боспора с Египтом представляет собой фреску с изображением египетского корабля «Изида», найденную при раскопках в Нимфее. По мнению Н. Л. Грач, это посольский корабль Птолемея II¹⁴. Дата фрески—вторая четверть III в. до н. э.—позволяет думать, что первым обратился к Боспору Египет. Вероятно, это произошло вскоре после установления дружественных отношений Птолемея II с Северной Лигой (еще в 70-е годы III в. до н. э.) и стало следствием стремления Птолемея противостоять влиянию Селевкидов и Македонии в Пропонтиде и на Понте¹⁵.

Из других источников о связях Боспора и Египта наиболее представительны перстни, так называемого, «птолемеевского типа», найденные на Боспоре. Они рассматриваются и как доказательство торговых, религиозных, политических контактов двух государств, и как свидетельство присутствия на Боспоре наемников, служивших в Египте. Каждое из этих предположений вполне вероятно и, в какой-то мере, каждое из них действительно характеризует взаимоотношения рассматриваемых стран. Но при этом обращают на себя внимание два факта: во-первых, преобладание находок перстней именно на Боспоре в сравнении с другими районами античного мира, в том числе и с Египтом; во-вторых, находка почти всех перстней в погребениях.

Если исходить из обычая Птолемеев дарить перстни своим приближенным и посланникам¹⁶ или из популярности перстней с изображениями царей и цариц у наемников, служивших в Египте¹⁷, то эти находки должны были бы преобладать прежде всего в самом Египте. А их там меньше, чем на Боспоре! Не могли же среди послов в Египет из разных стран или наемников в составе его войска преобладать выходцы с Боспора. Таким образом, наличие большого количества перстней «птолемеевского типа» на Боспоре вряд ли может рассматриваться как следствие развитых дипломатических отношений двух государств или большого количества наемников-боспорян, служивших в Египте.

Торговые связи Боспора с Египтом, судя по другим предметам импорта, были значительно меньше, чем, например, у Ольвии¹⁸. Это заставляет сомневаться в проникновении

большого количества перстней на Боспор как следствие развитых торговых отношений между двумя странами.

Остается предположение О. Я. Неверова о связи этих перстней с торговцами-мореплавателями Боспора, бывавшими в Египте и перенявшими тамошние культы, как имеющие прямое отношение к их профессии. Кроме приведенных О. Я. Неверовым доказательств¹⁹ в пользу данного предположения говорит и находка почти всех перстней в погребениях. Причем эти погребения принадлежали и мужчинам, и женщинам, и детям, что свидетельствует о значимости этих вещей для владельцев и связи их с семейными культами. Как известно, в классовом обществе погребальные обряды относятся к области семейно-родовой религии»²⁰.

Таким образом, относительно большое количество находок перстней «птолемеевского типа» на Боспоре связано, вероятнее всего, с распространением египетских культов среди тех слоев населения Боспора, которые так или иначе были связаны с Египтом. По мнению О. Я. Неверова, распространение этих культов было следствием частной инициативы граждан²¹. Однако, учитывая явно дружественный характер взаимоотношений двух стран, что вытекает из анализа письма диюкета Аполлония и прибытия на Боспор посольского корабля Птолемея II «Изиды», можно думать, что эта частная инициатива была достаточно благосклонно встречена и правителями Боспора.

Отметим еще один важный момент, подтверждающий наблюдения О. Я. Неверова. Все перстни, происходящие с Боспора, найдены в некрополях городов в погребениях с греческими или смешанными (но с преобладанием греческих) чертами обряда. Это аргумент в пользу греческого (или смешанного) происхождения их владельцев. Следовательно, этот источник нельзя использовать для доказательства большого количества наемников боспорского происхождения, служивших в Египте. Свободное население боспорских городов не было столь многочисленно и социально дифференцировано. С другой стороны, тот же самый факт не дает оснований для предположения о варварском происхождении наемников с Боспора²².

Завершая рассмотрение этого нашего источника, представим хронологическое распределение находок перстней. Из 20 опубликованных памятников 6 принадлежали Птолемею II и его жене Арсиное II, 1—Птолемею III, 2—Берени-

ке II, 8—Арсиное III и 3, с изображением Сераписа и Изиды, относятся ко времени Птолемея IV. Таким образом, можно заключить, что достаточно активным был первый период контактов Боспора с Египтом при Птолемеях II (что, кстати, засвидетельствовано и другими источниками). Однако временем наиболее тесных связей двух стран был все же конец III—начало II вв. до н. э. Недаром к этому времени относят специалисты появление на Боспоре подражаний перстням «птолемеевских типов» местного производства²³.

Что же касается таких доказательств принадлежности перстней «птолемеевского типа» наемникам как вазы Гадра и щиты галатского типа, то они вовсе не бесспорны. Во-первых, сами вазы Гадра, связываемые с послами и наемниками эллинистического времени²⁴, на Боспоре представлены единичными находками. А во-вторых, они могли принадлежать не только наемникам, служившим Лагидам, но и наемникам Спартокидов.

Появление щитов галатского типа на Боспоре во второй четверти III в. до н. э. объясняется неверной интерпретацией источника: М. Ю. Трейстер ссылается, в данном случае, на изображение щитов на судне «Изида» с нимфейской фрески²⁵. Но те щиты принадлежали египетским воинам; вероятно, наемникам-галатам. И то, что боспоряне их увидели, еще вовсе не означает, что они тотчас решили взять их на вооружение. Перенятие чужих типов оружия всегда сложный и длительный процесс, требующий серьезных оснований. Достаточно вспомнить, что испанский меч—впоследствии знаменитый римский гладиус, был принят на вооружение в римской армии только после поражения в битве при Каннах. Основание для этого, учитывая степень разгрома римлян, было более чем значительное. Поэтому правильнее будет увязывать появление галатских щитов на Боспоре с данными собственно боспорских источников—надгробиями и терракотовыми статуэтками. Эти же памятники датируются концом III—началом II вв. до н. э.²⁶ Монеты Левкона II, на младшем номинале которых есть изображение овального щита, появляются тоже в последней четверти III в. до н. э. Таким образом, следует согласиться с Н. И. Сокольским, что появление упомянутых щитов на вооружении боспорской армии относится ко второй половине III в. до н. э.²⁷

Связь появления этих щитов с египетским влиянием строится исключительно на логических доказательствах, которые

далеко не всегда убеждают. Непонятно, например, почему влияние Птолемея на монетное дело Левкона II сказалось только на младшем номинале его монет? Почему это влияние сказалось только через 50 лет после чеканки соответствующих монет Птолемея II? В результате чего появилось изображение (подчеркнем, в виде дополнительной, а не основной эмблемы) галатского щита на монетах самого Птолемея? Сам М. Ю. Трейстер отмечает, кстати, что по последнему вопросу у нумизматов единого мнения нет²⁸. Все эти и другие вопросы, возникающие при попытке связать появление щитов галатского типа на Боспоре под влиянием Египта не дают возможности принять эту версию.

С другой стороны, предположения о появлении данных щитов через Ольвию, на которую нападали галаты, или под влиянием наемников-галатов в составе наемной армии Боспора, убедительно не опровергнуты. Замечание М. Ю. Трейстера, что в Ольвии нет ни одного изображения овального щита, весьма слабый аргумент, поскольку в Ольвии не было и наемной армии. А городское ополчение, которым она располагала для своей защиты, естественно вооружалось национальным греческим оружием и ему гораздо труднее было перенять чужое оружие в силу консервативности национальных традиций. Иное дело профессиональные наемные войска! Поэтому неудивительно, что на Боспоре, где главной военной силой была наемная армия, новые образцы вооружения, заимствованные от противников или союзников, распространялись быстрее.

Таким образом, более вероятно появление щитов галатского типа на Боспоре под влиянием наемников-галатов, начавших появляться на службе в армии Спартокидов, вероятно, со времени Левкона II.

Несомненным доказательством политических связей Боспора с Египтом служит находка в Керчи головы статуи египетской царицы, датируемой серединой III в. до н. э.²⁹ М. Ю. Трейстер считает возможным отождествить ее с изображением Арсиной II³⁰. Учитывая апофеоз этой царицы после ее смерти в 270 г. до н. э., появление ее изображения на Боспоре в то время, когда велись переговоры между двумя государствами, засвидетельствованные письмом диоикета Аполлония, подчеркивает политическую близость их правителей или, по крайней мере, благосклонное отношение пра-

вителя Боспора к культу повелителей Египта на его территории.

Таким образом, все рассмотренные нами источники по истории боспоро-египетских связей позволяют говорить о достаточно длительном периоде политического, экономического и культурного сотрудничества двух стран. Однако, степень их политической близости друг с другом, вероятно, не стоит преувеличивать. Представленные выше источники свидетельствуют о большей заинтересованности Египта в контактах с Боспором, поскольку очевидность этих интересов вполне ясна—набор наемников. В то же время мы не знаем, что именно привлекало Боспор в развитии связей с этим государством. Распространение культа обожествленных правителей Египта, как мы видели, не дает оснований для далеко идущих политических выводов. Других же источников в нашем распоряжении пока нет. Вряд ли такое положение было бы возможно при действительно прочных, основанных на взаимной заинтересованности сторон отношениях. И недаром вскоре после битвы при Панионе (200 г. до н. э.), когда Египет потерял значение ведущей средиземноморской державы³¹, боспоро-египетские политические связи более не прослеживаются.

Существует предположение, что после поражения Птолемея II в 246 г. до н. э. Боспор переориентировался в своих политических интересах на его победителя Антигона Гоната³². Это предположение основано на сходстве оболочек Пантикапея типа Посейдон-прора и тетрадрахм Македонии с именем Антигона, которые ряд исследователей связывал с именем Антигона Гоната³³. Однако теперь выпуск этих тетрадрахм связывается с именем Антигона Досона и приурочивается к его победе у Андроса в 227 году до н. э.³⁴. Подчеркнем еще раз, что использование сходства монетных типов всегда очень рискованно при реконструкциях политических взаимоотношений. Это ведь только наши субъективные предположения, вероятные лишь при наличии других источников, подтверждающих такую возможность. А таких, в данном случае, как и в случае с предположением о заимствовании Левконом II типологии монет Птолемея II, у нас нет. Более того, строить на предположении о сходстве типологии монет в нашем случае возможность выбора греками нового покровителя, как предполагает Е. Я. Туровский, вообще нельзя. Ни один египетский царь никогда не высту-

вал в такой роли по отношению к Боспору или какому-либо другому полису Северного Причерноморья. Никогда не претендовал на нее и царь Македонии.

Что же касается боспорских оболов с типами Посейдон-прора, то не следует забывать, что выпускались они от имени городской общины Пантикапея, которая отнюдь не определяла внешнеполитического курса государства. И таким образом, у нас нет реальных оснований для заявления о переориентации боспорских правителей. Мы можем лишь констатировать, что в отношениях со странами античного мира в течение всего III в. до н. э. Боспор предпочитал Египет. Но и эти отношения были вовсе не основным курсом его внешней политики, поскольку господство в эллинистическом мире того времени «кулачного права»³⁵ явно не способствовало появлению у боспорских правителей стремления к активизации связей в Эгеиде.

Иначе должны были восприниматься взаимоотношения с государствами и полисами Причерноморья. Но здесь мы располагаем еще меньшим числом источников. О политических контактах Боспора с ближайшими соседями свидетельствует лишь херсонесский декрет в честь историка Сирииска. Согласно его содержанию, Херсонес в течение какого-то времени поддерживал «дружественные отношения с городами и царями» (IRE. 1². № 344. СТК. 17—19). Причем поскольку в преамбуле декрета в строке 5 говорится о боспорских царях, то упомянутые дружественные отношения с царями, были, вероятнее всего, именно с царями Боспора. Множественное число слова «царь» в декрете, возможно, свидетельствует об отношениях с несколькими правителями из дома Спартокидов, правившими последовательно друг за другом. Но, учитывая обычай соправительства на Боспоре, засвидетельствованный на фреске из Нимфея упоминанием имени царя Сатира III в период правления Перисада II, можно думать, что в декрете речь шла именно об этих правителях, правивших совместно. В пользу данного предположения говорят такие факты, как датировка декрета второй половиной III в. до н. э. и весьма высокая, по полисным меркам оценка научного труда Сирииска. Последняя, несомненно, доказывает важность упомянутых в декрете дружественных отношений для Херсонеса в период издания декрета. И, следовательно, рассказ о прежних аналогичных связях в нем не должен быть отдаленным и абстрактным для живущих граждан. А это по-

звolyет думать, что выгoдные для Херсонеса взаимоотношения с Боспорским царством были установлены относительно незадолго до опубликования декрета в честь Сирика, т. е. еще в период правления Перисада II и Сатира III.

Заинтересованность Херсонеса в дружбе с Боспором во второй половине III в. до н. э., несомненно, связанная с угрозой первому со стороны соседних варваров, косвенным образом свидетельствует о политической стабильности Боспора и возможности для него оказать реальную помощь Херсонесу в случае необходимости. Учитывая союзные отношения боспорян со скифами (см. главу III) и то, что главными противниками Херсонеса были именно они, помощь Боспора Херсонесу в данном случае должна была бы осуществляться скорее всего дипломатическим путем.

Других документов о политических контактах Боспора с античными государствами в III в. до н. э. у нас пока нет. Материалы археологии говорят о расширении экономических связей его с городами Причерноморья в то время. Это дает основание думать, что и сфера основных политических интересов боспорских правителей, учитывая взаимовлияние экономики и политики друг на друга в период эллинизма³⁶, также переключается на этот регион. Предположение Д. Б. Шелова о войне между Боспором и Гераклеей в период правления Левкона II³⁷ источниками не подтверждается³⁸.

Еще меньше сведений дают наши источники о внешнеполитических контактах Боспора с эллинскими полисами и эллинистическими монархиями во II в. до н. э. Мы можем лишь предположительно оценить его роль в одном из наиболее известных событий того времени в Причерноморье—мирном договоре понтийского царя Фарнака I со своими противниками (Роl., XXV, 2, 1—14). Как известно, в этом договоре фигурируют два представителя Северного Причерноморья—Херсонес и сарматский царь Гатал. Поскольку ни тот, ни другой не участвовали в военных действиях, можно думать, что они были включены в договор с согласия договаривающихся сторон в качестве гарантов³⁹. Включение в данное соглашение Херсонеса в подобном качестве объяснимо. Он уже имел к тому времени отдельный договор о дружбе и взаимопомощи с Фарнаком, заключенный, по всей видимости, еще в ходе войны царя Понта с его противниками⁴⁰. Подчеркну правильное, на мой взгляд, предположение К. М. Ко-

добовой об инициативе заключения его со стороны херсонеситов⁴¹. Следовательно, полис, еще недавно уповавший на поддержку Боспора в охране своей независимости, уже не мог дальше рассчитывать на такую.

С другой стороны, факт обращения Херсонеса за помощью именно к Понту свидетельствует о хорошем знании херсонеситами политической ситуации в Малой Азии в то время. Фарнак тогда находился на вершине своих успехов. Знали об этом и на Боспоре. Но в отличие от Херсонеса, Перисад III не пошел на сближение с Понтом. Первым препятствием к тому послужил, вероятно, захват Синопы и неясность дальнейших намерений царя Понта. Начиная с III в. до н. э., Боспор поддерживает наиболее интенсивные торговые отношения с Синопой⁴². На этом фоне включение в договор малоазийских владык Гераклеи, главного соперника Синопы в торговле на Черном море⁴³, и ее колонии Херсонеса, уже имеющей союзный договор с Понтом, при отсутствии в нем Боспора может рассматриваться как следствие негативного отношения последнего к действиям понтийского царя.

Но было и еще одно препятствие к сближению Боспора с Понтом в то время. Это—сарматский царь Гатал. Как совершенно справедливо заметил в свое время П. О. Карышковский, «трудно допустить, что включение сармата Гатала в систему международных отношений эллинистического мира не имело под собой достаточно длительной предыстории»⁴⁴. Однако письменные источники не дают решительно никаких оснований для выяснения возможных политических контактов сарматов с Понтом при Фарнаке и ранее. Археологические же свидетельства (малоазийские вещи) разбираемого нами пассажа Полибия показывают, что царство Гатала находилось, вероятнее всего, на Северном Кавказе и представляло собой меото-сарматский союз⁴⁵. Отношения Боспора с меото-сиракскими племенами со второй половины III в. до н. э. становятся все более напряженными. По мнению большинства исследователей, Гатал был включен в договор малоазийских владык как сторона, дружественная Понту⁴⁶. Поскольку нет никаких данных о том, что он участвовал в войне на стороне Понта в Малой Азии, можно предполагать, что его задачей было сдерживание более близкого к его владениям потенциального противника Понта. Таким мог быть Боспор, который, как мы уже отмечали,

отрицательно отнесся к захвату Синопы царем Понта. Впрочем, взаимоотношения Боспора и этого его соседа могли быть враждебными и без такого повода. Тем не менее, с некоторой долей уверенности можно говорить, что наличие такого союзника царя Понта у границ Боспора не способствовало сближению двух государств.

Таким образом, анализ наших источников позволяет говорить, что северопричерноморские государства (в том числе и Боспор) были достаточно хорошо информированы о политических событиях своего времени в понтийском регионе. Из них же следует, что в первой четверти II в. до н. э. Боспор ослабел или стал более зависим от своих союзников-скифов, что не позволяло ему и далее покровительствовать Херсонесу. Последний, под натиском тех же скифов, был вынужден обратиться за помощью и покровительством к царю наиболее сильного из малоазийских государств Фарнаку. Захват царем Понта Синопы, при наличии у границ Боспора союзного Понту царства Гатала, вызвал негативную реакцию Перисада III, обусловившую нейтралитет его в конфликте малоазийских коллег. Подчеркнем враждебность этого нейтралитета по отношению к Фарнаку.

Тем не менее, уже вскоре после войны 183—179 гг. до н. э. начинается сближение Боспора с Понтом. Обычно это связывается с филэллинской политикой понтийских правителей. И действительно, после войны внутренняя и внешняя политика понтийских царей стала более филэллинской⁴⁷. Но вряд ли именно это способствовало улучшению взаимоотношений двух государств. Спартокиды никогда не объявляли себя защитниками эллинства и не были таковыми в действительности. Поэтому для них проведение такой политики царями Понта не могло стать веским аргументом в пользу сотрудничества. Более вероятной основой для этого стало расширение экономического сотрудничества приморских городов обеих стран. Как показывают материалы археологии, направление основных торговых связей Боспора в середине—второй половине II в. до н. э. остается тем же, что и в предыдущем столетии—города побережья Понтийского царства⁴⁸. Расцвет этих городов под властью понтийских царей⁴⁹ способствовал увеличению товарооборота их с городами Боспора, что увеличивало доходы Спартокидов, в руках которых находились порты Боспора.

О сближении двух государств свидетельствует и нумизматика. Часть боспорских городских монет второй половины II в. до н. э. чеканится из золотистой бронзы, из которой чеканится и абсолютное большинство городских монет Понта⁵⁰. Этот факт в сочетании с копированием некоторых типов понтийских монет монетариями Пантикапея позволяет говорить не только об экономическом, но и политическом влиянии царей Понта на гражданскую общину Пантикапея. Именно царей, поскольку монетная чеканка городов Понта находилась под полным царским контролем⁵¹. В Пантикапее же такая зависимость была значительно слабее (см. главу IV). Однако копирование монетных типов Понта общиной Пантикапея, вероятнее всего, было благосклонно встречено и последним Перисадом. Другое дело, что он сам не мог открыто афишировать свое дружественное отношение к Понту более определенных пределов. Связанный династическими узами со скифским царским домом и зависимостью от военной помощи скифов он не имел оснований для полной переориентации своей внешней политики. Поэтому не будет большой натяжкой представлять последнюю как политику лавирования между интересами городов своего государства и своими собственными. Подчеркнем, что роль городов по мере выхода из подчинения Боспору меотских племен заметно возрастала, а власть Спартокидов вообще и над ними, в частности, слабела. В этой ситуации разрыв союза со скифами, означавший превращение их в сильнейшего врага, вряд ли мог компенсироваться союзом с Понтом. Тем не менее, сближение с последним, о котором свидетельствует и принятие последним Перисадом на воспитание Диофанта, будущего полководца Митридата Евпатора, происходило и завершилось подчинением Боспора Понту, после разгрома скифов.

---

1. Домачский Я. В., Фролов Э. Д. Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI—I вв. до н. э. // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. (МОПДЭ). ТД. Севастополь. 1992. С. 9.

2. Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1964. № 1. С. 134—139.

3. Туровский Е. Я. К вопросу о внешней политике греческих государств в Северном Причерноморье в III в. до н. э. // МОПДЭ. С. 46.

4. Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР // СА. 1958. № 1. С. 20.

5. Шургая И. Г. Импорт Александрии в Северное Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4. С. 126; его же, Эллинистический Египет и города Северного Причерноморья. Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван, 1980. С. 89.

6. Will E. Histoire politique du Monde hellénistique (323—30 av. J. C.). Nancy. 1966. T. I. P. 159—167.

7. Rostowtzeff M. I. Greek Sightseers in Egypt // Journal of Egyptian Archaeology. 1928. XIV. P. 13; Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126—139; Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. ВДИ. 1991. № 1. С. 12—26.

8. Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. Paris. 1949. T. I. P. 422. not. 3.

9. Щокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. // СА. 1958. XXVIII. С. 31.

10. Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge. 1935. P. 244—245, 254, 321—322.

11. Op. cit. P. 254, 257.

12. Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет... С. 22.

13. Там же. С. 20.

14. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника... С. 86.

15. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: 1986. С. 136.

16. Plut., Luc., 3; Polyb., XV, 31; Boardman J., Vollenweider M.-L. Catalogue of the engraved. Gems and finger Rings. I. Greek and Etruscan. Ashmolean Museum. Oxford. 1978. P. 77.

17. Ibidem. P. 68ff.; Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет... С. 19.

18. Шургая И. Г. Импорт Александрии... С. 140.

19. Неверов О. Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. XVII. С. 173 и сл.

20. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: 1976. С. 392, 426.

21. Неверов О. Я. Портретные геммы... С. 173; См. также Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника... С. 84.

22. Ю. Н. Литвиненко допускает возможность скифского их происхождения со ссылкой на сообщение Диодора о войне сыновей Перисада I и работы В. Д. Блаватского и Н. И. Сокольского. См. Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет... С. 22. Сноска 84. Но у Диодора скифы выступают как союзники, а не наемники. А вот 2000 наемников греков в том же сообщении присутствуют в армии Сатира II.

23. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет... С. 130.
24. Шургая И. Г. Импорт Александрии... С. 129; Fraser P. M. *Ptolemaic Alexandria*. Oxf., 1972. V. I. P. 138 ff; V. II. P. 104. Not. 248; p. 245. Not. 49—50.
25. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет... С. 133—134.
26. Денисова В. И. Корoplastика Боспора. Л.: 1981. С. 91 и сл.; Толстиков В. П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1. С. 85.
27. Сокольский Н. И. О боспорских щитах // КСИМК. 1955. № 58. С. 16.
28. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет... С. 135. Сноска 94.
29. Лапис И. А., Матъе М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М.: 1969. С. 127.
30. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет... С. 133.
31. Bouché-Leclercq A. *Histoire des Lagides*. Paris. 1903. V. 1. P. 361.
32. Туровский Е. Я. К вопросу... С. 48—49.
33. Зограф А. Н. Античные монеты. С. 179; Gajdukevic V. F. *Das Bosporanische Reich*. S. 91—92.
34. Merker I. L. *The Silver Coinage of Antigonos Doson* // *Museum Notes*. 1960. T. IX. P. 39; Шелов Д. Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса... С. 33.
35. Badian E. *Hegemony and Independence: Prolegomena to a Study of the Relations of Rome and the Hellenistic States in the Second century B. C.* // *Actes du 7-e Congress de la F. I. E. C. Budapest*. 1985. V. 1. P. 403.
36. Сапрыкин С. Ю. Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI—II вв. до н. э. Государственная политика или частная инициатива // МОПДЭ. С. 41.
37. Шелов Д. Б. Феодосия. Гераклея, Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 173—177.
38. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора. С. 116—121.
39. Ср. Немировский А. И. Понтийское царство и Колхида // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси. 1980. С. 154. Предположение С. Ю. Сапрыкина о включении в договор Херсонеса и других свободных городов как союзников Рима с намерением подчинить их целям своей восточной политики (см Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 58) маловероятно. Если уж исходить из интересов Рима, как это делает автор, то непонятно, почему не был включен в договор более сильный чем Херсонес Византий, почему там нет сильнейшей греческой морской державы того времени Родоса, почему там отсутствует Одессос, имеющий союзный договор с Понтом и т. д.

Все это даёт основание думать, что включение в договор городов и царей происходило по инициативе договаривающихся сторон без участия Рима.

40. Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 15. Предположение К. М. Колобовой о том, что этот договор мог быть восстановленным ранее существовавшего договора с тем же Фарнаком (См. Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 30), не доказано. Ради внесения в него статьи о дружбе с римлянами, которая равным счетом ничего не меняла в отношениях самих Херсонеса и Понта, вряд ли был смысл принимать новое соглашение. Больше оснований думать, что данная статья была включена в договор по инициативе Фарнака, в разгар его войны против соседей нуждавшегося в политической поддержке Рима (См. Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 17).

Также маловероятно предположение С. Ю. Сапрыкина о том, что договор Херсонеса с Понтом мог быть заключен только в 179 г. до н. э. См. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 18а. Данное убеждение основано на том, что эра Фарнака, по мнению автора, начинается с 336 г. до н. э., т. е. с прихода к власти в Персии Дария III Кодомана. Этот последний был потомком Отана, одного из семи персов, к которому, якобы, возводили свою родословную понтийские цари. Это было бы справедливо, если бы мы точно знали, что данная эра была принята в Понте уже первым правителем. Но в херсонесско-понтийском договоре говорится только, что «так считает царь Фарнак» (*καθὼς βασιλεὺς*

φαρνάκης ἄγει). А это значит, что она могла быть введена и Фарнаком. Но тогда принятие ее было политическим актом, обосновывающим его претензии на территориальные приобретения в Малой Азии, из-за чего, собственно, и происходила война 183—179 гг. до н. э. (Ср. Stähelin F. Geschichte der kleinasiatischen Galater. Lpz., 1907. S. 63; Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский. С. 53). Кроме того, нельзя, все же, совершенно игнорировать тот факт, что Дарий III ни в одном источнике не упоминается среди предков понтийских царей, в то время как среди таковых источники отмечают Дария I, одного из семи персов (может быть того же Дария I. См. Молев Е. А. Митридат Ктист—правитель Понта. ПЭЭ. Тбилиси, 1985. С. 586), Селевка Никатора и даже Александра Македонского. Все это позволяет оставить отсчет эры Фарнака с 337 г. до н. э. и датировать заключение им договора с Херсонесом временем около 180 г. до н. э.

41. Колобова К. М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 31.

42. Брашинский И. Б. Торговля // АГСП. М.: 1984. С. 180—181.

43. О торговом соперничестве Гераклеи и Синопы как причине сою-

за Гераклен с Фарнаком говорил уже И. Шнайдервирт. См. Schneiderwirth I. H. Das Pontische Heraklea. Heiligenstadt. 1885. S. 18; Предположение С. Ю. Сапрыкина, что Херсонес ориентировался на Понт (в то время врага Синоп) из-за тесных экономических связей с Синопой, методически неоправдано. Более близким к истине с этой точки зрения будет мнение В. Ф. Гайдукевича о враждебности херсонеситов к Фарнаку (см. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. М.—Л.: 1955. С. 86. Сноска 3). Но Херсонес был в действительности дружелюбен Фарнаку, и это объясняется, скорее всего, его следованием в русле политики своей метрополии Гераклен.

44. Карышковский П. О. Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2. С. 49.

45. Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // АПИИИ. ТД. Киев. 1987. С. 133; Марченко И. И. Сарматы степей Правобережья нижней Кубани во второй половине IV в. до н. э.—III в. н. э. Автореферат канд. дис. Л.: 1988. С. 15; Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы в Прикубанье // ПСАИ. ТД. Азов. 1988. С. 48—49; Полин С. В. Гатал—царь сарматский // ПССАСП. ТД. Запорожье. 1989. С. 122; Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев. 1992. С. 92—94.

46. Лепер Р. Х. Херсонесские надписи // ИАК. 1912. № 45. С. 31—32; Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. С. 32; Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 16; Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси. 1979. С. 54; Пальцева Л. И. Херсонес и понтийские цари // Античный полис. Л.: 1979. С. 75; Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский. С. 56.

47. Saprykin S. Y. «Poleis» of Mithridates Eupator and «Politeiai» of Pompey the Great in Eastern Anatolia: Methods of Comparison // Index. 1992. N 20. P. 163.

48. Брашинский И. Б. Торговля. С. 182.

49. Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. С. 183, 185; Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 24, 33.

50. Голенко Ж. В. Понтийская анонимная медь // ВДИ. 1969. № 1. С. 133.

51. Там же. С. 145.

Глава VI

ПОДЧИНЕНИЕ БОСПОРА ПОНТУ

Как мы уже выяснили в предыдущих главах, политическое положение Боспора во второй половине II в. до н. э. существенно ухудшается. Выход из подчинения меотских племен азиатской части государства резко сократил доходы Спартокидов, которые складывались, прежде всего, из податей подвластных варварских племен и продажи на внешних рынках производимого ими же дешевого хлеба¹. Тем не менее, последний Перисад получил в наследство еще вполне значительное в рамках Северного Причерноморья государство. О его внутренней устойчивости в то время свидетельствует регулярный выпуск монеты из драгоценных металлов. А о внешнеполитическом значении говорит стремление скифов Таврики поддерживать с ним союзные отношения. И все-таки Перисад оказался вынужденным передать свою власть и царство более сильному правителю—царю Понта. Почему?

Причину подобного его поступка называет только один из античных авторов—Страбон. Это требование варваров об уплате дани, большей чем прежде, которому Перисад был не в силах противостоять (VII, 4, 4). О каких именно варварах идет речь, Страбон не говорит. И это вызвало разногласия среди современных исследователей Боспора. Специально рассмотрев этот вопрос, я пришел к выводу, что таковыми варварами должны быть скифы². В вышедших позднее работах Ю. Г. Виноградова³ и С. Ю. Сапрыкина⁴ предпочтение отдается сарматам. Это вынуждает еще раз вернуться к данному вопросу и рассмотреть основные аргументы сторонников «сарматской» версии.

Разбирая, несомненно, связанные между собой сообщения Страбона об уплате дани Боспором варварам и отказе от уп-

латы ее Асандром, Ю. Г. Виноградов пишет: «сопоставление двух пассажей может делать лишь **вероятным**, но отнюдь не обязательным отождествление анонимных варваров в VII, 4, 4 с крымскими номадами: в рамках своей морализирующей концепции Страбон как раз подчеркивает жизненную необходимость и умеренность фороса кочевников (во втором случае—*М. Е.*), а не непомерное его увеличение (как в первом случае—*М. Е.*), вынуждающее плательщиков постоянно ему противодействовать»⁵. В сноске к этому замечанию он также отмечает неправомерность видеть в варварах, разоряющих Херсонес (VII, 4, 3), только скифов, поскольку из херсонесского декрета в честь Диофанта (IPE, 1². № 352. СТК. 9—10), якобы, следует, что своими набегами полис тревожили и тавры.

Сразу отмечу, что, на мой взгляд, ситуация с переходом Херсонеса и Боспора под власть Понта выглядит у Страбона, вопреки мнению Ю. Г. Виноградова, вполне аналогичной. И в том, и в другом случае основная причина здесь угроза варваров. Разница лишь в степени угрозы: в одном случае прямое разорение территории, в другом—требование дани, большей чем прежде. Причем в первом случае варвары прямо названы скифами. Завершая фразу о разгроме именно этих варваров, Страбон говорит в том же предложении о добровольном подчинении Боспора Понту! Думается, это не случайно. Одновременность и взаимосвязь этих событий были для Страбона очевидны. А потому, вполне естественно, что в дальнейшем своем рассказе уже непосредственно о Боспоре (VII, 4, 4) он только уточняет причину доброй воли Перисада V, не повторяясь о том, кто были эти варвары. Для него и здесь, и в других местах важнее было подчеркнуть противостояние эллинского и варварского, а не конкретных варваров и греков. Вот почему игнорировать связь разгрома скифов Скилура и Палака с добровольным подчинением Боспора Понту я не вижу оснований.

Привлечение же информации о таврах для включения их в список варваров, которых будто бы имел в виду Страбон, говоря о разорении Херсонеса, как раз и будет неправомерным. Во-первых, сам Страбон ничего не говорит об агрессивности тавров и, более того, называет их даже «скифским племенем» (VII, 4, 5). Последнее обстоятельство, вероятно, является следствием их политической зависимости от скифов. А в таком случае их набеги на Херсонес (если таковые и

были) могли быть спровоцированы теми же скифами. Во-вторых, в декрете в честь Диофанта также ничего не говорится о набегах тавров на Херсонес. Это, конечно, можно предполагать, исходя из того факта, что Диофант (а не херсонеситы) подчинил тавров и основал на их земле город. Но это, опять-таки, будет лишь предположение, которое еще само нуждается в доказательстве. Подчинение тавров могло быть и следствием выполнения понтийским полководцем политики своего царя, желавшего «встать во главе варваров вплоть до Борисфена и Адрия» (VII, 4, 3), а вовсе не следствием нападения варваров на Херсонес.

Сопоставление пассажей Страбона о взимании дани скифами, представленное Ю. Г. Виноградовым, также вызывает сомнение. Согласно Страбону (VII, 4, 6), скифы-кочевники предоставляли свои земли для обработки всем желающим, довольствуясь, при этом, получением умеренной дани. Этот обычай был свойственен им со времени походов в Переднюю Азию, что надежно засвидетельствовано Геродотом (Нег., I, 106), и, как считают специалисты-скифологи, таково было общее действующее право во все времена истории скифов⁶. Не платят же им этой (а не сильно увеличенной, как полагает Ю. Г. Виноградов) дани, те, кто чувствует себя сильнее. Первым таковым среди царей Боспора Страбон, со ссылкой на Гипсикрата, называет Асандра. Это дает основание думать, что до него цари Боспора (исключая, конечно, Митридата и Фарнака, которые для Страбона были царями Понта) должны были платить дань скифам. И это тем более очевидно, что Страбон тут же говорит о мероприятиях Асандра, обеспечивших освобождение Боспора от уплаты дани.

В главе VII, 4, 4, Страбон также говорит о том, что варвары требовали от Перисада V дани «большой чем прежде» (*μείζον του πρότερον*). Следовательно, Перисад (и, вероятнее всего, его предшественники) уже платил эту дань до того, как возросли требования варваров.

И, наконец, подтверждением длительности уплаты дани может служить и употребление Страбоном в этом случае термина «форос». В греческом языке это означает «подать, платеж, налог», т. е. явление достаточно регулярное, характеризующее отношения между государствами и племенами в течение более или менее длительного времени⁷.

Таким образом, говоря о варварах, которым платил дань Боспор, Страбон имел в виду именно скифов. Это подтверждается и сообщением Лукиана (Тох., 44), которое отвергается Ю. Г. Виноградовым со ссылкой на мнение М. И. Ростовцева. Но последний все же не сомневался в использовании Лукианом исторического и этнографического материала эллинистического времени⁸. И его замечание о том, что боспоряне «всегда платили дань скифам», вполне согласуется с информацией Страбона, что отметил в свое время В. Ф. Гайдукевич⁹. Замечание Ю. Г. Виноградова о том, «кто может поручиться, что речь в нем (сообщении Лукиана—М. Е.) шла именно о все возрастающей дани, взимаемой Скифским царством», вызывает удивление. Почему Лукиан, пишущий не историю, а историческую новеллу, должен был писать о том, что в данном случае его не интересовало—о передаче власти Перисадом Митридату? Он писал о дружбе скифов, и поскольку крепость этой дружбы проверялась на взаимоотношениях скифов с боспорянами, в его романе он и упомянул как общеизвестный факт, на чем строились эти отношения—на уплате дани. И нет никакой необходимости распространять общую оценку труда Лукиана как исторического источника на конкретный факт уплаты дани, засвидетельствованный уже его предшественниками. В любом историческом романе, наряду с фантазией автора присутствуют и реальные исторические факты.

Свидетельство Страбона об уплате дани скифам ни в какой мере не исключает вероятности уплаты боспорскими правителями различного рода даров другим варварским племенам. Но это могли быть лишь временные меры, которые вряд ли могли повлечь за собой передачу власти правителю другого государства. Что же касается сарматов, то ни информация Страбона, ни археологические материалы, представленные нами в третьей главе, не дают оснований говорить о враждебности сарматов и боспорян вплоть до конца II в. до н. э., а значит и об уплате постоянной дани именно им.

Возможно ли, однако, совместить уплату дани скифам с династийными связями Скифского и Боспорского царств, свидетельствующими, скорее, о союзных отношениях между ними¹⁰? Думается, что да! Во-первых, потому, что за 400 лет выплаты дани скифам¹¹ эти отношения стали традиционными; во-вторых, потому что эта дань до времени Перисада V (точнее до разгрома скифов Диофантом) была не столь уж

велика и вполне окупалась прибылями от торговли со скифами и военной помощью последних боспорянам (Pol. Strateg., VI, 9, 4; Diod., XX, 21—23); в-третьих, давление сарматских племен на скифов в причерноморских степях заставляло их быть до поры, до времени более лояльными в отношениях с боспорянами; в-четвертых, Страбон называет причиной передачи власти не просто уплату дани, а увеличение ее «больше прежней» и, следовательно, это увеличение вследствие каких-то экстраординарных событий, вынудивших скифов пойти на этот шаг. Таковым событием, на мой взгляд, является разгром скифов во время первого похода Диофанта¹². Это поражение еще не подорвало силы скифов. А заключение ими союза с роксоланами делало Боспорского царя практически еще более зависимым от своих старых союзников. Невозможность выполнить их требования с одной стороны, и появившаяся надежда на возможность противостоять им с помощью Понта с другой стороны, при отсутствии собственного прямого наследника вынудили Перисада V уступить свою власть царю Понта. Как это произошло, показывает декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата Евпатора.

Предыстория подчинения Боспора Понту отчасти уже рассматривалась нами в предыдущих главах и предшествующих работах¹³. Это избавляет от необходимости вновь рассматривать ее со всей подробностью. Отметим лишь, что экономическое и политическое сближение Боспора с Понтом особенно усилилось во второй половине II в. до н. э. и правители обоих государств того времени были достаточно хорошо информированы в делах друг друга. Об этом говорит и деятельность Диофанта во время его военных операций против скифов.

После первых побед над Палаком и таврами Диофант прибывает на Боспор, где «в короткое время совершает много великих деяний» (IRE. 1². № 352. СТК. 10). По совершенно справедливому мнению Ю. Г. Виноградова, в этой информации заложен ключ к пониманию подлинного характера и сути скифо-боспорских отношений того времени. Нет никаких сомнений в том, что Диофант отправился на Боспор, чтобы предупредить возможность выступления боспорян на стороне скифов в разгар его наступления вглубь Скифии. Причем о реальности такого выступления он был хорошо осведомлен, что, собственно, и вынудило его на время ос-

тавить армию без командующего. Следовательно, между Боспором и Скифским царством существовало какое-то соглашение о военной помощи в случае нападения на одну из сторон третьей силы¹⁴. Каким образом удалось Диофанту убедить Перисада V сохранять нейтралитет, мы не знаем. Предположение А. И. Немировского, что Диофант в данном случае действовал от имени Митридата, который был воспитанником, а в то время уже и наследником боспорского царя¹⁵, было бы наиболее простым объяснением этого успеха понтийского полководца. Но, к сожалению, оно маловероятно. Воспитанником Перисада, судя по контексту декрета, мог быть только Диофант¹⁶. Попытка С. Ю. Сапрыкина поддержать предположение А. И. Немировского указанием на то, что принятие на воспитание будущего понтийского полководца противоречит практике воспитания представителей знати при дворах эллинистических царей¹⁷, не убеждает, поскольку стандартов в этой самой практике для всех эллинистических государств нет. А с подобной практикой на Боспоре мы вообще сталкиваемся впервые. Мы даже не знаем, кто был тот самый Асклепиодор синопеец, сына которого взял на воспитание Перисад. Правда, одно отдаленное и достаточно сомнительное предположение все же есть. Как известно, члены афинского рода Асклепиодоров, связанные с Митридатами, представлены в делосских надписях. (Durrbach., № 133, 134). По мнению Т. Рейнака, поддержанному М. И. Максимовой¹⁸, это были «свои люди» понтийских царей на Делосе. Учитывая наличие в Синопе переселенцев из Афин (Plut., Per., XX), можно предположить, что отец Диофанта был одним из представителей синопской ветви рода Асклепиодоров, связанного с понтийскими царями, что и обусловило взятие Перисадом на воспитание его сына. Но, еще раз подчеркнем, это предположение строится на очень зыбкой основе.

Кроме того, добываясь нейтралитета Боспора во время своей первой поездки, Диофант должен был, в свою очередь, дать определенные гарантии Перисаду со стороны своего царя на случай враждебных действий скифов. Это позволяет признать вполне вероятным предположение С. А. Жебелева о предварительной договоренности сторон уже в то время на передачу власти над Боспором понтийскому царю¹⁹. Действия данные, по мнению С. А. Жебелева, Диофант осуществил по собственной инициативе. Если это так, то сте-

пень близости рода Диофанта к понтийскому царю действительно была достаточно велика. Что же касается Перисада, то пойти на передачу власти царю Понта его побудили, вероятно, не только варварская угроза, но и отсутствие у него собственного сына, наследника престола²⁰, а также обещание Диофанта от имени Митридата сохранить за ним власть в государстве на всю его оставшуюся жизнь.

После вторичного разгрома Палака и союзных ему роксоланов Диофант вновь прибывает на Боспор, где сразу «устраивает тамошние дела прекрасно и полезно для Митридата Евпатора» (IPE. 1². № 352. СТК. 30—31). Это выражение однозначно воспринимается всеми исследователями как акт юридической передачи власти Перисадом царю Понта. Сразу же вслед за этим (а значит, очень вероятно, что и по причине этого) на Боспоре происходит государственный переворот, совершенный скифами во главе с Савмаком. Интерпретация этого события современными исследователями достаточно обширна и разнообразна²¹. В настоящее время уже никто не рассматривает это событие как восстание рабов или зависимого населения. Тем не менее, единого мнения о характере переворота и его участниках нет. Наиболее полно аргументированы на сегодняшний день версии Ю. Г. Виноградова²² и А. К. Гаврилова²³. По мнению первого из них, выступление Савмака представляло собой дворцовый переворот одного из представителей элиты Боспора, скифа по происхождению, возможного наследника престола. А. К. Гаврилов рассматривает скифов из окружения Савмака как часть скифов Палака, а самого Савмака как возможного принца из дома Скилура. Переворот же на Боспоре оценивает как вторжение скифов Таврики на территорию Боспора. Рассмотрим аргументацию той и другой стороны в сопоставлении с контекстом декрета в честь Диофанта.

Изложение последовательности событий в декрете достаточно логичное. Деятельность Диофанта на Боспоре начинается после того, как часть скифов во главе с Палаком²⁴ бежала в места, недоступные для преследования их Диофантом, а другая их часть — согласилась на подчинение Митридату. Количественного соотношения той и другой сторон ни Ю. Г. Виноградов, ни А. К. Гаврилов не принимают во внимание, хотя для понимания хода дальнейших событий это важно. Судя по тому, что в тексте декрета переговоры

со скифами начинаются только после захвата их крепостей, Митридату должны были подчиниться прежде всего скифы, перешедшие к оседлому образу жизни и проживающие в городах и постоянных сельских поселениях. Бежать им было некуда. Среди них могла быть и какая-то часть элиты скифского царства. Учитывая число сыновей Скилура (Strabo., VII, 4, 3), среди них вполне можно было найти претендента на престол, согласного при этом стать вассалом Митридата. Не исключено, что таковой уже имелся у Диофанта к началу переговоров, и после своей победы он прямо навязал его признавшим поражение скифам, что и отразил автор декрета в стк. 31—32. Реконструкция этих строк А. К. Гавриловым представляется болсе вероятной²⁵.

С другой стороны, бежавшие скифы, вероятнее всего, представляли собой кочевую часть скифского общества. Соотношение той и другой сторон, учитывая «массовый переход степного населения к оседлости в III в. до н. э.»²⁶, было явно в пользу первых. Это вытекает, кстати, и из анализа текста декрета в честь Диофанта. Численность и боеспособность бежавших скифов явно не внушала опасений Диофанту, потому-то он и не стал их преследовать. Думается, он не поступил бы так, если бы был уверен в силах противника и его возможности опять нанести удар по понтийским владениям. Опыт первого своего похода, когда разгромленные скифы опять обрушились на Херсонес, он должен был учесть. Следовательно, бежавшие скифы в глазах понтийского полководца не представляли собой серьезной военной силы.

Закончив описание дел в Скифии, составитель декрета начинает рассказ о событиях на Боспоре. Сначала речь идет о передаче власти Перисадам Митридату, а вслед за этим о выступлении скифов Савмака. Судя по использованным в тексте декрета формам глаголов, события эти следовали одно за другим без длительного временного перерыва и названные скифы в период акции Диофанта находились в Пантикапее. Такой точки зрения придерживается и Ю. Г. Виноградов²⁷. По мнению же А. К. Гаврилова, «Савмак ворвался из скифских пределов в боспорскую столицу»²⁸. Эта точка зрения подкрепляется анализом упоминаний скифов и Скифского царства в тексте декрета, где нет указаний на перемену в употреблении термина «скифы» при упоминании скифов Савмака. Это, по мнению автора, подтверждает внутреннее единство всех упомянутых в декрете скифов, а значит не-

раздельность скифов Палака и Савмака в представлении херсонеситов²⁹.

Что касается «внутреннего единства», то тут нельзя не согласиться. Херсонеситам действительно было хорошо известно, что скифы Таврики, Приднепровья, Керченского полуострова представляли собой единый в этническом отношении народ. И называть тех или иных иначе как «скифы» они просто не могли. Да в этом и не было необходимости, поскольку наш источник не этнографическое исследование, а государственный декрет, повествующий о конкретных политических событиях. А коли так, то и выделение в нем тех или иных групп будет даваться по политическому принципу, т. е. представители одного народа, составляющие разные в политическом отношении группы, будут называться по их лидерам. Поэтому выделение скифов из окружения Савмака, после неоднократного упоминания скифов, подчиненных Палаку (причем первые упомянуты безо всякой связи не только с Палаком, но и со Скифией вообще), несомненно, говорит о том, что «савмаковцы» представляли собой особую в политическом отношении группу, не подвластную Палаку. В какой-то мере это признает и сам А. К. Гаврилов, отмечая, что в декрете «Савмак стоит чуть ли не вровень с Палаком»³⁰. Мог ли таковым быть руководитель отряда, отделившегося от основного войска? Учитывая количество сыновей Скилура и возможную связь Савмака со скифским царским домом (это допускают и А. К. Гаврилов, и Ю. Г. Виноградов), теоретически такое возможно. Но практически — очень маловероятно.

Во-первых, если бы скифы из окружения Савмака составляли отряд войска Палака, главного врага Херсонеса, это, несомненно, нашло бы отражение в декрете. В этом случае для херсонеситов война с ними была бы действительно кровно необходимым продолжением войны со Скифией. Но из декрета этого вовсе не следует. Не херсонеситы умоляют понтийского полководца идти на Савмака, а сам понтийский полководец, спасенный от «савмаковцев» херсонеситами, упрашивает граждан о помощи (IPE. 1². № 352. стк. 38). Последние же, судя по этой фразе, считали свою роль в инциденте исчерпанной спасением Диофанта. Следовательно, в их глазах скифы Савмака вовсе не то же, что скифы Палака.

Во-вторых, вряд ли столь непримиримые враги Диофанта, каковыми с точки зрения А. К. Гаврилова должны быть эти

скифы, оставили бы ему жизнь, захватив врасплох на Боспоре. Прощать обиды и тем более поражения было не в обычае у скифов.

В-третьих, надо иметь очень богатое воображение, чтобы представить себе, как этот безумно храбрый отряд (странно только, что эта храбрость его никак не проявилась при обороне собственных городов), составляющий лишь часть скифского войска, не сумевшего овладеть единственным эллинским городом Херсонесом, смог добиться гораздо большего—подчинить себе целое государство—Боспор. Впрочем, А. К. Гаврилов и не утруждает себя доказательствами, считая подобные возражения наивными. По его мнению, «история войн была бы намного короче, если бы всякое тяжкое поражение означало конец войны»³¹. Верная при общетеоретических построениях, данная фраза совершенно неуместна в конкретном историческом исследовании. Тем более, что ей противоречат очевидные факты.

Уже сам А. К. Гаврилов допускает, что «савмаковцами» могли быть не только скифы Палака, но и «какая-то близкая последним аггломерация, роль и место которой в Скифском царстве ближе нам неизвестны»³². Но так ли уж неизвестны? Такой аггломерацией, например, можно было бы считать скифов Приднепровья. Об этом свидетельствует то, что их территориальное единство со скифами Таврики археологически не подтверждается³³, несмотря на, казалось бы очевидное указание Страбона о единой Скифии от Боспора до Борисфена (VII, 4, 5). Правда, при отсутствии доказательств подчиненности их Палаку или союзе с ним, а также каких бы то ни было данных о контактах с Боспором, что могло бы подтвердить их заинтересованность в боспорских делах, связывать именно с ними скифов Савмака весьма рискованно.

Но есть и другой вариант: скифы Керченского полуострова, в том случае, если бы они входили в состав Боспорского государства. Однако у нас нет решительно никаких аргументов в пользу такого их положения, принятого, тем не менее, большинством исследователей. Все приводимые доказательства в этом плане³⁴ говорят лишь об экономической эксплуатации скифов Керченского полуострова боспорянами и не более того. Поэтому, более вероятно, что эта категория скифов оставалась в составе скифского государства Палака. В таком случае на нее распространяются те же аргументы,

которые я приводил выше для отдельного отряда армии Палака.

Наконец, такой аггломерацией могли быть и скифы, находящиеся на службе у последнего Спартокида. Археологические материалы показывают, что с середины III в. до н. э. 85% скифских поселений Керченского полуострова гибнет. Гибель эта связана преимущественно с экологическими изменениями. Но, в какой-то мере возможно и давление кочевых скифов, отступивших в Таврику из Северного Причерноморья, на своих собратьев-земледельцев. При этом часть жителей брошенных поселений переселяется в города и на хору Боспора, а часть—уходит в предгорья Центрального Крыма³⁵. Учитывая небольшие размеры новых поселений, возникающих в то время на хоре Боспора, и их солидную укрепленность, можно не сомневаться, что часть скифов вошла в состав наемной армии Боспора на правах военных поселенцев. Элита же этих скифов, издавна связанная с Боспором, о чем особенно ярко свидетельствуют погребения скифской знати в некрополях боспорских городов³⁶, поступив на службу к боспорским царям, несомненно, вошла в состав державных родов государства. Среди последних были и потомки династийных браков боспорского и скифского царских домов. Общей особенностью всей этой аггломерации скифов была связь их политических интересов не со Скифией, а с Боспором. Именно поэтому они и не оказались всецело на стороне Палака в период наступления последнего на Херсонес, а колебались в выборе решения вместе с Перисадам V.

Отрицая возможность видеть в них скифов Савмака, А. К. Гаврилов приводит такой аргумент, как отсутствие применения этнонима «скифы» по отношению к жителям греческих государств и боспорянам, в частности³⁷. Но то же самое можно было бы сказать и об этнонимах представителей других народов, проживающих на Боспоре, в том числе и об эллинах. Да и в Херсонесе, где археологическими материалами засвидетельствовано проживание тавров³⁸, в надгробиях нет ни одного упоминания этноса умерших. Умершие у себя на родине у греков назывались в надгробиях по имени-отчеству. И только за пределами своего государства они назывались по полису, а варвары—по Этносу³⁹. Именно с этим обстоятельством связано упоминание этноса тавра Тихона (КБН, 114) и пафлагонца Дросаниса (КБН, 180). Для

боспорян, ставивших памятники этим последним, они не были жителями их государства, что и обусловило упоминание этника.

Иное дело соседние скифы! В том, что земля, на которой стоят боспорские города, скифская, не только херсонеситы, но и сами боспоряне ничуть не сомневались. Особенно наглядно о том свидетельствует надгробие IV—III вв. до н. э. из Пантикапея КБН, 117 («Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея...»). Судя по ее содержанию, Гекатей умер вдали от родины и был погребен в Пантикапее⁴⁰. И то, что место его погребения названо «скифской землей», несомненно, говорит именно о таком ее восприятии эллинами. А значит отсутствие указаний в боспорских надгробиях на этнос местных скифов естественно и вполне согласуется с греческими традициями надгробных надписей. Именно поэтому, вероятно, и херсонеситы в декрете в честь Диофанта не уточняли, о каких скифах идет речь, считая достаточным упомянуть имя их предводителя, чтобы читателям все стало ясно.

Что касается тождественности оценок скифской «беззаконной мятежности» в случаях со скифами Палака и Савмака, трактуемой А. К. Гавриловым как свидетельство нераздельности этих последних в представлении херсонеситов⁴¹, то и такое их понимание не представляется единственно возможным. На мой взгляд, такое тождество вызвано не представлениями херсонеситов, а характером действий скифов, направленных против понтийского владыки. И в том, и в другом случае это был мятеж против законного повелителя, ставшего таковым в первом случае—в результате завоевания, во втором—в результате наследования.

Отметим также точку зрения Ю. Г. Виноградова на вопрос о происхождении скифов Савмака. По его мнению, Савмак и его окружение представляют собой скифов Таврики, занимающих важные посты на службе у царя Боспора и связанных брачными узами с представительницами боспорской знати⁴². На Боспоре они все оказались в силу союза Скифии и Боспора. Для самого Савмака и его ближайшего окружения это вполне возможно и, пожалуй, наиболее вероятно. Однако, учитывая многочисленность скифского населения Керченского полуострова в IV—III вв. до н. э. и невозможность объяснить резкое сокращение его численности в последующее время иначе, как переселением значительной части в города и на хору Боспора, надо думать, что среди

«савмаковцев» (точнее среди той их части, которая должна была бы быть настроена наиболее решительно, ибо уходить ей с Боспора было некуда) преобладали выходцы из аристократии скифов Восточного Крыма. В какой-то мере это подтверждается и сообщением декрета в честь Диофанта о том, что переворот на Боспоре совершили **скифы** во главе с Савмаком, а не Савмак, возглавивший скифов. Такой акцент, по-видимому, не случаен. Он подчеркивает, что инициатива окружения вождя в подготовке и проведении переворота была выше, чем его собственная.

Подводя итог характеристике скифов, совершивших государственный переворот на Боспоре накануне его перехода под власть Понта, я солидаризируюсь с мнением, высказанным ранее В. Н. Юргевичем, С. Я. Лурье, А. С. Коцеваловым и Ю. Г. Виноградовым⁴³, с той лишь разницей, что вижу основную и наиболее решительно настроенную группу среди скифов Савмака в лицах боспорского происхождения.

Обратимся теперь к личности главного героя переворота на Боспоре. Основными критериями оценки здесь являются хорошая известность Савмака херсонеситам, неожиданность его выступления как для Перисада V, так и для Диофанта, прибывшего на Боспор для оформления передачи власти боспорского царя своему повелителю без войска, собственноручное убийство Савмаком последнего Спартокида, пленение и отправка Савмака в Понт, в то время как над виновниками восстания Диофант сам осуществил суд и расправу. Все эти факты подтверждают происхождение Савмака из среды знатных скифов. При этом хорошая известность его херсонеситам свидетельствует скорее в пользу его происхождения из дома Скилура, чем в пользу происхождения из рода скифской аристократии Боспора. Однако отсутствие хотя бы малейшего намека в наших источниках на связь Савмака с домом Скилура, особенно у Страбона, который прямо связывает переход Боспора под власть Понта с разгромом именно Скилура и Палака, оставляет, в какой-то мере, возможным и высказанное мною ранее предположение о происхождении Савмака из среды знатных боспорских скифов⁴⁴.

Полная неожиданность его выступления для боспорского царя и Диофанта говорит о том, что у последних не было веских оснований предполагать нечто подобное с его стороны. Они не видели в нем (или ком-нибудь другом) реально-

го и, тем более, законного претендента на престол Боспора. Данное обстоятельство исключает возможность видеть в Савмаке «объявленного наследника» Перисада V и заставляет сомневаться в его происхождении из дома Скилура вообще.

Собственноручное же убийство Савмаком последнего Спартокида напротив, как будто, свидетельствует о его личной заинтересованности в государственном перевороте. Однако вызвана ли эта заинтересованность его претензиями на обещанный ему престол или, скажем, отставкой от той высокой должности, которую он занимал в государстве до передачи власти Митридату Евпатору, судить трудно. Тем более, что отсутствие прямых указаний источников на родственную связь Савмака со скифской царской династией и посвящение дочери царя Скилура из Пантикапея, позволяют говорить о возможности наличия на Боспоре и другого претендента на боспорский престол. Брак Сенамотис и Гераклида, вероятного члена рода Спартокидов⁴⁵, учитывая отсутствие у Перисада V собственного сына, законного наследника престола⁴⁶, мог иметь целью подготовку такого наследника до появления претензий на это место со стороны понтийского царя. Поскольку Перисад V и Диофант, решая вопрос о передаче власти Митридату Евпатору, не рассматривали ребенка Сенамотис и Гераклида как реального конкурента в этом вопросе, можно предположить, что таковым могла быть дочь. Устройство ее судьбы в благоприятном для нее варианте не представляло трудностей для обеих сторон. А возможность использования ее скифами в качестве знамени переворота исключалась на том же основании. Косвенным доказательством в пользу такого предположения может служить и отсутствие царского титула у Савмака. Во всяком случае, за исключением монет с его именем, вызывающих серьезные сомнения⁴⁷, это ничем не подтверждается. А будь это так, столь значительный политический акт не остался бы не отмеченным в декрете в честь Диофанта, поскольку он еще более возвеличивал победу понтийского полководца и заслуги херсонеситов в ней.

Таким образом, и факт собственноручного убийства Савмаком боспорского царя в настоящее время не может быть убедительным аргументом в пользу царского происхождения убийцы и статуса наследника престола. Хотя можно предполагать, что он мог претендовать на роль реального главы

государства в ранге регента или опекуна. Судя по расчетам Ю. Г. Виноградова⁴⁸ о возрасте Сенамотис и тому, что ее брак с Гераклидом состоялся едва ли ранее середины правления Перисада V, ее дочь в момент выступления Савмака должна была быть еще несовершеннолетней. А это фактически отдавало власть в руки руководителя переворота. Отметим также, что принятие данной реконструкции событий делает более резонной версию о происхождении Савмака из числа представителей знати скифского царства.

Остается интерпретация факта пленения и отправки Савмака в Понт на фоне того, что виновников восстания Диофант наказывает сам и на месте преступления. Само построение фразы об этом событии: «...взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство...» (IPE. 1². № 352. СТК. 41—43)—не оставляет сомнений в том, что причиной высылки является именно факт убийства, поскольку упоминание об этом следует уже после слов о наказании виновных и тем самым выделяет Савмака из их числа. Судить убийцу царя должен был только преемник убитого. И это несмотря на то, что данное убийство было в его интересах. Последнее обстоятельство, кстати, могло способствовать сохранению жизни убийце. Не исключено, что Диофант рассчитывал и на это. Вспомним, что он не был убит во время восстания в Пантикапее и этим наверняка был обязан Савмаку, как главе восставших. Теперь он мог попытаться отплатить своему побежденному противнику той же монетой. Как бы там ни было, никаких данных о социальном положении Савмака из факта его пленения и отправки в Понт почерпнуть нельзя.

Таким образом, подводя итог информации декрета в честь Диофанта о Савмаке, можно с уверенностью предполагать лишь то, что он был лидером некой компактной группы скифской аристократии, политическими интересами связанной с Боспорским царством. Убедительных данных для представления Савмака «объявленным наследником» Перисада V и представителем рода Скилура декрет не дает. Попытка Ю. Г. Виноградова⁴⁹ увидеть подтверждение этому в словоохотливости составителя декрета, за которой, по его мнению, скрыты ощущение потенциальной угрозы Херсонесу со стороны новой власти Боспора и связь между царством Скилура-Палака и верхушкой боспорских скифов, как продол-

жателей политики конфронтации с Херсонесом, маловероятна. Во-первых, в данном пассаже декрета речь идет уже не о «сугубо внутренних боспорских делах», а о делах понтийских, которые для херсонеситов, только что отдавшихся под покровительство Понта, были отнюдь не безразличны. Во-вторых, если сравнить описание первых двух походов Диофанта с третьим, то совершенно очевидно, что словоохотливость составителей декрета выше в первом случае. И, наконец, в-третьих, нет никаких оснований говорить о том, что херсонеситы опасались нападения боспорян. Приведенные Ю. Г. Виноградовым аргументы говорят как раз об обратном. Так, спасение Диофанта, судя по тексту декрета⁵⁰, не стоило им больших трудов и не рассматривалось как подвиг: «он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль...» (IPE. 1². № 352. СТК. 36—37). Как видно из этого отрывка, корабль херсонеситов вошел в порт Пантикапея без страха быть захваченным. Более того, Диофант сам избежал опасности и сел на корабль херсонеситов, а не херсонеситы его опасали. Так что вполне может быть, что и корабль за ним они выслали по его же просьбе. И далее, прибыв в Херсонес, Диофант обращается к гражданам с просьбой принять участие в походе, а не херсонеситы умоляют его организовать поход на Боспор. Все это говорит против того, что херсонеситы ощущали опасность со стороны скифов Боспора и, тем более, видели в них продолжателей дела Скилура-Палака.

Достаточно красноречиво и молчание на этот счет Страбона, прекрасно осведомленного о политических событиях царствования Митридата Евпатора. Не думаю, что ему был неизвестен факт выступления боспорских скифов и судьба их предводителя, отправленного в Понт. Но он не посчитал это событие столь значительным, а его лидеров столь весомыми личностями, чтобы включать их в качестве исторической справки в свою «Географию». Иными словами, это также свидетельствует против признания Савмака наследником Перисада V и представителем дома Скилура.

Нам остается уточнить причину выступления скифов Савмака и характер действий противоборствующих сторон, что само по себе взаимосвязано. Точка зрения херсонеситов на вопрос о причине государственного переворота на Боспоре вполне определена и недвусмысленна. Это «устройство тамошних (боспорских) дел прекрасно и полезно для царя

Митридата Евпатора» (IRE. 1². № 352. СТК. 33). Отсюда следует, что переход Боспора под власть понтийского царя весьма существенно ухудшал социальный статус скифов из окружения Савмака, раз они решились на выступление, несмотря на свежесть впечатления о победе Диофанта над Скифией. Причем подчеркнем, что ухудшился социальный статус всей этой группировки скифов, поскольку, как я уже отмечал, акцент в проведении переворота в декрете сделан не на предводителе, а на его окружении. На вопрос, боролся ли сам Савмак в данном случае за царскую власть, помогает ответить, как мне кажется, фраза декрета «а против него самого (Диофанта) составили заговор» (СТК. 35). Из нее следует, что первоначально действия «савмаковцев» были направлены только против боспорского царя, который по условиям передачи власти, вероятно, должен был снять с руководящих постов государства лиц скифского происхождения. Понимая, что Перисад в данном случае всего лишь марионетка в руках Митридата, скифы убивают его, надеясь получить за это прощение, поскольку, в конечном счете, данное убийство было выгодно Митридату, и пытаются вести переговоры с Диофантом о сохранении своего прежнего статуса. И только когда выясняется бесперспективность подобных переговоров, они решают избавиться от Диофанта. Но последний, пользуясь своим относительно свободным положением, сумел на этот раз сам обмануть доверие скифов и бежал. Но это, по-видимому, не изменило намерений Савмака попытаться договориться с Митридатом. Скифы Савмака не предпринимают никаких агрессивных действий сами и не помогают скифам Таврики. Да и та часть последних, которая бежала с Палаком, не стремится на помощь своим сородичам на Боспоре и не пытается вернуть свои собственные владения, пользуясь войной Диофанта с Савмаком.

Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что восстание скифов Савмака было организовано лицами, чьи политические интересы были тесно связаны с Боспорским царством, а не со Скифией и основной целью его было сохранение прежнего социального положения участников мятежа в рамках новой державы, в состав которой они были инкорпорированы⁵¹. Не исключено, что, убедившись в неизбежности войны с Понтом, Савмак принимает царский титул. Это предположение основано на том, что он должен был обеспечить себе поддержку наемников и жителей государства на

твердой правовой основе. Впрочем, такую поддержку он мог иметь и будучи в ранге регента или опекуна.

В заключение напомним хронологию событий. Царь Митридат Евпатор вернулся к власти в Понте около 113 г. до н. э. В течение 113—112 гг. до н. э. им была унаследована Малая Армения и завоевана Колхида. Первые воинские контингенты Понта в Херсонесе появились, вероятнее всего, в 111 г. до н. э. Первый и второй походы Диофанта в Таврику состоялись в течение 110—108 гг. до н. э. Война на Боспоре заняла весь 107 г. до н. э. Только после этого Митридат стал «господином» Боспора, сохранив это звание почти на полвека.

1. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 169.
2. Молев Е. А. К вопросу об уплате дани Боспором варварам // АГО. Л.: 1986. С. 176—189.
3. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 67—69.
4. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 27.
5. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 67.
6. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: 1975. С. 154; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев. 1983. С. 367.
7. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford. 1953. P. 1951.
- В этой связи можно сопоставить сообщение Страбона с рассказом Геродота об уплате дани скифам народами Передней Азии в течение 28 лет, где он также применил термин «форос» (Her., I, 106), отличая его от добровольных даров (Her., III, 89) и сообщением Фукидида о наложении дани афинянами на своих союзников (Thuc., I, 19).
8. Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао. Одесса. 1914. С. 75—77; его же, Skythien und der Bosphorus. Berlin. 1931. S. 91—99.
9. Gajdukevic V. F. Das Bosphoranische Reich. S. 303.
10. Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // ПЭЭ. Тбилиси, 1986. С. 591—594; Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 67, 73.
11. Земля для основания Пантикапея была, по сообщению Стефана Византийского, предоставлена скифам. То, что она была именно скифской, подтверждает и надгробная надпись КБН, 117.
12. Молев Е. А. К вопросу... С. 186—187.
13. Молев Е. А. Установление власти Митридата Евпатора на

Боспоре // АМА. Саратов. Вып. 2. 1974. С. 60—72; его же, Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов. 1976.

14. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 73.

15. Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов. С. 69—70.

16. Гаврилов А. К. Скифы Савмака—восстание или вторжение? // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.: 1992. С. 61—62.

17. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. С. 28.

18. Максимова М. А. Античные города... С. 248.

19. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. С. 98.

20. Молев Е. А. Установление власти... С. 64.

21. Наиболее полный обзор представлен в работе З. В. Рубинзона: Rubinson Z. W. Saumakos. Ancient History, Modern Politics // Historia. 1980. Bd. 29. Наиболее полный комментарий к декрету в честь Диофанта см. Boffo L. Grecità di frontiera: Chersonases Taurica e i signori del Ponto Eusino (SIG. ³N 709). Athenaeum. 1989. vol. 67. P. 211—259; 369—405.

22. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 79, 80, 86.

23. Гаврилов А. К. Скифы Савмака... С. 71—72.

24. Молев Е. А. Митридат Евпатор. С. 35. Прим. 29.

25. Гаврилов А. К. Скифы Савмака... С. 72.

26. Там же. С. 66—67.

27. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Окифы VII—IV вв. до н. э. С. 364.

28. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 86.

29. Там же.

30. Там же.

31. Там же. С. 72. Прим. 60.

32. Там же. С. 71.

33. Полин С. В. От Скифии к Сарматии. С. 113.

34. Яковенко Э. В. Скифы на Боспоре. С. 31.

35. Масленников А. А. Сельская территория... С. 37.

36. Яковенко Э. В. Скифы на Боспоре... С. 30—31.

37. Гаврилов А. К. Скифы Савмака... С. 70—71. Прим. 58.

38. Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // ДСППВГК. Тбилиси. 1981. С. 212—215.

39. Следует отметить, что упоминаемые в надгробиях полисов Эллады варвары представляют собой зависимое население—рабов, вольноотпущенников, наемников. См. Граков Б. Н. Материалы... С. 295, 307.

40. Надгробие найдено на территории эллинистического некрополя Пантикапея вместе с тремя другими, что свидетельствует о погребении

Гекатея именно в пантикапейском некрополе, а не где-то на территории Скифии.

41. Гаврилов А. К. Скифы Савмака... С. 71.

42. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 82.

43. Юргевич В. Н. Псефисм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // 300. 1881. XII. С. 39; Lurie S. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander. 1959. N 2. P. 77; Коцевалов А. С. Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. Мюнхен. 1955. С. 22—26; Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 81—82.

44. Молев Е. А. Установление власти... С. 66; его же, Митридат Евпатор. С. 40.

45. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 60, 66.

46. Молев Е. А. Установление власти... С. 64.

47. Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1951. № 4. С. 199—203; его же, Еще о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3. С. 69—81; Rubinson Z. W. Saumakos. P. 57. Not. 22—23. P. 63f.

48. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись... С. 59.

49. Там же. С. 83.

50. А. К. Гаврилов, рассматривая вопрос о спасении Диофанта, идет еще дальше, считая, что Диофант спасается от скифов исключительно благодаря херсонеситам. См. Гаврилов А. К. Восстание Савмака... С. 72. Прим. 62. Чтобы подчеркнуть актуальность помощи последних полководцу Понта, он предлагает дополнить в строке 35 декрета $\delta\iota\alpha\phi\epsilon\upsilon$ [$\gamma\omega\nu$]

вместо дополнений В. В. Латышева $\delta\iota\alpha\phi$ [$\nu\gamma\omega\nu$] и Ю. Г. Виноградова $\delta\iota\alpha\phi\theta$ [$\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma$]. Но, во-первых, для восстановления эпсилона на камне при визуальном изучении камня я не нашел оснований. Гораздо более вероятно здесь восстановление Ю. Г. Виноградова, хотя и оно не бесспорно. А, во-вторых, в любом случае восстановленный текст это не подлинный, чтобы строить на нем однозначные исторические выводы. Тем более, что при любом из предложенных восстановлений букв главным действующим лицом в тексте остается Диофант, а не херсонеситы. Следовательно, декрет не дает оснований для утверждения об исключительности помощи херсонеситов в деле спасения понтийского полководца.

51. К тому же выводу пришел З. В. Рубинзон. См. Rubinson Z. W. Saumakos. P. 68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный нами второй период истории Боспора, когда государство предстает перед нами как территориальная тираническая держава, показывает, что в основных своих чертах эволюция державы поздних Спартокидов шла в русле общих закономерностей исторического развития эпохи. Но вместе с тем в ней проявился и ряд специфических особенностей, свойственных государствам периферии античного мира. Так, несомненно, ведущую роль в политической жизни здесь играли взаимоотношения с варварскими государствами и племенными объединениями; интенсивнее происходил процесс взаимопроникновения культур, причем более сильное воздействие оказывала культура эллинов; возникший в предшествующую эпоху тиранический режим управления государством подтвердил свою стабильность и жизнеспособность.

Вместе с тем включение в состав надполисного объединения, каковым было первоначально боспорское царство, местных племен при сохранении существовавших в них инфраструктур, сыграло двоякую роль. На первом этапе оно стало фундаментом и мощной опорой власти Спартокидов. Но в период III—II вв. до н. э., когда под влиянием античной культуры происходит активное социальное расслоение и политизация подвластных и соседних варваров, оно стало решающим фактором ослабления государственной власти и падения, в конечном счете, династии Спартокидов. Следует особо отметить, что ослабление и упадок Боспорского государства в период позднего эллинизма, которые так или иначе отмечаются практически во всех работах по истории Боспора, на самом деле не были ослаблением и упадком того первоначального единства, которое сложилось еще до Спартокидов. Экономическое развитие городов и хоры вполне соответствовало потребностям общества и было даже в состоянии обеспечить выплату отнюдь немалой дани новому заморскому поводителю в лице Митридата Евпатора. В тече-

ние рассмотренного нами периода происходили ослабление и упадок той системы государственной власти, которая сложилась и функционировала при Спартокидах. Борьба за независимость и выход из-под власти Боспора меотских племен лишили последних значительной части доходов, а значит и возможности содержать социальную опору своей власти—наемную армию. Попытки их укрепить свой престиж более тесными контактами со скифами в противовес племенам, расположенным в азиатской части государства, оказались недостаточно эффективными.

Более того, усиление скифского влияния при дворе Перисада V в какой-то мере, по-видимому, способствовало восстановлению традиционной конфронтации по линии эллины—варвары. Отголоски этого явления можно усматривать в выпуске монет от имени полиса Фанагорией и Горгииппией и усилении пропонтийской ориентации боспорян вообще, что нашло яркое выражение в передаче власти Перисадом V Митридату Евпатору. Восстание скифов во главе с Савмаком, последовавшее вслед за этой передачей, стало последней попыткой эллинизированной части варварского населения Боспора сохранить прежнюю структуру государственной власти. Судя по действиям восставших, первоначально эта попытка строилась на поисках пути соглашения с Понтом. Отказ понтийского царя от переговоров привел к войне и насильственному устранению реликтов прежней государственной системы Боспора. Новая система организации управления, введенная Митридатом, оказалась более приспособленной к условиям своего времени. На ее основе восстанавливается военное и политическое могущество Боспора, так и не позволившее Риму превратить его в провинцию своего государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.—Л.: 1955.
— Античные государства Северного Причерноморья. М.: 1984.
- АМА — Античный мир и археология.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АПИАИ — Актуальные проблемы историко-археологических исследований.
- АЦВМ — Античная цивилизация и варварский мир.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИАБ — Вопросы истории и археологии Боспора.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств.
- ДСППВГК — Демографическая ситуация в Северном Причерноморье в период Великой Греческой колонизации.
- ЗООА — Записки Одесского археологического общества.
- ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- КБН — Корпус боспорских надписей.
- КСИА — Краткие сообщения Института Археологии.
- КСИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- МДБ — Монетное дело Боспора.
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МОБЧМДСВ — Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.
- МВПДЭ — Междолисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху.
- НАП — Нумизматика античного Причерноморья.
- НиС — Нумизматика и сфрагистика.
- НС — Нумизматический сборник.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика.

- ПАЭСК — Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа.
- ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья.
- ПСАИ — Проблемы сарматской археологии и истории.
- ПССАСП — Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья.
- ПЭЭ — Причерноморье в эпоху эллинизма.
- СА — Советская Археология.
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа.
- ТД — Тезисы докладов.
- ТМБЧМСВ — Торговля в бассейне Черного моря в древности и средние века.
- BAR — British Archaeological Reports.
- BSH — Bulletin Correspondance Hellénique.
- IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini.
- JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
- JRCZM — Jahrbuch des römische-germanischen Zentralmuseums Mainz.
- WBR — Waddington W., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Хронология правления Спартокидов в III—II вв. до н. э.	7
Глава II. Этнические процессы на Боспоре в III—I вв. до н. э.	26
Глава III. Боспор и его соседи в III—I вв. до н. э.	36
Глава IV. Монетное дело и денежное обращение Боспора при поздних Спартокидах	63
Глава V. Боспор и античные государства	97
Глава VI. Подчинение Боспора Понту	114
Заключение	134
Список сокращений	136

Евгений Александрович Молев
БОСПОР В ПЕРИОД ЭЛЛИНИЗМА
Монография

Редакторы: Е. В. Тамберг, О. В. Широкова
Технический редактор: Е. В. Тамберг

ИБ 268

Темплан 1994, позиция 13

Лицензия № 020235 от 16.10.91.

Сдано в набор 25.04.94. Подписано в печать 12.05.94.

Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 1000 экз. Заказ 476.

Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского.

603600, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Типография ННГУ, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.